

Гера

Ярый
РАИ

Лизу, девчонку из убогого мира, выудили выйти замуж за чудовище. Странное и непонятное. Которому очень нужна помощь, да такая, на которую нормальный человек вряд ли бы отважился. Вот только после общения с чудовищем люди быстро становятся ненормальными.

Есть ли у души возраст или пол? Как она выглядит? Нормально ли, что твой собственный супруг за три года до вашего знакомства нашел тебе любовника, очаровательного Рональда, и привел его домой? Как передвигать четырьмя лапами и не путаться в них, когда ты превращаешься в лису? Лиза с радостью бы не знала всех этих премудростей, но ей пришлось во всем разобраться, на своей же шкуре.

Глава 1. Первый и второй жилец: Войди в меня

Как вода. Грэгор не мог понять, что именно он пьет, потому что любой алкоголь казался ему водой: безвкусным, без запаха, без цвета. К счастью, пойло все еще работало, и поэтому он продолжал пить. Без удовольствия, не глядя по сторонам. Пить. Пить. Пить. Пока в руках держится стакан. Потом тело заснет, отключится где-нибудь на полу или на липкой стойке, или на улице, в грязи, или... а впрочем, все равно. Грэгор был бы рад уснуть однажды и не проснуться, никогда.

Нет цели. Смысла нет.

Грэгор не помнил, сколько денег у него осталось, то не особо заботило его. Закончатся, и что? Какое это имеет значение? Ну, высадят с корабля, ну, закончится жалкое существование, ну, умрет, нет, сдохнет где-нибудь в подворотне на чужой земле. Никто и не заметит. Он даже не помнил, где именно они причалили, и на какой конкретно срок. Быть может, без него давно уплыли. Какая разница, когда в этом паршивом уголке нашлась чудесная таверна, грязная и тесная, где продавали славные напитки?

— Еще! — требовательно крикнул он. Очередной стакан с чем-то тошнотворно-мутным возник перед лицом. Грэгор пошарил по карманам и вывалил на стойку последнюю мелочь.

Рука тряслась так, что часть спасительной жидкости расплескалась по замызанной столешнице. Мысленно он усмехнулся. Подобными руками лечить кого-то — только убивать. Да и неважно. Грэгор выпил все до дна. Икая, поднялся со стула. Сделал один шаг, другой, потерял равновесие и схватился за чей-то стол, чтобы не рухнуть на пол. Выслушал гневную тираду. Добрел до выхода. Шатаясь, выбрался наружу, в ночь.

Грэгор не помнил, куда надо идти. Где здесь причал? И кто все эти люди?

Перед глазами плыло, ноги подкашивались. Идти в темноте вдоль стен домов еще как-то получалось, но вот дома закончились, опора пропала, и Грэгор продолжил движение ползком. Впереди маячили деревья, и единственное, о чем он еще мог думать, так это о том, что стволы — тоже неплохая опора, и с их помощью можно будет встать.

Руки скользили на мокрой земле, одежда пропиталась грязью, в рот вьелся кислый привкус не то алкоголя, не то рвоты. Наверное, недавно прошел дождь. Грэгор не знал. Он весь день не выходил наружу. Ему было плевать, что происходит вокруг.

Деревья. Встать. Идти прямо. Куда? В лес, глубже. За ним начинались горы, их пики белели в вышине. Зачем? А почему и нет? Дело десятое, куда идти. Дальше от городка. Туда, где тихо.

Грэгор обхватил руками ближайший ствол. Подтянулся. Встал. Перевалился к следующему дереву, отдышался. В груди колело, немолодое сердце разошлось. Наверное, не выдержит, заглохнет после очередной попойки. Жаль, что не сейчас. Следующее дерево. Еще одно. Еще. Упал. Ругаясь, поднялся. Дотянулся до следующего ствола. Мягкого на ощупь. Горячего.

Стволы такими не бывают, Грэгор точно знал. Прищурился во тьме.

Возможно, он бы испугался, но был настолько пьян, что просто удивился. Вплотную стоял демон. Неподвижный, черный и большой. Его глаза горели, в руке белел зажатый нож. Прекрасный нож. С длинным лезвием, кривым, и, наверно, очень острым. Грэгор держался за плечо монстра и чувствовал, как в нем просыпается надежда.

Допился. Смерть пришла. Как неожиданно приятно!

— Др-ружище. Ты приш-ш-шел убить меня? — путаясь в словах, спросил он посланника с небес.

Демон медленно склонил голову набок. Неспешно поднял нож. Взял руку Грэгора и полоснул по ней. Хлынула кровь.

— В гр-рудь воткни, — сердито проворчал Грэгор. Он знал, что от такого ничтожного пореза крови вытечет немного; вот если бы разрезать вдоль, не поперек!..

Демон надавил на плечи, опуская его вниз. Сам сел напротив. Взял порезанную руку слизал кровь языком. Грэгору стало смешно — смерть что, сожрать его решила? Интересный способ умереть. Да пусть бы и так, без разницы, зато чуть-чуть совсем осталось.

Демон взял обе руки, с силой встряхнул. Грэгор спиной ударился о ствол, немного протрезвел.

— Смотри, — вкрадчиво сказала существо. Он посмотрел в его глаза, и стало не до смеха. — Войди. В меня.

Грэгор обмяк, и, пропадая, понял, что ошибся. За ним пришел вовсе не демон. Божество.

Глава 2. Третий жилец: Лиза

— Ты с ним спала? Отвечай! Спала или нет?! Отвечай. Отвечай!!! — проорал отец и лицо, обдав его мелкими брызгами слюны, и в сердцах замахнулся на девушку.

Лиза вздрогнула всем телом, округлила глаза, но опять повезло — трясущийся кулак замер в нескольких сантиметрах от головы. Лицо отца исказилось гневом, рука заходила ходуном, и, испытывая острую потребность разрушить хоть что-нибудь, он перенаправил ярость на напольную вазу — от удара она отлетела на середину комнаты и с дребезгом разлетелась на осколки. Девушка вжалась в стену и зажмурилась, а отец, тяжело дыша, размял руку, шею, отпил воды из граненого стакана, прошелся по гостиной вперед-назад, намеренно наступая на хрустящие обломки вазы, опять подошел к побледневшей от страха дочери и навис над ней.

— Ты ведь с ним спала. Ведь спала. Не могла не спать. Ты такая же, как твоя мать. Ты с ним спала. Отвечай. Спала? Отвечай! Отвечай!!!

Лиза вскинула голову и все так же молча посмотрела на него. Грудь ее высоко поднималась, руки нервно вцепились в платье за спиной; пыточный разговор длился больше часа, и она находилась на грани. Но держалась, и за последние полчаса не проронила ни слова. Потому что знала, что, если она признается — будет плохо, если начнет все отрицать — все равно будет плохо. А молчание позволяло оттянуть время, подумать, и под крики отца девушка лихорадочно соображала, как же ей теперь быть.

Потому что она не просто «с ним спала». Менструации прекратились три месяца как, живот рос, и его приходилось стягивать корсетом так, что и дышать, и ходить было тяжело. И если бы отец, человек чести и ярый блюститель традиций, догадался, что она не только не девочка, но и беременная вдобавок, то прибил бы ее. Тут же. На месте.

Но пока он этого не знает. Пока его волнует только сам факт вероятной не-девственности единственной нелюбимой дочери. Его багровое лицо тряслось над ней, брызжа слюной, рот искривлялся, изрыгая закладывающий уши ор, и девушка понимала, что скоро, очень скоро достанется уже не вазе, не графину, осколки которого лежали под столом, не стульям, хаотично разбросанным по помещению, а ей. А когда вся правда всплывет — а она всплывет, обязательно — то он убьет ее, убьет, убьет, собственными руками убьет, всенепременно, убьет!..

— Признавайся. Признавайся!!! Что он делал ночью в твоей спальне? Ты с ним спала? Я ведь все равно все узнаю, и скоро, — сузил он глаза. — И лучше бы тебе признаться во всем сейчас. Говори. Говори!!! — схватил он ее за плечи и сильно затряс, так, что в шее девушки что-то хрустнуло. Она схватила его за руки, сбросила с себя, и в отчаянии выкрикнула:

— Хватит!!!

— Ты мне еще указывать смеешь, сучка?! — взревел он страшным голосом и в очередной раз замахнулся на дочь. Она зажмурилась, сжалась, и на сей раз удар пришелся не по столу, не по стене и не по целому стакану — ладонь со свистом рассекла воздух, и со всего маху обрушилась на лицо девушки. Голову отвернуло к стене, Лиза вскрикнула и схватилась за пылающую щеку.

— Говори, — задышал отец в ухо. — Го-во-ри!!!

— Хватит, пожалуйста, хватит! — сползла она по стене, уткнулась в ладони и мелко

затряслась. — Хватит!..

— Это только начало. И поверь мне, если окажется, что ты с ним все-таки спала — тебе будет хуже, маленькая ты дрянь, гораздо хуже. Хватит скулить! В глаза мне смотри!!! — отец склонился над ней, и под стук в дверь четко отчеканил: — Смотри. Мне. В глаза!!!

Стук повторился.

— Да!? — злобно выпалил он, поворачиваясь в сторону двери.

— Доктор прибыл, — слащаво пропела заглянувшая в комнату шавка. Невольник, приближенный к отцу, его правая рука. Впрочем, для Лизы все они были на одно лицо, мерзкое, испещренное хищной паутиной — не люди, а тени людей.

И именно этот невольник слышал ночью крики из ее спальни.

Именно эта шавка немедленно донесла все отцу.

Именно из-за нее жизнь теперь висит на волоске!

— Доктор... Доктор. Уже? — отец медленно выпрямился, и как-то нехорошо улыбнулся. — Отлично. Вставай, — любезно протянул Лизе руку. — Пойдем.

И до Лизы дошло. Доктор. Доктор! Отец пригласил того, кто сможет с большой вероятностью определить, девственна она или нет; человека, от которого не утаится и самая страшная тайна — а это значит, это значит, что...

— Вставай!!! — рявкнул отец и грубо поднял ее, до боли стиснув плечо. — Пошли, — так же крепко удерживая девушку, поволок ее в холл.

Что такое невезение? Лизе не везло с рождения. Она родилась девочкой, в то время, как отец ожидал появления наследника, и с самого нежного возраста впала в немилость. Наследник родился тремя годами позже, но умер во младенчестве. Следующий тоже умер. А вот третий жил и здравствовал до сих пор. Брат. Любимчик отца. Лиза же так и осталась нелюбимой дочерью, которой откровенно пренебрегали.

К несчастью для себя, Лиза росла красавицей. И отец делал на ее красоту высокую ставку, намереваясь заключить выгодный для себя брак, когда девушка созреет. Девочке с малого возраста приходилось тщательно следить за собой, выглядеть безупречно, безупречно себя вести, потому что иначе следовал суровый выговор. Она черной завистью завидовала брату, не понимала, почему от него не требуется того же; почему его обучают грамоте и счету, а ее — бесполезно петь и вышивать. Большую часть детства и юности девушка провела на подоконнике личной спальни, с тоской смотря за окно, где играли другие дети, пачкались, громко кричали, в то время как для нее подобные шалости находились под строжайшим запретом. И больше всего на свете ей хотелось сбросить неудобное платье, собрать волосы в обычный хвост, и сделать что-нибудь такое, неправильное, вопиющее, но приносящее истинное удовольствие. Никто не знал, какие чертята прячутся в ее голове, какие мысли роятся, со стороны она смотрелась образцовой девушкой.

Но самая черная полоса ворвалась в жизнь девушки четыре месяца назад, когда мать, не сумев разродиться, умерла. На похоронах Лиза не чувствовала ничего, она еще не понимала, что это конец, что она осталась совсем одна, без единственного близкого человека рядом, что матери на самом деле больше нет, что она не пожелает спокойной ночи, не подожмет губы за завтраком, так, как обычно это делала — девушке было странно стоять и смотреть на покойницу в гробу. Лиза в черном платье, с тонкой вуалью на лице, всматривалась в дно

могилы, повторяла за всеми банальные слова, и увидела глаза напротив. Соседский парень, приглашенный на похороны. Он тоже на нее смотрел. Красивый.

Вечером девушка нашла утешение в его руках. На сеновале.

Потом утешение стало регулярным, в ее же спальне. Он прокрадывался через нарочно не запертое окно.

Он говорил красивые слова. Говорил, что любит. Что женится. Слушать его речи было так непривычно, так приятно! Но больше всего девушку заводила опасность, риск. Что она делает что-то вопреки правилам, что сама решает, как распоряжаться своей же жизнью. Но недолго длилась эйфория.

Через пару месяцев Лиза с ужасом поняла, что беременна. Меры предосторожности не помогли. Черная полоса — это пытаться вытравить плод всеми возможными способами, пить отраву, прыгать с забора на бревно, а потом лежать в постели несколько дней, корчась от боли, и понимать, что все было без толку. Черная полоса — это признаться во всем любовнику минувшей ночью, надеясь получить поддержку, помощь, и выслушать в ответ его холодное: «От кого?».

«От кого?».

Эта фраза так расстроила девушку, так выбила почву из-под ног, что она забыла об осторожности. Она высказала ему все. Они начали ругаться. И их услышала та самая шавка, что сейчас с едкой ухмылкой шла позади. Любовник сбежал. Выпрыгнул из окна, как обычно, и отец успел увидеть только его спину. А для Лизы еще с ночи начался ад.

И, наконец, невезение — это предстоящий осмотр доктора. Унизительная, мерзкая процедура, последствия которой будут необратимы. Все всплывет, и это... это конец. Лиза не знала, как ей до сих пор удастся внешне выглядеть относительно спокойно, потому что внутри девушку разрывало на части от страха, отчаяния, от горечи предательства; и, самое страшное, она понимала, что зажата со всех сторон. Нет выхода. Ничего нельзя поделать.

Отец дотащил девушку до холла и грубо толкнул вперед. Она сделала пару шагов по инерции, вскинув руки в стороны, замерла перед доктором, сгорая от стыда подняла глаза и едва сдержала крик. На осмотре неприятности не заканчивались. Черная полоса подбросила еще один, завершающий, сюрприз, вишенку на торте, потому что для осмотра отец позвал тех, про кого Лиза много раз слышала, но ни разу не видела, самого загадочного в городе доктора вместе с его жутким спутником — и увиденное повергло ее в шок.

Прямо на нее, в упор, пронизывающим до нутра взглядом смотрело самое отвратительное, самое мерзкое существо на свете. Огромное. Высокое. Обезображенное неведомой болезнью: выглядывающие из-под одежды руки, ноги, да все тело за исключением лица и части шеи было покрыто рубцами не то от ожогов, не то от оспы. Руки его покоились на груди, которая высоко поднималась и медленно опускалась, и казалось, что дыхание дается ему с трудом; черные длинные волосы спадали вниз и почти касались пола. Но больше всего пугали его выпуклые глаза. Большие, черные, раскосые, ни белков, ни радужки, сплошная чернота. Они манили, притягивали, и вскоре обзор девушки сузился до гипнотизирующих глаз напротив, все прочее померкло. Тело ее оцепенело, сердце разошлось, и девушка поняла — вот с этим она не останется наедине ни за что, не подпустит к себе, не даст прикоснуться; она была готова признаться во всем сейчас же, только бы

избежать подобной пытки. И Лиза призналась бы, но горло онемело так же, как и все тело, и она ни слова вымолвить не смогла.

Как сквозь толщу воды девушка слышала голос отца, который вводил доктора в суть дела.

— Осмотр? Девственность? Вы для этого прислали за нами карету? Извините подобные дела не в моей компетенции! — возмущенно ответил тот. Лиза разобрала смысл сказанных слов, очнувшись от наваждения, перевела взгляд на доктора, обычного пожилого человека. Слабая надежда, что пытки получится избежать, затеплилась внутри.

— Я хорошо заплачу, — упорствовал отец. — Вы не имеете права отказать клиенту!

— Имею, — возразил доктор. — У нас есть более важные дела. Ярый, идем отсюда.

Но монстр и не подумал сдвинуться с места. Вместо этого существо подняло руку и указало на Лизу.

— Это она, — пронзил тишину хриплый голос.

— А-ах, она!.. — переменялся в лице доктор. — Где я могу провести осмотр?

— Нет! — побледнела Лиза.

— Я отдам распоряжение проводить вас до спальни, — любезно отреагировал отец.

— Нет!!!

— Девушка, как вас зовут? — обратился к ней доктор.

— Никуда я с вами не пойду!

— Ты пойдешь и сделаешь все, что тебе скажут, — жестко ответил отец. — Ее имя Елизавета. Могу предоставить вам в подмогу пару невольников, если желаете, она прыткая, будет сопротивляться.

— Нет!!!

— Спасибо, не стоит. Мы справимся. Лиза, пожалуйста, идемте.

— Делай, что тебе говорят!

Монстр зашел сбоку и перекрыл путь отступления в гостиную. По другую сторону стоял ухмыляющийся отец, позади топталась шавка, чуть впереди, у широкой лестницы, доктор выжидательно смотрел на Лизу. Ее окружили, и девушка с горечью поняла, что, если она окажет сопротивление, попытается сбежать, то тогда осмотр все равно проведут, но насильно. Ее будут держать за руки, за ноги, пока совершенно чужой человек не закончит процедуру, на глазах у всех, полезет туда, пальцами, предметами, какой-то старик будет ее трогать, а все, в том числе и жуткий монстр, будут стоять и смотреть!..

Плечи девушки мелко затряслись, по щекам потекли слезы.

— Я... я с ним спала, — тихо призналась она, опустив глаза.

— Я тебе не верю, — издеваясь, ответил отец. — Ведите ее на осмотр. Мне нужно официальное заключение.

Лиза только и смогла, что вскинуть голову и ртом молча заглатывать воздух. Она растерялась так, что полностью утратила способность к сопротивлению, и доктор, воспользовавшись ее состоянием, подхватил девушку под локоть и уверенно повел вперед; шавка шла перед ними, указывая дорогу, а монстр выдвинулся позади всех. Отец остался внизу, у подножия лестницы, и ядовитым взглядом проводил дочь.

Как в тумане девушка перебирала ногами, спотыкаясь о ступени, путаясь в подоле платья, пересекла широкий светлый коридор на втором этаже и очутилась у распахнутой двери собственной комнаты. Доктор завел Лизу вовнутрь, монстр шагнул следом, пригнувшись, потому что рост его был настолько огромен, что дверные проемы оказались

для него маловаты. Двери захлопнулись, девушку усадили на кровать. Она беспомощным взглядом обвела пространство, в который раз передернулась от вида монстра, переключилась на доктора, увидела отражение себя в зеркале напротив: потерянную, подавленную, с опухшей, посиневшей щекой; всхлипнула, спрятала лицо в ладони и заплакала.

— Лиза, послушайте меня... — приблизился к ней доктор.

— Не трогайте меня! Не смейте меня трогать!.. — сквозь слезы выкрикнула девушка и рывком отодвинулась подальше.

— Мы не будем проводить осмотр, мы и пальцем к вам не прикоснемся, только успокойтесь и выслушайте нас, пожалуйста. Вы же понимаете, что, даже если я сейчас выйду и совру вашему отцу, то это ни к чему не приведет. Беременность вы не сможете скрывать долго.

— Откуда вы... как вы...

— Какой у вас срок? Сколько месяцев?

— Я... вы...

— Четыре, — прохрипел монстр.

— Да как... Кто вы такие? — выдохнула Лиза, чувствуя, как земля уплывает из-под ног. Девушка совсем, ни капли ничего не понимала, ей стало казаться, что она сходит с ума, потому что никто — никто! — кроме нее и Тима-предателя не знал страшную тайну и не смог бы узнать, потому что живот она стягивала корсетом так, что выглядела еще стройнее, чем до беременности. Они не могли знать, не могли догадаться — но они все знали и ни секунды в том не сомневались.

— Ведь ваш отец не брезгует убийствами чести? И вы это знаете, ведь так?

— Что...

— Вы нам очень нужны, Лиза. Мы вытащим вас отсюда, можете на нас положиться. Идемте, поговорим с вашим отцом. И запомните две важные вещи — первое, мы вам не враги, второе — ничего не бойтесь. Подыграйте нам, если потребуется. Хорошо?

— Вы... что вам надо? Кто вы такие? Откуда вы все знаете?!

— Потом, все потом. Щека, сильно болит? — доктор сел на кровать, открыл чемоданчик, достал оттуда отрезок бинта, сложил его в несколько слоев и смочил в тазу с прохладной водой, стоящем на зеркале с прошлого вечера. — Ярый, помоги.

— Нет, нет, не надо, не приближайтесь ко мне, нет, нет, нет! — отчаянно закричала Лиза, закрыв лицо руками. Монстр оторвался от дальней стены, где стоял все время, подошел к ней, протянул к щеке руку — у девушки душа ушла в пятки, сердце замерло — и... ничего не сделал. Постоял так секунду или две, убрал руки за спину и шагнул назад. Доктор тут же приложил к щеке холодный компресс.

— Подержите вот так, это уменьшит отек. А теперь идемте.

Машинально прижимая бинт к щеке, Лиза встала. Она нервничала и давила на компресс так сильно, что вода из него выжималась и заливала платье, стекая по лицу и подбородку. И что-то шло не так, и девушка не могла сообразить, что именно, а время и ситуация в целом не располагали к раздумьям; доктор открыл дверь, пропустил девушку вперед, подхватил под локоть и повел на первый этаж, где в холле трою поджидал отец. Монстр, так же, как и прошлый раз, шел позади, а Лизе казалось, что ее ведут на расправу под конвоем. Описать свое состояние она не смогла бы при всем желании, и впервые в жизни испытала страшное ощущение, когда под ложечкой что-то дрожит. Там действительно что-то дрожало, по-

настоящему.

Отец сидел внизу на диване, широко расставив ноги, и смотрел на дочь очень недобрым взглядом. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего, оно пугало, и Лиза заметила, что так сильно прижимает локоть доктора к себе, что ее собственная рука онемела. Вцепилась в чужого человека, как в соломинку. Он обещал помочь. Но поможет ли? Как вообще можно доверять людям, чужим, странным, которых ты сама не знаешь, один из которых — монстр?

Никак. Но и выбора не было.

Глава 3. Добро пожаловать

Доктор довел девушку до дивана, сел с ней рядом, жестом пригласил отца присесть в кресло напротив. Монстр молча встал позади, и его тень полностью накрыла собой Лизу. Она боялась обернуться, но, по скрипу кожаной набивки за головой догадалась, что он положил руки на спинку дивана, чуть выше уровня ее плеч. Ощущать его близость было очень неприятно.

Отец сузил глаза.

— Мы провели осмотр. Девственная плева нарушена, — сухо и официально сказал доктор. — Я выпишу заключение, если пожелаете.

— Выписывайте, — не менее сухо ответил отец. И, хотя внешне он оставался спокойным, Лиза видела, с каким трудом ему удастся удерживать себя в руках. Пальцами мужчина постукивал по подлокотнику, выбивая однообразный ритм — верный признак того, что он находится на грани.

— Это еще не все, — доктор раскрыл чемоданчик, достал оттуда пожелтевшие бланки, карандаш, и что-то записал каллиграфическим почерком. — Девушка беременна. Это тоже указывать?

— Что вы сказали? — не сразу, медленно и по слогам переспросил отец.

— Срок четыре месяца.

На этих словах Лиза с шумом втянула ноздрями воздух, потому что с начала разговора от невыносимого внутреннего напряжения она перестала даже дышать; то, что происходило перед глазами, меньше всего походило на помощь. Ее топили, подставляли самым бесчестным образом, и от услышанной новости отец перестал контролировать себя. Он вскочил с кресла, одной рукой схватил девушку за шиворот и выдернул в положение «прямо», другой пошарил по пояснице, выискивая шнурки от корсета — нашел, грубо дернул узел вниз, отчего тот развязался.

— А-ах, — сморщилась Лиза, потому что передавленные ребра болезненно расправились, органы вернулись в обычное положение, и теперь через платье отчетливо просматривался маленький, но живот, развеивающий последние сомнения отца.

— Ах ты... ах ты... сучка!!! — взревел он страшным голосом и замахнулся на Лизу — она вскрикнула, зажмурилась, но тут рука Ярого метнулась вперед из-за ее спины и перехватила сжатый кулак отца.

— В моем присутствии попрошу воздержаться от применения насилия, — голосом, не терпящим возражений, сказал доктор. — Сядьте.

Отец перевел взгляд, полный ненависти, с дочери на монстра; мужчина передернулся от отвращения, прикинул габариты противника, раздосадованно проскрипел зубами, выпустил Лизу, разжал кулак и нехотя вернулся на место. Ярый занял исходное положение, сложив руки на груди. Девушка так и осталась стоять.

— Я понимаю, что ситуация для вас непростая, — как ни в чем не бывало, продолжил говорить доктор. С прежней спокойной и деловой интонацией.

— Непростая? Это вы называете непростой ситуацией? — усмехнулся отец, выбивая ритм на подлокотнике, темп которого значительно ускорился. — Вам пора уходить. Сколько я должен? — спросил он, не сводя с Лизы ледяного взгляда. И она понимала, что, как только

доктор и монстр шагнут за порог, ее очень быстро не станет.

— Погодите, не торопитесь. У меня есть к вам деловое предложение, — доктор, и не подумав никуда уходить, доверительно склонился к отцу. — Видите ли, моему другу, — указал на Ярого, — Нужна жена.

— Нет, — тихо выдохнула Лиза.

— И он согласен взять вашу дочь в жены, не взирая на, кхм, известные нам нюансы.

— Нет. Нет-нет-нет, вы не можете, — добавила Лиза громче. И, как бы она ни силилась не смотреть на Ярого, глаза как намагниченные приковались к нему. Ее замутило от одной только мысли, что вот это нечто, застывшее, как изваяние, с безучастным каменным лицом, что это существо, обладающее сокрушительной силой — с какой легкостью оно перехватило кулак отца! — что оно, обезображенное неведомой болезнью, огромное, выше и массивнее всех существующих людей, существо, похожее на восставшего из могилы мертвеца, который ожил не полностью — что оно может стать ее мужем. Трогать ее. Лапать. Прикасаться, везде. Она только на мгновение представила, как это все будет происходить, и кровь в жилах стыть стала.

Но в то же время девушка прекрасно понимала, что теперь, когда отец узнал всю подноготную, оставаться с ним наедине нельзя. Дом отныне — смертельно опасное место. Факт не-девственности он еще смог бы спустить с рук, но беременность вне брака — никогда. И, по сути, жизнь Лизы зависела от того, смогут ли два совершенно посторонних человека выудить ее из одного капкана, чтобы отправить в другой; и какой из них окажется хуже — она не знала.

— Вам не придется, кхм, пачкать руки. Вы избавитесь от дочери, Ярый заполучит жену. И мы клятвенно обязуемся информацию, которая, как мы все знаем, наложит темное пятно на вашу безупречную репутацию, не распространять, — закончил доктор речь и откинулся на спинку дивана.

Лизе сделалось дурно, и она со стоном опустилась в свободное кресло.

Отец барабанил пальцами уже по двум подлокотникам.

Ярый молча стоял.

Доктор перекачивал карандаш между пальцами.

Отец задумчиво посмотрел на дочь. Опустил взгляд ниже, на живот. Поднял глаза, посмотрел на монстра. После — опять на дочь. На ее бледное лицо. На трясущийся подбородок. На слезы, застывшие в глазах. На багровую щеку.

Он долго думал. Иногда морщился, иногда пальцы его замирали и размеренное постукивание прекращалось — тогда слышно было только прерывистое дыхание Лизы. Напряжение в холле нарастало. Доктор иногда промокал капли пота на лбу салфеткой и поглядывал на наручные часы; Лизе становилось то душно, то вдруг на нее нападал озноб; один Ярый все так же спокойно стоял и не менял положение тела.

Наконец рот отца медленно растянулся в широкой улыбке, обнажая безупречно ровные зубы.

— Я согласен, — ответил он.

Доктор выдохнул. Внутри Лизы все перевернулось, сиюминутное облегчение сменилось паническим ужасом, и она переметнула испуганный взгляд на Ярого — а тот ни капли не изменился в лице, словно происходящее ни капли его не волновало.

— Приданного не будет. Свадьбы, конечно же, не будет. Никто и ничего не должен знать. Мы сейчас же подпишем все бумаги и вы заберете ее, — добавил отец.

— Разумеется. Остался последний, очень важный, нюанс. Согласие невесты. Лиза, — обратился доктор к девушке. — Вы согласны стать женой моего друга?

— А вы оставили мне выбор? — с нескрываемой злобой спросила она. — Да. Согласна.

Формальности заняли не более пятнадцати минут. С тяжелым сердцем Лиза подписала брачный договор, доктор Грэгор выступил в качестве свидетеля, отец подтвердил действительность документа широкой, размашистой подписью. Девушке странно было смотреть, как монстр красивым почерком заполняет все необходимые графы пером, которое в его больших руках смотрелось крохотной зубочисткой. Заполнял, не глядя. Не опуская головы на документы, не изменившись в лице, оставаясь таким же безучастным. Спина прямая, волосы шелковыми нитями свисали вниз, путались в спинке стула, часть прядей петлями легла на стол; сам неподвижный, как изваяние, и только кисть и пальцы двигались быстро-быстро. Но глаза его смотрели не на то, что руки пишут, а вперед, в пустоту. И это было довольно жуткое зрелище.

Лизе почему-то казалось, что Ярый не умеет писать. Он не был похож на грамотного человека, он вообще на человека мало походил. Но он умел. Она как замороженная смотрела на перо, из-под которого с тихим скрипом на бумаге вырисовывались каллиграфические буквы и складывались в слова, а слова — в связные предложения. Но вот поставлена последняя точка. Отец поднялся со стула и выпроводил троицу наружу, сухо попрощался с Грэгором и скрылся в доме. Дочь не удостоилась и мимолетного взгляда отца. Карета поджидала у ворот дома, в котором девушка родилась и выросла, но который так и не стал для нее родным.

Она ничего не чувствовала, усаживаясь на жесткое сиденье. Вспомнила свое состояние на похоронах матери. Тогда Лиза тоже не понимала, что жизнь никогда не станет прежней, что все изменится. Усталость только давила на плечи, да в душе поселилась гнетущая тоска. Девушка бездумно уставилась на Ярого, расположившегося напротив, и не могла поверить, что отныне он — ее супруг. Не такого будущего она себе желала.

«Я буду сопротивляться...» — от неприятного зрелища девушку в очередной раз передернуло. А ведь он будет ее трогать, прикасаться. Она — его законная игрушка, жена, и он имеет полное право делать с ней все, что в голову взбредет.

Тошнота подкатила к горлу.

— Все будет хорошо. Не бойтесь, — заговорил доктор. — Мне жаль, что вам пришлось пережить все это. Мне жаль, что нам пришлось прибегнуть к не вполне честным методам, чтобы вызволить вас оттуда.

— Вы издеваетесь? Вы воспользовались моим положением, вы вынудили меня пойти на это, вы... вы... вы чудовище, доктор.

— Лиза, мне действительно, очень жаль. Но это был единственный беспроектный вариант. Не сердитесь на нас. Мы все объясним, и вы поймете, что все не так плохо, как вам кажется.

— Мне не нужны ваши сочувствия.

Девушка отвернулась к окну и прислонилась лбом к стеклу, всем видом давая понять, что поддерживать разговор не намерена, и доктор больше к ней не приставал. В окне она видела свое полупрозрачное отражение, глаза, потухшие, щеку, на которой вырисовывались

отпечатки пальцев отца. Ее приданное. И на миг девушке показалось, что она что-то упустила. Нечто важное, маленькую деталь, странную, неправильную. Лиза всмотрелась в щеку. Обычная щека, опухшая, побагровевшая. Прикоснулась к ней, прощупала пальцами. И поняла.

Щека болела. Она пылала, пока доктор не приложил к ней компресс, который девушка потеряла почти сразу. И боль пропала, полностью, совсем. Или дело не в Грэгоре? Ярый тоже подходил к Лизе в комнате, тянул к ней руку. Как раз к лицу. А что, если?..

Девушка украдкой посмотрела на отражение Ярого в стекле. Нет. Не может быть. Он не мог сделать так, чтобы боль исчезла, так не может никто. Все дело в компрессе. Или же все дело в том, что девушка медленно сходит с ума, потому что после всего пережитого немудрено не потерять рассудок.

А за окном город закончился, и мимо пролетали скучные пейзажи. Поля, луга. Постепенно стали появляться деревья, вскоре карета свернула с центральной дороги и помчалась напрямик к лесу. Лиза никогда не выбиралась так далеко от дома.

Карета остановилась у ворот. Обычных, деревянных. Доктор распахнул дверцу, выпрыгнул первым и галантно протянул Лизе ладонь. Она проигнорировала ее и вышла сама, посторонилась, пропуская Ярого, осмотрелась. Ни соседей, ни единой живой души поблизости. Не от кого ждать помощи, кричи, не кричи — никто не услышит.

Идеальная тюрьма.

— Добро пожаловать, — доктор толкнул ворота и широким жестом пригласил Лизу войти.

С замирающим сердцем девушка перешла символическую границу, отделяющую ее темницу от остального мира. Заморгала быстро-быстро, ожидая чего-то плохого, жуткого, старого и ветхого. И... ничего страшного не увидела. Наоборот. Совершенно непроизвольно глаза ее округлились от восхищения, потому что более красивого места, чем это, она не видела.

Лиза очутилась в саду. В прекраснейшем саду! Цветы росли везде, вдоль стен дома, стелились по забору, собирались в разномастные клумбы, и только на выложенной плоскими камнями дорожке, ведущей к дому, их не было. Сочные розы покачивались на ветру, синеглазые фиалки подмигивали из травы, над пышными хризантемами порхали бабочки. Цветы, цветы, везде цветы, яркие, и белые, и красные, и желтые, и многие другие. С непривычки от буйства красок и цветных пятен перед глазами зарябило, а воздух, пресыщенный сладким ароматом, вскружил голову. И на фоне окружающей красоты самый обычный бревенчатый дом показался девушке почти дворцом. Залитым солнцем дворцом в два этажа, с потемневшей черепицей на крыше, с добротным деревянным крыльцом, с флюгером на козырьке.

Позади дома виднелись ровные ряды грядок с насаждениями и несколько плодовых деревьев. Участок уходил вдаль и постепенно сливался с лесом, из которого доносилось пение птиц, блеяние козы и стрекот насекомых. И вся картина в целом производила очень жизнерадостное впечатление — пока в сад не вышел Ярый. Здесь, среди цветов, он смотрелся особенно неуместно и чужеродно, и его обезображенный вид быстро вернул девушку в реальность.

— Прошу нас извинить, живем мы скромно, — сказал Грэгор. — Идемте, покажу вам дом.

Девушка нехотя двинулась следом за ним по дорожке, но почти сразу остановилась.

Дверь на крыльце отворилась, и в сад вышел еще один человек, а Лизе и в голову не приходило, что в доме живет кто-то еще.

Она замерла на месте, подняла глаза и обомлела.

Глава 4. Четвертый жилец: как заболеть хронической неуклюжестью

В жизни Рональда было много ярких событий.

Первое случилось в возрасте десяти лет, когда надзиратели накалывали ему традиционную татуировку-паутину на лице. И они заметили особенность маленького невольника — глаза необычного синего цвета — и тут же донесли о нем хозяевам.

Хозяева заинтересовались и возжелали лично посмотреть, что за чудо родилось у них на полях. Они с умилением разглядывали Рона, то и дело перебрасываясь восторженными репликами: «Какой светленький!», «Какие глазки!», и решили, что ему всенепременно нужно прислуживать в доме.

Так Рональд переехал в особняк, где качество жизни было несоизмеримо выше, чем в полевых бараках. Ему предоставили кровать в общей комнате, кормили хорошо, усиленно обучали манерам и правилам поведения в доме. Нагружали работой, как и всех детей, черновой: чистить овощи, мыть посуду, драить полы и выносить горшки, выполнять другие мелкие поручения. Перестроиться получилось не сразу. Рон был довольно общительным ребенком, любил возиться с младшими детьми, пока взрослые работали на поле; привык, что на него внимания не обращают вообще, а по новым правилам полагалось молчать, быть все время на виду, безукоризненно себя вести и раскрывать рот только тогда, когда это необходимо, например, чтобы ответить на вопрос, что у него не всегда получалось. Приходилось все время контролировать поведение. Иногда Рон забывался, и после того, как он на кухне долго что-то рассказывал поварам и отвлекал их от работы, его услышал дворецкий.

Показательная порка навсегда отбила желание раскрывать рот тогда, когда не надо.

Второй случай произошел в двенадцать лет. Он назубок выучил все возможные правила и этикета, и поведения, и ему впервые доверили подать ужин к хозяйскому столу. Как он волновался! Руки дрожали, ноги стали как деревянные, все, что могло вспотеть, вспотело. Рон с трудом придал лицу безучастное выражение, потому что, по правилам, невольникам не разрешалось показывать эмоции; и пошел, с тяжелым подносом в руках, на котором стояло большое блюдо с запеченным гусем.

Дошел до стола. Осталось просто переложить блюдо и уйти, но руки так тряслись, а сердце так колотилось, что отдавалось эхом в ушах — и непонятно, как так вышло, но гусь вместе с тарелкой скатился с накренившегося подноса и упал на пол. Посуда разбилась, еда пришла в негодность. Хозяева соскочили с мест и закричали. Выражение их лиц он навсегда запомнил. Они были злы, очень злы, а Рональду хотелось умереть тут же, на месте.

Наказывали плеткой. Дворецкий так разошелся, что кожа на спине лопнула в нескольких местах, и Рональд с месяц не мог ни ходить нормально, ни спать. Потом шрамы зарубцевались. На коже. На душе так и остались, свежие.

И с тех пор Рональд впал в немилость. К нему приклеилась слава неуклюжего, и что самое странное, чем чаще его так называли, тем сильнее он убеждался, что так оно и есть. Из рук все валилось. Он постоянно резался ножом во время чистки или нарезки овощей, стал спотыкаться на ровном месте, быстро пачкался. Одновременно всплыла проблема номер два: Рональд плохо рос. На фоне других смотрелся почти что карликом. Хозяева

констатировали, что приводить Рона в дом было большой ошибкой, и вынесли вердикт, что он ни на что не годен. На поля его не вернули, благоразумно решив, что настолько убогий невольник загнется от тяжелой работы, из жалости оставили в доме. И отныне жизнь для него ограничилась кухней, общей комнатой и двором, где он иногда помогал садовнику.

И сад оставил одно из самых ярких впечатлений в жизни Рональда. Он обо всем забывал, когда возился в земле, обильно засаженной клумбами с самыми разными цветами. Замирал от восхищения, когда очередной бутон вдруг распускался, открывая взору сокрытую красоту. Буйство красок, совершенные формы, благоухающий аромат — все завораживало его. Он бесконечно долго мог сидеть на земле и смотреть на цветы, восхищаясь ими, поливать их, ухаживать за ними, обрезать лишние веточки, высаживать, пересаживать, и, конечно же, собирать прекрасные букеты, которые украшали спальню самой хозяйки. И иногда ему казалось, что мир не может быть плохим, потому что в нем существуют настолько прекрасные создания, как сочноствольные герберы, самые любимые цветы Рона. Он любил разговаривать с ними. Чаще всего мысленно. А бывало, что и вслух. Цветы покачивались на ветру и никогда ничего не отвечали, но ему все равно казалось, что они, конечно же, все-все понимают, просто не могут ничего сказать.

Сад стал единственной радостью, поддерживающей в Роне слабый огонек самости, не позволяющей полностью сломаться. Он как будто выдергивался из серости и на некоторое время попадал в светлую, освежающую сказку.

И так продолжалось до четырнадцати лет, когда в жизни Рона случилось, пожалуй, самое значимое событие за всю жизнь. Тот день намертво впечатался в его память. Хозяйка слегла с тяжелой болезнью, и хозяин привез лучшего доктора в Райтоне, с неизменным спутником. И Рон не знал, что за спутник там такой, но все, и слуги, и невольники тихо переговаривались и строили страшные лица, и даже дворецкий, заглянувший на кухню, выглядел напуганным.

Рон чистил картофель к ужину и, в целом, суета в доме его не особо заботила. Он не был любопытным. Точнее, был когда-то, но со временем прошло.

Дворецкий посмотрел по сторонам, задержался взглядом на Роне, недобро улыбнулся и направился напрямик к нему. Громким голосом велел немедленно подать спутнику доктора все, что осталось от обеда. Рональд растерялся, вскочил на ноги, вымыл руки, взял подготовленный другими работниками кухни поднос, и, почему-то под сочувственные взгляды, пошел в гостиную.

Он ничего не понимал. Растерялся. Ведь хозяева говорили, что близко не подпустят Рона к обслуживанию стола, вообще запретили появляться в общей части дома, чтобы не позориться перед гостями — так почему дворецкий выбрал именно его? Но как только Рон вошел в гостиную, так сразу все понял.

Спутник доктора оказался настолько ужасным, мерзким и отвратительным, что такому не жалко подослать и худшего из невольников. Рональда, например. Черные глаза существа уставились на Рона, в упор, и под их пристальным, пронизывающим взглядом он с опаской приблизился. Приказ есть приказ. Назад не убежишь. Поставил поднос на стол. Не уронил. Всхлипнул.

Ему казалось, что спутник доктора уже мертвый. Он не верил, что подобные существа могут существовать. С кожей его было что-то не то. Она как будто гнила изнутри, пузырилась, бугрилась. Темная. Лицо, как камень. Ни тени выражения. В глазах пустота. А еще он был огромный, потому что и в сидящем положении монстр смотрел на Рона сверху.

вниз.

Рональд терпеливо ждал, когда чудовище подаст знак, что можно уходить, так, как положено по правилам, но оно просто начало есть. Оно ело и не сводило с Рона глаз, не произнося ни слова. Рональд потел, холодел, ему казалось, что оно заглядывает в душу, что щупает ее и пробует на зуб, что издевается и специально мучает вот так, ядовитым взглядом. Ему захотелось плакать, захотелось убежать, но тело как свинцом налило, а ноги словно в пол вросли.

Когда на лестнице послышался голос владельца, которого Рон обычно боялся до смерти, он обрадовался. С надеждой посмотрел вперед, с облегчением увидел, что хозяин идет в гостиную, с каким-то человеком, доктором, наверное. Рональд надеялся, что владелец отправит его назад, на кухню, и пытка кончится.

— Спасибо вам большое! — непрерывно благодарил хозяин доктора, пожилого человека. — Сколько я вам должен? Просите, что угодно, после того, что вы сделали, я вечный ваш должник!

Рональд никогда не видел хозяина таким счастливым. А после, когда мужчины приблизились, он заметил, что монстр перестал на него смотреть и перевел взгляд на доктора. И не только перевел, но и едва заметно кивнул головой. В сторону Рона.

И доктор тоже разглядел жест. Потому что следующими его словами стало:

— Что угодно? — с издевательской, задорной интонацией.

— Абсолютно!

— Тогда, в качестве оплаты я бы хотел попросить у вас вот этого молодого человека, — и указал на Рона.

Земля качнулась под ногами. Если до сего момента что-то живое в нем и теплилось, то сейчас оно умерло. Совсем. Только страх и остался.

— Вот этого?.. Выбирайте любого, мне для вас ничего не жалко. Он ущербный, не растет почти, да и топорный к тому же. Нет, если хотите, то берите, конечно, и этого, но я хочу сразу вас предупредить, что толку от него мало. Хотите, я других вам покажу? — хозяин брезгливо глянул на монстра, и не менее брезгливо — на Рональда.

— Нет-нет, по-моему, он замечательный. Знаете, мы ведь вдвоем с Ярым живем, и я, честно говоря, со всеми делами уже не справляюсь. Давно задумываюсь о помощнике, — наигранно ответил доктор и натянуто улыбнулся.

— Дело ваше, — пожал плечами хозяин и обратился к Рону, с совсем другой интонацией, резкой и твердой. — Бегом переоделся в уличное, и к карете. Не заставляй нас ждать, — и уже гораздо мягче добавил: — Идемте, доктор. Оформим на невольника бумаги, потребуется ваша печать.

Рональд пулей убежал из гостиной. Спустился в общую комнату. Снял домашнюю одежду, переоделся в уличное. Трясло. Слезы текли не переставая, особенно сейчас, когда его никто не видел. Но медлить было нельзя, он утер глаза рукавом, вдохнул, выдохнул, обвел взглядом комнату с кроватями в два яруса, вдруг понял, что никогда больше сюда не вернется, и разревелся опять.

Минуту спустя, с трудом придав себе спокойный вид, Рональд быстрым шагом пошел во двор. Окинул взглядом любимые герберы, мысленно со всеми попрощался. Подошел к новому хозяину, с которым стоял хозяин прежний и растекался в радостной улыбке:

— Спасибо вам еще раз! Вы наш спаситель. Если что-то понадобится, обращайтесь, обязательно. Не думайте даже, мы вам всегда рады. До свидания! Извините, мне, пожалуй,

пора к Мари. Спасибо вам за нее, не представляю, что бы мы без вас делали!..

— Я понимаю. Всего вам доброго, — пожал ему руку доктор, и прежний хозяин поспешно ушел в дом.

Рональд опустил глаза и сцепил руки за спиной. Монстра не было видно, наверное, он ждал в карете, и они с новым, пугающим владельцем остались наедине.

— У тебя нет никаких вещей? Ты с собой ничего не возьмешь? — как будто бы удивился доктор.

Рон на секунду задумался, как бы так ответить, чтобы произвести хорошее впечатление, но сказать ничего не успел.

— Куда это ты собрался, маленький бездельник? — некстати раздался за спиной громовой голос садовника, и у Рональда одежда мигом пропиталась потом — худшего развития событий он и вообразить не мог. Мужчина всегда отличался беспринципностью, но чтобы так!..

— Я... мне... меня... — залепетал Рональд, переводя испуганный взгляд с садовника на нового хозяина и обратно. Доктор нахмурился.

— А розы кто сажать будет? А луковицы новые я зачем принес? — сердито спросил мужчина.

— Я... — Рональд вконец расстроился и опустил голову. Он очень хотел посадить новые ростки роз. Потому что они были не красные, не розовые, а белые, очень редкие в их краях. Хотел увидеть, как они вырастут. Как распустятся. Он много чего хотел. А теперь из-за этих роз ему влетит. А теперь он стоит, сгорает от стыда и мечтает провалиться сквозь землю. Потому что он задерживает владельца бессмысленными разговорами и наверняка злит его!

Садовнику же, казалось, было все равно и на внутренние терзания Рона, и на свое неуместное вторжение.

— Я сказал, что ты розы посадишь, значит, ты их и посадишь, — непреклонным голосом сказал он. — Поэтому, забирай их с собой, — и в руки легла грязная, влажная тряпка, в которую были завернуты и луковицы, и хрупкие побеги. — Там еще кое-что есть. Ты разберешься. А вы, — теперь садовник угрожающе подступил к новому владельцу. — Обращайтесь с малым хорошо.

— Всенепременно, — растерянно ответил тот.

— А ты смотри мне, — мужчина опять повернулся к Рональду лицом и свел брови вместе. — Чтобы у тебя хорошо все было. Понятно?

После садовник похлопал его по плечу, еще раз проворчал что-то про бездельников, которые чего только не придумают, лишь бы не работать, и ушел грузной походкой. Тронутый до глубины души Рон бережно прижал к груди ростки и с тоской посмотрел ему вслед.

— Ну что, идем? — поторопил доктор.

Рональд вздохнул, с опаской влез в карету, вжался в самый дальний угол, вцепился в подарок и опустил глаза. Куда-то уезжать не хотелось до слез. Неизвестность пугала. Пугало сидящее чудовище напротив. Оно по-прежнему внимательно смотрело на Рона леденящим взглядом. Руки опять затряслись.

Карета покачнулась и поехала.

— Не бойся Ярого, — доктор сел рядом, хотя места на сидении оставалось достаточно. — Он не опасный. Не опаснее вашего садовника. Впрочем, ты сам скоро это

поймешь. А пока просто поверь мне на слово. Хорошо?

Рон робко кивнул в ответ.

— К тому же он не живет в моем доме. Мы будем жить вдвоем. Как тебя зовут?

— Рональд.

— А меня Грэгор. Он Ярый. Впрочем, это не настоящее его имя, настоящее даже я не знаю. Поэтому условно называем Ярым. Он не против.

Рону на миг показалось, что хозяин над ним издевается. Он посмотрел на доктора, но нет, тот оставался серьезным. В глазах ясно читался живой интерес и любопытство.

— И меня тоже не бойся, — непринужденно продолжил Грэгор. — Сколько тебе лет?

— Четырнадцать. Скоро уже пятнадцать, — как можно более учтиво ответил Рон, а сам лихорадочно соображал — действительно ли новый хозяин такой добрый, как кажется? Вроде бы, бестактность садовника и задержка отъезда не разозлили его. А чудовище? Правда ли оно безопасное?

Кто из них главнее?

Как много работы придется выполнять?

Разрешат ли они посадить побеги и ухаживать за ними? Слишком смело было бы на такое надеяться, потому что на сад уходит много времени, ну а вдруг?..

— Молодой еще совсем. Хотя выглядишь еще моложе... — Грэгор ненадолго задумался, разглядывая Рона, и продолжил: — Рональд, мне очень жаль, что мы забрали тебя из дома. Не расстраивайся так, — услышал Рон совершенно невероятные слова, и ему опять показалось, что над ним издеваются.

— Я не расстроился, спасибо, — на всякий случай соврал он.

— Расстроился, я же вижу. На тебе же лица нет. Я очень постараюсь сделать так, чтобы тебе у меня было хорошо. Думаю, мы хорошо поладим.

Рон так осмелел, что задержался взглядом на лице владельца на несколько секунд. Слишком уж тот странно с ним разговаривал. Доверительно, что ли.

— Я не доставлю хлопот, — заверил он Грэгора.

— Доставишь. Так не бывает, чтобы новые люди хлопот не доставляли. Главное, чтобы они, хлопоты, были приятными. А что у тебя тут? Что за луковицы? — доктор кивнул на сверток, который Рон по-прежнему прижимал к груди.

— Это... — от пламенной речи владельца он совсем растерялся. — Это... побеги. Розы. И семена. А луковицы — тюльпаны. Цветы...

— Цветы? Это очень хорошо! Знаешь, двор у нас совсем скучный, было бы прекрасно, если бы ты усеял там все цветами. Сразу стало бы красиво.

— Правда?... — дрожащим голосом переспросил Рон. — Вы правда разрешите?

— Ну а почему нет? Козу главное прочно привязывать. Знаешь, она все подряд жует. Раз на огород зашла, мы без капусты остались. И ладно бы только без капусты!

— Коза?

— Ее Биззи зовут, — кивнул Грэгор. — И курицы еще у нас есть. Петухи крикливые, по утрам спать совсем не дают. Ах, ты же даже не знаешь, куда мы едем! — он забавно сморщился, и Рон непроизвольно улыбнулся. — Я за городом живу. Практически в лесу, рядом с озером. Свежий воздух и никакой суеты вокруг. Тебе там понравится, вот увидишь!

С раскрытым ртом Рональд слушал Грэгора, и неожиданно обнаружил, что несколько не боится. Что напряжение пропало, и молча сидящий монстр напротив больше не вызывает дрожи. Сидит себе и сидит. Что доктор умело захватил все его внимание и расположил к

себе, всего лишь несколькими, ничего не значащими, фразами. И вот тогда, еще в карете, он понял, что сегодня судьба преподнесла ему самый бесценный подарок — Грэгора и пропуск в новую, однозначно лучшую, жизнь.

Про Грэгора и Ярого по городу ходили самые разнообразные слухи, один хуже другого. Их боялись. За спиной — презирали. Не понимали. Обходили стороной. Но в случае беды обращались именно к ним. В Райтоне было много врачей, уникальность же Грэгора и его напарника заключалась в том, что они не только лечили, но и избавляли пациентов от боли. От любой. Никто не знал, как им это удастся, но факт оставался фактом — после посещения доктора пациенты быстро шли на поправку, не испытывая ни малейшего дискомфорта. Ради того, чтобы избежать мучений, люди были готовы на все: и принять дома странного доктора с пугающим спутником, и заплатить приличные деньги, и даже мило улыбаться им в лицо.

Грэгор — приятной наружности пожилой человек. Одежду носил простую, не вычурную. В образ доктора отлично вписалось бы пенсне на серебряной цепочке, но зрение у мужчины было идеальным. В глазах всегда играл задорный юношеский блеск, из-за чего его лицо смотрелось моложе истинного возраста. Он умел находить подход к людям, умел окутывать обаянием, располагать к себе — и пациенты быстро смиряться с неизменным присутствием на процедурах монстра, который рядом с доктором смотрелся дико контрастно.

Существо неопределенного возраста. Неизвестного происхождения. Людей рядом с ним непроизвольно бросало в дрожь. С одной стороны, он выглядел, как человек, но было в его облике что-то звериное. В первую очередь, глаза. Слишком большие, раскосые, похожие на кошачьи. Черные, абсолютно. Острые черты лица. Очерченные скулы. Длинные, тонкие, как шелк, волосы. Безобразная смуглая кожа с красноватым оттенком. Хищные клыки. Огромный рост. При этом поджарое телосложение, черты лица и весь облик в целом создавали впечатление, что Ярый — очень подвижный человек, резкий, но, вопреки ожиданиям, он почти не шевелился. Как будто берег энергию. Когда он шел, то передвигались только ноги, руки безжизненно свисали по бокам. Глаза почти всегда смотрели в никуда и веки редко моргали. Лицо, как замершая маска. Он очень редко говорил.

Кто-то считал, что монстр наполовину мертвый. Кто-то — что тот живет во сне, как сомнамбула. Кто-то верил, что он — не человек, а демон. Другие думали, что Ярый — легендарный абориген со скалистых Черных островов. Ходило поверье, что там водились страшные существа, похожие по описанию на монстра, но их уничтожили больше века назад. А возможно, они и не существовали вовсе. Никто не знал наверняка.

И никто во всем городе не ведал, что существо связывает с Грэгором, почему они работают вдвоем и какую роль в лечении играет Ярый. На приеме монстр просто стоял рядом, молчал, и ничего не делал. Не трогал пациентов. Он появился в городе примерно с год назад. После трагедии в семье доктор покинул Райтон и путешествовал несколько лет, а в родные края вернулся с Ярым. И где он его нашел, зачем привез — то оставалось тайной.

Грэгор вел затворнический образ жизни, гостей не принимал, и что происходит внутри имения, никто не знал. Не находилось смельчаков, которые не побоялись бы добровольно пересечь границу в виде хлипкого ограждения, чтобы удовлетворить любопытство. Потому пациенты ограничивались воротами и трезвонили в громкий колокольчик, пока доктор не выходил к ним сам.

Сам Грэгор любил шутить, что дурная слава — лучшая защита. В доме доктора не было замков, двери никогда не запирались, без уважительного повода никто его не беспокоил. Грэгора вполне устраивала спокойная, размеренная и уединенная жизнь.

До сего дня.

Потому что сейчас, в данный конкретный момент, селить в доме кого-то постороннего в его планы и близко не входило. Особенно — невольника с помеченным лицом. Тем более, мужского пола. Конечно, Грэгор не стал показывать и без того растерянному ребенку, что не рад его переезду. Поводил по дому, накормил, на ходу придумал обязанности, чтобы не вызвать подозрений, которые уложились в одну фразу: «Следи за домом и за огородом». Более того, Рональд еще в карете вызвал нежные чувства. Сидел, с зареванным лицом, прижимал к груди хилые росточки, хлопал ресницами и испуганно жался в угол кареты, но держался и старательно делал вид, что с ним все хорошо. Маленький и большеглазый. Не верилось, что мальчику почти пятнадцать лет. Он выглядел года на три моложе. Возможно, из-за небольшого роста.

Но что с ним делать, как уживаться в одном доме, не временно, а всю оставшуюся жизнь, Грэгор не представлял. Привести в дом человека — не зверушку завести. Это ответственно. Затратно. Особенно, когда не знаешь, что он за человек. Грэгор отроду невольников не приобретал, и не планировал ими обзаводиться, ни сейчас, ни когда-либо еще; он в принципе не мог себя представить в роли рабовладельца. Когда-то они с женой справлялись и вдвоем, с наемной домработницей, что приходила два-три раза на неделю; сейчас Грэгор прекрасно жил один. Но теперь, когда в праве собственности на Рональда стояло его имя, а сам ребенок, незнакомый и чужой, послушно ушел спать в наспех освобожденную от лишних вещей комнату, Грэгор не смог бы избавиться от него. Не смог бы подвести. Предать. Не Рон просился к ним, они сами его взяли. И по безукоризненному поведению ребенка, по тому, как он изумлялся обыденным вещам, как несколько раз подряд сказал «спасибо» после ужина (и тогда только Грэгор вспомнил, что там с невольниками не едят за одним столом), как робко отпросился выйти во двор посадить ростки, с каким восторгом его слушал — Грэгор видел, что Рональду уже здесь хорошо.

Но перед Грэгором стояла важная задача. Которой посторонние могли сильно навредить. И пользы от Рональда он, при всем желании, не видел. Обузу и помеху — да. Грэгор не знал, зачем Ярый выбрал Рона. И это озадачивало. Сильно. Он безоговорочно доверял другу и всегда незамедлительно делал то, что тот хотел, не размышляя, подыгрывал, как мог, но четвертого жильца они ни разу не обсуждали. Третьего — да. Но Рональд был не тот, кого они искали! И у Грэгора возникли к Ярому вопросы. Которые он не преминул задать. Собрал остатки ужина. Спустился в лес. Зашел вовнутрь, встал напротив друга, сложил руки на груди.

Ярый лежал на животе в ослепительно белом пространстве, приподнявшись на локтях. Сегодня он был молод. Лет двадцати, не меньше. А перед его лицом, как механические куклы, ходили крохотные копии двух человек — дворецкого и пациентки из особняка, в котором они взяли Рона. Ярый как будто бы не замечал, что Грэгор стоит рядом, и с любопытством наблюдал за человечками. Иногда брал их за головы, приподнимал, разворачивал — и они шли в другую сторону, широко размахивая руками.

Грэгор терпеливо ждал.

— Лекарь, как думаешь. Кто из них чернее? — не поворачивая головы, наконец заговорил Ярый.

— Дворецкий?

— Ха. Неверно. Оба одинаковы черны, — слишком уж довольно ответил Ярый и щелкнул пальцами по фигуркам — они заплакали, как дети, и исчезли. Он резко сел. — Мерзкий дом. Он оказался хуже, чем тот особняк. Где мы были. На прошлой неделе. А мне казалось, что хуже быть не может. Ваш мир умеет удивлять.

— Это все замечательно. Но, может, ты все-таки объяснишь?

— А что тебе не понятно? Я же сказал. Дом был ужасен.

— Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Зачем нам это чудо? Ты понимаешь, что поставил меня в ужасную ситуацию? Я врал и изворачивался, выпросил ребенка и привел домой, провозился с ним весь день, понятия не имея, зачем мне это надо!

— Ш-ш-ш, лекарь, не злись. Как он устроился?

— Ярый, не увиливай от ответа. Мне слабо верится, что ты обеспокоился чистотой полов в моем доме. Так зачем?

— Он тебе не понравился?

— Причем здесь понравился или нет?

— Ты не справишься один. А он тебе поможет.

— Он не похож на того, кто сможет мне помочь. Ну он же еще совсем ребенок, маленький, наивный!

— Ха. А ведь он тебе понравился.

— Понравился, — сдался Грэгор. — И что с того?

— И возиться с ним тебе понравится. А повозиться придется, и много. Не недооценивай его. Он очень редкий для вашего мира человек, и польза от него будет огромна. Если ты вылечишь его, — перешел Ярый на серьезный тон, повзрослев лет на двадцать.

— Он еще и болен?

— Не в этом смысле. Тебе нужно подлечить его так, чтобы он смог возненавидеть меня, когда придет время. Он пока не может. А надо, чтобы смог. Сможет ненавидеть, сможет и многое другое.

— У тебя это быстрее получится. Почему я?

— Мне нельзя с ним сближаться. Я тебе еще раз говорю. Он должен суметь возненавидеть меня. Как он сможет это сделать, если мы начнем сближаться? И потом, лекарь здесь ты. Это твое призвание. Ты и лечи. Введи его в курс дела, но без подробностей. И принеси завтра кровь сломанного, мне нужно на него настроиться. Он ничего не должен знать.

— И как же мне взять у него кровь, не вызывая подозрений?

— Завтра узнаешь.

— С ним что-то случится? — разволновался Грэгор.

— Не знаю, что именно случится. Но знаю точно, что вкус у крови будет такой же, как у тебя, в день нашей первой встречи.

— Погоди-погоди. Ты хочешь сказать, что он, с виду тихий и образцовый мальчик, проберется завтра в подпол и напьется вусмерть? — нахмурился Грэгор. — Кого ты мне подбросил?

— Ш-ш-ш, не злись, лекарь. Я не знаю точно, что произойдет. Вариантов много. А вкус у крови по итогу один. Мерзкий.

— То есть, ты полностью уверен, что он не навредит?

— Иначе бы его здесь не было. Не навредит. Но и сильно поможет. Он — наша

козырная карта. Кстати. Ты ничего не замечаешь?

— Нет. А что... — запнулся Грэгор и быстро обернулся. Посмотрел по сторонам. Привстал на цыпочки. — Где она?!

— Ты от нее отвлекся. Она вон там, — махнул Ярый на крохотную точку далеко впереди, которая на фоне ослепительной белизны почти не выделялась. Но, стоило Грэгору на нее посмотреть, как точка быстро поползла навстречу, увеличиваясь в размере и приобретая болотно-зеленый цвет, пока не остановилась у его ног и не потянула к телу подвижные щупальца с присосками на концах.

— Ну вот зачем?.. — вздохнул Грэгор, отталкивая бесформенное существо ногой.

— Не думай о ней. Теперь тебе есть на кого отвлечься, — Ярый вырастил в пространстве высокую траву, чтобы существо не стало видно. — Задание понятно?

— Да понял уж. Лечить, — смирился Грэгор.

— Все верно. А теперь — выйди. Ты зол, мне трудно удерживать тебя. Я от тебя устал.

И в ту же секунду Грэгор исчез.

Глава 5. Эффективное лекарство от топорности

Рональд проснулся по выработанной привычке на заре. С удовольствием потянулся, встал с кровати, оделся, тщательно заправил кровать. Хозяин еще спал. Рон выскользнул во двор, умылся ледяной водой с колодца, взбодрился и тихо прошел на кухню.

С опаской зажег плиту, подсыпал уголь. Сходил с чайником за водой, поставил на огонь. Вчера Грэгор сказал, что вверяет Рону все хозяйство на самостоятельное ведение. И дом, и огород, и все-все-все. А Рональд привык ответственно подходить к делам. К тому же ему не терпелось показать новому владельцу, что тот не зря его привел. Вчера такой возможности не выпало, потому что Грэгор велел осваиваться и отдыхать, а Рональд и отдыхать-то не умел. Ему не терпелось сделать хоть что-то.

Он до сих пор не мог поверить, что все происходит не во сне. Новый дом ему понравился безумно. И дом, и Грэгор, и чудесный лес вокруг, и смешная Биззи, и колодец во дворе, и выделенная комната с большим окном, в которое с самого утра светило солнце. Это казалось невероятным. У него! Комната! Своя! С окном, в которое заглядывает солнце! А вчерашние слова хозяина? Он велел следить за домом и за огородом! Самому! «Делай то, что считаешь нужным», — именно так Грэгор вчера сказал. И Рональд чувствовал себя почти дворецким, а он никогда не чувствовал себя настолько высоко. Его распирало от радости, от важности и энтузиазма.

Вскоре на аромат свежей заварки спустился сонный Грэгор. Он выглядел очень довольным и даже Рона похвалил — и энтузиазм разгорелся еще больше. А когда хозяин допил чай и сказал «спасибо» — Рон почувствовал, что готов свернуть хозяйственные горы. Убрал на место чашки, спросил, где находится ведро, веник нашел в чулане, с разрешения порвал на тряпки старый плед, набрал воды, все подготовил, взял швабру в руки и оценивающим взглядом обвел дом. Фронт работ пугал объемом. С точки зрения Рона жилище Грэгора запустил.

«Глазам страшно — рукам нет!» — подумал он, закатывая рукава. И понеслось.

К концу дня Рон привел дом в идеальный порядок, огород, к сожалению, успел только полить. Накрутил на палку паутину с потолка, отполировал все котелки до блеска, полы вымыл столь тщательно, что, как шутил Грэгор, «на них теперь и операции можно проводить!». Снял и постирал все занавески, подушечки, отодвинул мебель, чтобы собрать под ней пыль, расставил вещи по местам. Оттер все стекла в окнах, зеркала, ножом отскреб плиту от слоя гари, вымел из нее золу, железные поверхности натер графитом. До вечера он суетился, ни разу не присел, и, что интересно, ни капли не устал. Энергия была ключом. Ему понравилось делать что-то не по указу, а по желанию, а желаний оказалось много. И хотелось еще и там, и это, всерьез взяться за сад, за огород, и козу доить научиться, и вытрясти коврик с чердака, и...

Но незаметно день подошел к концу.

Грэгор не мог нарадоваться. Он за ним весь день ходил и без усталости восторгался. А Рону нравилось, что хозяин им доволен, он хвалебных слов в свой адрес и не слышал никогда, и не знал, что слышать их до невозможности приятно. И, когда доктор вечером отъехал к пациентке и обещал вернуться через полтора часа, Рональд взялся за ужин.

Он ни разу не готовил. Но так всегда хотел! К тому же Рону казалось жутко

неправильным, что Грэгор сам готовит, и, раз хозяйство вверили ему, то нельзя допускать, чтобы обожаемый хозяин хоть как-то напрягался. Он отложил дела домашние на завтра, походил по огороду, надергал овощей.

Рон приготовил всего лишь жареную картошку, из расчета на троих — одну порцию Грэгор относил в лес, где жило чудовище-Ярый. Возможно, немного с солью переборщил. Но с корочками, с золотистым луком, красиво зеленью украсил. И салат нарезал. Из огурцов и помидоров. А другой — из мелко тертой моркови с чесноком. Яблоки собрал и груши, помыл, красиво в блюде уложил. Все тарелки использовать пришлось, весь стол заставить, но зато как же приятно было видеть восхищение в глазах вернувшегося Грэгора, смотреть, как он уплетает им приготовленную еду, нахваливает и добавки просит!

— Рональд, ты чудо. Ты самое настоящее чудо! Ну это же обычная морковь, как ты ее вкусной такой сделал?

Рон смущался, шурился, теребил край скатерти, найденной в чулане, отстиранной, выглаженной и к ужину переселившейся на стол, и не знал, что Грэгору ответить. А тот добил его подарком, стопкой новенькой одежды, не одинаковой, а разнообразной и цветной, и коробочкой, в которой лежали семена. Хозяин в цветах совсем не разбирался, и скупил все, что под руку попало, бархатцы нескольких видов, годецию и георгины, астру, календулу и несколько таких, которые Рон сам в первый раз увидел.

Он хотел плакать. И Грэгора благодарил, пока тот под видом срочных дел не улизнул из кухни.

А Рональд отнес ценную ношу в комнату, переложил одежду в шкаф, коробочку поставил в угол, сходил к колодцу за водой. Принес ведро на кухню и тщательно вымыл все тарелки. Вытер их насухо полотенцем, до скрипа. Сложил в стопку, взял ее в руки, чтобы убрать на место, на полку. Она висела слишком высоко, пришлось встать на цыпочки.

Рональд подумал было о том, что в следующий раз надо бы складывать посуду по одной, и, наверное, подставить стул, потому что держать тяжелую стопку на вытянутых руках, да еще и на цыпочках, оказалось очень неудобно, но как только он так подумал и даже доньшком нижней тарелки прикоснулся к краю полки, как вся стопка с угрожающим скрежетом накренилась, и, чтобы она не рухнула, пришлось резко шагнуть в сторону. Но увы, нога споткнулась о едва выпирающий угол доски, Рональд потерял равновесие, руки дрогнули, и вся стопка разом ухнула вниз — а вместе с ней и душа ухнула в пятки. Он только и успел, что отскочить в сторону. С нарастающим ужасом Рон смотрел, как все-все тарелочки, дорогие, красивые, полетели на пол и с дребезгом разлетелись на осколки.

Грохот раздался такой, что отдающим эхом звоном заложило уши, а самое страшное, что на лестнице уже слышались торопливые шаги хозяина. Рональд вспомнил, что он, вообще-то, очень неуклюжий, топорный, убогий; вспомнил, как пару лет назад разбил блюдо с ужином, вспомнил, что ему тогда за это было, и тут же все шрамы на спине вспыхнули огнем. Глаза расширились, сердце забилося быстро-быстро, дрожащими руками он зажал рот и, не шевелясь и не мигая, уставился на вход.

— Рональд!.. — влетел на кухню бледный Грэгор, тут же попятился, окинул взглядом кухню и в упор посмотрел на него. — Ох, Рональд...

А Рон так разволновался, его так сильно трясло от страха, что он и ответить ничего не смог. Моргал только беспрерывно, потому что на глазах непроизвольно выступали слезы, и смотрел вниз, под ноги, на сотни фарфоровых осколков, на обрывок зеленой каемки на некоторых из них, каемки, которая никогда не станет целой и не сомкнется в круг. Поднять

глаза он не решался. Но воображение рисовало лицо хозяина перекореженным от злобы, ведь это же были единственные тарелки в доме, ведь Рональд всего второй день живет здесь, и уже несет немалые убытки. Правильно говорили прошлые хозяева, что он не годный ни на что, вот и всплыла правда, и странно, что всплыла она только сейчас!..

— Ты целый? — Грэгор успел подойти ближе. Рон сжался, внутри все покрылось льдом. — Ногу порезал... быстро, идем в гостиную, надо перевязать.

Как в тумане Рональд дошел до гостиной, по жесту хозяина сел на диван. Грэгор раскрыл ящик, достал оттуда что-то с резким неприятным запахом, сел рядом.

— Дружочек, а ну ты чего? Так сильно больно?

Рон не чувствовал боли. Он только сейчас заметил, что, наверное, наступил на один из осколков и поранил ступню, и теперь с нее капала кровь. Посмотрел дальше, на коридор, и с замирающим сердцем увидел, что он еще и пол кровью перепачкал, пока до гостиной шел.

Как всегда, все вымазал. Переломал. Испортил.

— Ты из-за тарелок боишься? Боишься, что я тебя накажу теперь? — совсем беззлобно спросил Грэгор.

Рон зажмурился со всей силы. Что-то ему подсказывало, что новый хозяин не станет наказывать сильно, не тот характер у него. Скорее всего, он его просто отчитает, но один укоризненный взгляд Грэгора Рональду показался бы невыносимее, чем удар плетью по спине. И он только сейчас сообразил, что опасается не столько заслуженного наказания, сколько того, что хозяин в нем разочаруется. Что станет хуже относиться, предвзято, что пожалеет о том, что вообще взял его, неуклюжего, и привел в дом, что так сильно доверял и вверил все хозяйство, что на подарок потратился зря, что весь день хвалил напрасно. Что Грэгор в принципе рассердится. Разозлится. Что настроение у него испортится.

А Рону меньше всего на свете хотелось, чтобы Грэгор расстраивался.

— Простите меня, пожалуйста. Я не... — начал было он оправдываться и запнулся. Слова не шли, голос прерывался. Да и что тут можно сказать?..

— Рональд, — Грэгор переложил порезанную ногу на диван, провел по ранке мокрой ватой, отчего кожу сильно защипало, начал обматывать ступню бинтом. — А знаешь, как я испугался? Не из-за посуды, конечно, а потому что подумал, что с тобой что-то страшное случилось. У меня ведь чуть сердце не остановилось. А тут... всего лишь тарелки. Мы завтра новые купим. Тарелок в городе много, на любом углу купить можно, а вот второе такое маленькое чудо синеглазое я во всем мире больше не найду. Не расстраивайся из-за них. Главное же, что ты сам цел. Ну, почти.

Грэгор завязал края бинтов аккуратным узлом и опустил ногу на пол.

— Посиди пока, не вставай. Я скоро подойду.

Он ушел на кухню. А Рон сидел, слушал, как Грэгор гремит осколками, собирая их, и не мог понять, что с ним происходит. Дыхание у него выровнялось, сердце утихомирилось, но слезинки стекали одна за другой, не переставая, и он не видел ничего, все плыло, и успокоиться никак не получалось. Ему никогда такого не говорили. С ним никогда так бережно не обращались. Какое-то новое, неиспытанное доселе чувство, разрывало изнутри. Доброе и светлое. И Рональд никак не мог поверить, что так действительно бывает, что он на самом деле стал дорог кому-то не потому, что безукоризненно себя ведет и приносит много пользы, а потому, что он... хороший?

Ночью Грэгор отнес окровавленную вату Ярому, а на следующий день съездил в город, купил новые тарелки, инструменты для сада, пару дополнительных комплектов постельного белья, обувь, что-то из одежды и прочих важных мелочей рода зубной щетки. А дома, вооружившись отверткой, до самого вечера перевешивал все полки. На пол метра ниже.

С того дня прошло чуть более трех лет. Рональд возмужал, подрос. Вырастил собственный прекрасный сад, любимое детище. Из рук у него почему-то никогда больше ничего не валялось. Пошла спокойная, размеренная и счастливая жизнь. И все было прекрасно, пока в один солнечный день Рон не выбежал на крыльцо, чтобы встретить Грэгора после поездки.

Выбежал и замер. И не мог понять, солнце ли так безжалостно слепит глаза, или та девушка напротив.

Он в первый раз увидел Лизу.

Глава 6. Лиза и Рональд знакомятся поближе

Девушка во все глаза уставилась на третьего жильца и обомлела. Почему-то ей и в голову не приходило, что в доме помимо доктора и Яркого живет кто-то еще. Но нет, навстречу робко подходил самый настоящий третий обитатель. Поначалу Лизе показалось, что это подросток — человек был с нее ростом, а она сама отличалась миниатюрностью — но при ближайшем рассмотрении поняла, что он или ровесник, или чуть старше. Красивый, в простой одежде, светло-русый. Он выглядел очень изумленным: раскрыл рот и смотрел на девушку большими круглыми глазами цвета ночного неба. Девушка так заворожилась ими, что не сразу заметила татуировку-паутину на его лице, а разглядев, разочаровалась.

Всего лишь невольник.

— Лиза, позвольте вам представить. Это Рональд. Рон, это Елизавета, — спохватился Грэгор.

Рональд сильно смутился, покраснел и вежливо поздоровался; Лиза едва заметно кивнула.

— Идемте в дом. Не бойтесь, пожалуйста, Яркий в доме не живет и очень редко сюда заходит.

Лиза с опаской обернулась. Яркий действительно ушел, и спускался по участку вниз, в сторону леса. Слабо понимая, что происходит, девушка зашла за Грэгором в дом.

Внутри было небогато, не так, как у отца. Но чисто, красиво, аккуратно. Светло. Деревянные стены, пол и потолок. В прихожей находилось три двери — одна входная, одна вела на кухню и маленькая, наверное, от кладовой или чулана. Рядом с ней была лестница. По другую сторону располагалась арка, ведущая в гостиную, где стоял большой диван и виднелся край камина. Туда Лизу и повели.

— Садитесь, отдохните. Вы, наверное, всю ночь не спали. Хотите-чтонибудь? — засуетился Грэгор. — Рональд, у нас осталось что-нибудь от обеда?

— Нет, но я быстро приготавлию.

— Мне не надо ничего, — вздохнула девушка с дивана.

— Чай? Хотите чай? Давайте, поговорим за чашкой чая, — настойчиво не сдавался Грэгор. И Лиза поняла, что иначе они попросту не отстанут.

— Хорошо.

— Рональд, идем на кухню. Мы очень быстро, подождите, — воодушевился доктор. И, к облегчению Лизы, они оба ушли.

Девушка не хотела с ними говорить. Она их видеть не хотела. Она хотела отдохнуть, прийти в себя, понять, что происходит. Одной. Наедине с собой. Без суеты вокруг. Без незнакомых людей рядом. Но понимала, что минуты через две они вернутся, и продолжат играть в гостеприимных хозяев. Интересно, а если притвориться спящей, оставят ли ее в покое? Хоть ненадолго? И девушка, не мешкая, легла на подлокотник. Закрывала глаза и сделала вид, что спит.

Когда Грэгор и Рон вернулись в гостиную с подносом, Лиза мирно сопела, удобно

расположившись на диване. Волосы ее разметались на подушке, одна рука безжизненно свисала. Они в нерешительности застыли под аркой и переглянулись.

— Это тот самый человек? Про которого вы рассказывали? Третий жилец? — вполголоса спросил Рональд.

— Да, дружок.

— Но это же девушка! Девушка!

— Ш-ш-ш, Рональд, тише! Разбудишь же. Да, девушка. Мне самому не верится, что скоро все закончится. Пойдем, не будем ей мешать. Мне нужно с тобой серьезно поговорить, — увлек он его на лестницу.

— Слушай меня очень, очень внимательно, Рональд, — продолжил доктор наверху, в захлавленной комнате, предназначенной для нового жильца. Он закатал рукава и приступил к уборке, Рон последовал его примеру. — Лиза очень нужна Ярому. И ты даже не представляешь, насколько. И наша с тобой задача — сблизить их. Времени у нас мало, Ярый не может ждать месяцы, пока она к нему привыкнет, как, например, в твоём случае; процесс надо очень ускорить. Поэтому отныне и ты, и я — мы делаем все для того, чтобы она перестала его бояться. Говори про него, води ее к нему, отзывайся о нем хорошо. Это во-первых. Во-вторых. Девочка напугана. Она подавлена. Ей многое пришлось пережить. Поэтому, наша вторая задача — окружить ее любовью и заботой. Ей должно быть хорошо. Спокойно. Она должна чувствовать себя, как дома, она и есть дома, мы должны стать ей родными и близкими людьми. Не притворяться таковыми, а действительно ими стать. И, Рональд, Лиза не только Ярому нужна. И мне тоже. От нее теперь многое зависит, от нее зависит все, и я... мне... извини, — отвернулся доктор к стене, делая вид, что подбирает с пола старое ведро.

— Я очень постараюсь. Очень-очень. Не расстраивайтесь, пожалуйста, — тут же отреагировал Рональд, чуткость и проницательность которого с годами стала только выше.

— Я не расстроен, дружок, наоборот. Просто, мы так долго ее искали и вот наконец нашли, а она же еще ребенок, Рональд! Ей всего шестнадцать лет! Я не был готов, не ожидал, и не знаю, справится ли она, не представляю, как она сможет, и захочет ли... Впрочем, тебе незачем это знать. Извини, но пока я не могу рассказать тебе всего. Но я очень на тебя надеюсь, Рональд.

— Я буду к ней как к королеве относиться и даже лучше, — заверил Рон хозяина, лицо которого быстро разгладилось.

— Ох, Рональд. Я говорил тебе, что ты — чудо?

— Говорили, — засмутился он. — Я за водой схожу. Тут полы, грязные...

«Скоро все закончится!» — стучало по вискам, когда кто-то на цыпочках проходил мимо гостиной.

«Все закончится!» — вздрагивала Лиза при каждом подозрительном шорохе.

«Закончится!» — замирало сердце.

Девушка лежала, отвернувшись к спинке дивана, и искренне надеялась, что со стороны не видно, как по телу пробегает крупная дрожь, и подложила руки под себя, чтобы никто не увидел, как они трясутся. Наверное, кто-то все же это заметил. Подкрались тихие шаги, и на Лизу лег теплый плед. Она перепугалась так, что задержала дыхание, и выдохнула только

через минуту.

«Надо что-то делать!» — лихорадочно соображала девушка. "Скоро все закончится" — что он имел в виду? Что — закончится? Им нужна жертва? Они убить ее хотят?! Не известно, что именно им нужно, но ничего хорошего — однозначно, и отсюда надо выбираться, и как можно скорее.

Но как?!

Девушка решила дожидаться ночи, чтобы под покровом темноты тихо улизнуть и укрыться где-нибудь в городе. Символическое ограждение стоит только с одной стороны участка, дорогу она запомнила. Если дверь окажется запертой, вылезти можно через окно. Главное — выбраться отсюда, незамеченной, добраться до города, а там уж она что-то, да придумает.

Мысль о предстоящем побеге здорово грела душу, плед согрел тело, и утомленную девушку разморило. Она долго лежала и терпеливо ждала, когда же голоса в доме и во дворе утихнут, а на улице стемнеет, и в итоге не заметила, как погрузилась в тревожный сон.

Когда Лиза распахнула глаза, в гостиную пробивался слабый розовый луч рассвета. Она подскочила, как ужаленная, откинула плед и на цыпочках прокралась к окну. Только-только начало светать, узенькая полоска солнца едва проглядывала из-за деревьев, озаряя их, словно пламенем. Она прислушалась. В доме стояла тишина, только черепица потрескивала на ветру. Двор со стороны ворот был пуст.

«Пора!» — скомандовала себе и бесшумно проскользнула к выходу, двигаясь в полутьме на ощупь. И когда до спасительной двери осталось всего ничего, Лиза задела ногой не то вешалку, не то канделябр — и предмет с грохотом повалился на пол.

Сердце подпрыгнуло, девушка прижалась к стене, стараясь казаться незаметной, и замерла. Сверху послышался шум, скрип двери и почти сразу на площадке крутой не приметной лестницы замаячил огонек свечи. Лиза едва не расплакалась, когда в мерцающем свете разглядела встревоженного Грэгора в пижаме.

— Вы куда-то собрались? — взволнованно спросил он.

— Это... не ваше... дело! — Лиза шагнула к двери, не спуская с доктора глаз.

— Лиза, постойте, — гораздо тверже сказал Грэгор и спустился на одну ступеньку.

— Не подходите ко мне!

— Лиза, успокойтесь и выслушайте меня, — и спустился еще на один шаг.

— Нет! Не трогайте меня! Уйдите, отстаньте, да будьте вы прокляты! — выкрикнула девушка и рванула к двери.

К счастью, она оказалась не запертой, и в следующее мгновение Лиза пересекала двор и дрожащими руками открывала ворота. В каждом кустике, в каждой тени ей мерещился Ярый, укрывающийся где-то здесь, совсем рядом, ведь не мог же он уйти далеко; и она едва удерживала рвущийся наружу крик ужаса, стрелой мчась прочь от опасного места.

— Да чтоб тебя! — выругался Грэгор и сбежал вниз по лестнице. Вышел на крыльцо и осмотрелся — только открытые ворота раскачивались на ветру, Лизы и след простыл. — Да чтоб ее!..

— Что случилось?

Сзади подошел сонный Рон.

— Лиза, сбежала. Рональд, дружок, вся надежда на тебя. Меня она не слушает, Ярого перепугается до смерти!

Рональд не мешкая схватил рубашку с вешалки, наспех обулся и отправился следом за сбежавшей девушкой.

Лиза со всех ног бежала по дороге и, спотыкаясь, бросала короткие взгляды через плечо, опасаясь погони. Ноги промокли от обильной утренней росы, подошва неудобных туфель стала скользкой, она едва не упала пару раз на гладких камнях, но продолжала упорно мчаться вперед, не сбавляя скорости. Разгоряченное сердечко колотилось столь быстро, что было готово сгореть от нагрузки. Вскоре и в боку закололо, и кислорода стало остро не хватать; бег замедлился и перешел на быстрый шаг, а после девушка и вовсе остановилась, согнувшись пополам и жадно ртом хватая воздух.

«Нельзя останавливаться!» — встряхнула себя, с трудом выпрямилась и продолжила идти.

Утро, как назло, выдалось прохладным, противный ветер пронизывал насквозь, разгоняя стелющийся над землей туман. Лиза поежилась, всхлипнула и обхватила себя руками, пытаясь хоть немного согреться. До спасительного поворота на главную дорогу оставалось не так уж и много, а там и до города рукой подать — главное, идти и не останавливаться, и не позволить им схватить себя. И девушка шла, с надеждой вглядываясь вперед и с опаской оборачиваясь назад; но, чем ближе она подходила к повороту, тем медленнее передвигала ноги. Только сейчас Лиза задумалась — а что ее ждет там, в городе? Одинокая девушка, грязная, побитая, беременная. Да даже на дороге любой всадник сможет сделать с ней все, что заблагорассудится, потому что она от нищенки, за которую никто не заступится, не отличается ничем. А в Райтоне? Куда там идти? К кому? К Тиму, что предал ее? К отцу, который грозился убить? Слоняться по улицам, побираться, загнаться от голода или ждать, пока ее завербуют в один из многочисленных борделей? Куда?!

Девушка остановилась и с тоской посмотрела вперед. Нерешительно обернулась. Идти в одну сторону — плохо; в другую — еще хуже. Здравый смысл кричал, что лучше всего развернуться и пойти назад, потому что там хотя бы есть крыша над головой, еда, условия; животный страх упорно гнал вперед.

— Да за что мне это? — в отчаянии выкрикнула Лиза в пустоту.

В ответ только деревья прошумели на ветру.

Растерянно посмотрев по сторонам, девушка понуро подошла к пеньку, сиротливо выглядывающему из травы на обочине. Села на него. Что делать дальше, она не знала. «Утопиться, что ли...» — обреченно подумала Лиза, и по щекам потекли слезы. Она понятия не имела, где здесь находится река. А если бы и знала, то все равно ничего бы не сделала, потому что не смогла бы. Ждать. Оставалось только сидеть и смиренно ждать, пока ее не схватят и не вернут назад. Потому что добровольно идти в дом она физически не могла.

Ждать пришлось недолго. Вскоре вдали, со стороны имения, из туманной дымки вынырнул быстро приближающийся силуэт. Вполне предсказуемый. Лиза не стала убегать или прятаться, просто с тоской в глазах смотрела на идущего навстречу человека. Прищурилась, пытаясь рассмотреть преследователя. Быстро поняла, что это всего лишь

невольник. Не Грэгор. Не Ярый. Что немного успокоило ее.

Постепенно замедляя шаги, он подошел совсем близко и нерешительно остановился в паре метров от Лизы, поднял на нее глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Вам надо вернуться, — сказал он наконец.

Лиза зрительно оценила габариты противника и мысленно усмехнулась. Они решили вернуть ее с помощью вот этого недоразумения в клетчатой рубашке, которое едва ли выше, чем она сама? Девушка понимала, что, по сути, ее загнали в угол, и что не он, так придет кто-нибудь другой; но сдаваться так легко не собиралась. Хотят заполучить ее? Хорошо. Но им придется постараться.

— Мне не надо возвращаться. Это вам надо, чтобы я вернулась. Добровольно я никуда не пойду. Хочешь, чтобы я пошла — веди меня силой, — дала она уверенный отпор.

В ответ невольник мельком посмотрел на нее, как будто бы удивившись, и не сдвинулся с места. Лиза восприняла его замешательство как маленькую, но победу, и воодушевилась. Она сощурилась, медленно встала с пенька, подняла голову и в упор уставилась на растерянного противника. Язык у Лизы всегда был подвешен, а сейчас совсем развязался.

— Давай, докажи своему хозяину, что ты очень преданная собака. Ну? — сквозь зубы процедила она. Выдержала паузу, но ответа так и не дождалась. — Вы думали, я так легко вам дамся? Напрасно. Ну же, давай, не стой. Или ты тяжелее чашечки чая для своего владельца поднять ничего не можешь? Боишься, что с девушкой не совладаешь? Мне почему-то тоже так кажется. Не совладаешь, куда уж тебе.

В ответ он нахмурился, но так ничего и не сказал.

— А ну что такое? Что стоишь? Ты правда думал, что мне достаточно сказать: «Вам надо вернуться», и я пойду? Какой же ты жалкий. Мне искренне тебя жаль. Плохо, наверное, быть шавочкой. Иди, скажи своему хозяину, чтобы послал за мной кого-нибудь другого. Я здесь подожду. Ну же, будь послушным мальчиком, ступай, — медленно и смакуя почти пропела девушка, не без удовольствия наблюдая за тем, как меняется в лице противник.

Невольник с шумом выдохнул и поднял голову. Посмотрел на нее глубокими, синими глазами. Запахнул рубашку и обхватил себя руками. И, пытаясь говорить нормально, но с предательской дрожью в голосе, сказал:

— Нет. Я без вас никуда не пойду.

— Так я никуда идти не собираюсь. Я же говорила тебе. Или тащи меня, или ступай прочь.

— Тогда я с вами постою, здесь дорога рядом проходит, а по ней торговцы утром на рынок едут. Вам опасно одной здесь находиться, они заметить могут.

— Ты слишком разговорчивый для своего положения, не находишь?

— Простите, пожалуйста, я отвык немного от правил. Обещаю больше так не делать. У вас мурашки по плечам бегут, наденьте, пожалуйста, — невольник снял с себя рубашку и протянул Лизе. — Я не знаю, как скоро за нами придут, а у вас платье от росы промокло. И ветер сегодня холодный.

Лиза, стоя с рубашкой в руках, опешила. Девушка ожидала чего угодно, но не этого. Мельком посмотрела на свое плечо — кожа действительно напоминала гусиную. Она и правда продрогла насквозь, просто от волнения забыла об этом. Перевела взгляд на невольника, у которого кожа на груди и на руках очень быстро стала такой же, как и на ее плечах. И, судя по всему, он действительно не собирался никуда уходить. Встал удобнее,

поежился. И силу применять тоже не собирался. Да он же, по сути, и не ответил на ее выпад ничего, все молча проглотил. Стоял, молчал, слушал, выслушивал. Смотрел еще. Синими, красивыми глазами.

Во рту встал горький привкус, а в душе что-то дрогнуло. Лиза прижала к груди рубашку, и совершенно неожиданно вспомнила имя невольника.

— Рональд... Ладно, пойдем домой. И вот это заberi, — протянула ему одежду.

— Как скажете, — кивнул он, развернулся, и, поглядывая за девушкой через плечо, пошел к дому.

А рубашку так и не забрал.

Залитый утренним солнцем лес слепил глаза, пробудившиеся птицы запели звонкую трель. Туманная дымка над округой рассеялась, а ветер ослабил хватку. Тихим хрустом мелких камушков отдавались шаги. Два маленьких силуэта приближались к воротам.

Глава 7. "Мне кажется, что я попала..."

Страшно было заходить во двор. Рональд, за весь путь не проронивший ни слова, давно проскользнул вовнутрь, а девушка неуверенно топталась на месте и смотрела в одну точку. С рубашкой в руках. Лизе казалось, что там ей сильно достанется. Она четко представляла лица, негодующие, яростные — как у отца, когда он злился. Но вечность на месте не прстоишь, назад поворачивать поздно и глупо. И Лиза вошла в призывно разинутую пасть ворот.

Никто ее не поджидал. Во дворе вообще никого не было, только цветы на ветру покачивались. Облизнув пересохшие губы, девушка медленно пошла к дому, поднялась на крыльцо и неуверенно открыла дверь. Тишина.

И в самом доме навстречу никто не выскочил. Из кухни доносились голоса Грэгора и Рональда, что-то шипело на сковороде, аромат жареного витал в воздухе. Чувствуя себя крайне неловко, Лиза осмелилась пойти на звук и вскоре стояла в дверном проеме, принимая на себя осуждающий взгляд Грэгора. Рон сидел за столом, сцепив пальцы в замок и оперев на них голову. При ее появлении он отвернулся.

— А вы всегда так с плеча рубите? — вполне миролюбиво поинтересовался доктор.

Девушка покраснела и опустила взгляд. Ей было бы привычнее и спокойнее, если бы мужчина начал на нее орать, так, как всегда делал отец; спокойная и доброжелательная интонация сбила с толку окончательно.

— Я слышала, что вы вчера сказали. Про то, что скоро все закончится, — призналась она.

— Лиза, мы все вам объясним. Давайте, сходите в свою комнату, переоденьтесь и приходите завтракать.

Лиза кивнула и послушно пошла к лестнице. Что-то вспомнила и вернулась назад.

— А где моя комната?

— Ну конечно! — Грэгор поморщился и легонько стукнул себя ложкой по лбу. — Последняя дверь в конце коридора.

Лиза поднялась по крутым ступенькам, замерла на верхней площадке и осмотрелась. Она очутилась в коротком коридоре, по одну сторону которого располагались в ряд три двери, а по другую до самого потолка тянулись длинные полки, заставленные книгами. Так много книг в одном месте девушка еще не видала, отцовская библиотека в два шкафа просто меркла в сравнении с окружающим великолепием.

Лиза побродила вдоль полок, пальцами провела по шершавым корешкам, дошла до последней комнатки и внимательно осмотрела дверь. Ни замка, ни засова. Девушка повернула прохладную ручку. Дверь легко поддалась и бесшумно отворилась.

В глаза ударил яркий свет, льющийся из большого окна напротив. Комнатка оказалась совсем небольшой и довольно уютной, хотя помимо застеленной кровати и повидавшего жизнь стула в помещении ничего не было. Наверное, здесь совсем недавно навели порядок, потому что все еще чувствовалась свежесть от влажной уборки. Лиза прикрыла дверь и подошла к окну: вид открывался потрясающий. Живописный лес, передний двор с садом, ворота и уходящая вдаль земляная дорога. «Красиво...» — отрешенно подумала девушка и повернулась к кровати.

Судя по всему, женщин в доме отродясь не водилось, и ей подготовили то, что более-менее подходило по размеру. Рубашку и штаны. Скорее всего, принадлежащие миниатюрному Рону. В вещах других обитателей дома она бы попросту утонула. Лиза посмотрела на клетчатую рубашку, которую все еще держала в руках, и решила, что она ей нравится больше, чем однотонная льняная.

Сбросила платье и переоделась. Одежда Рона оказалась на удивление удобной, и девушка пожалела, что в комнате нет зеркала, ей очень захотелось посмотреть на себя со стороны. И, странное дело, но как только Лиза сняла с себя платье, то единственное, что осталось от отцовского дома, с нее как будто спали оковы. Отец ни за что и никогда не позволил бы расхаживать в подобном виде, и девушке нравилось ощущение того, что она что-то делает не так.

Лиза стала догадываться, что в новой жизни все будет по-другому. Совсем не так, как раньше. Потому что всё уже было по-другому. Потому что Грэгор встретил ее радушно и ни словом не высказал недовольства, потому что Рональд и пальцем к ней не прикоснулся, потому что она грязью его поливала, а он рубашку ей отдал. Возможно, мелочи, но они о многом говорили. Особенно для Лизы. Она сейчас только поняла, как сильно от всего устала.

Девушка наспех разобрала волосы руками, собрала в небрежную косу, и, не мешкая, пошла обратно.

На кухне Грэгор расставлял чашки с горячим чаем, за столом все так же сидел Рон. Увидев Лизу, он смутился и опустил глаза, но нет-нет, да поглядывал на нее; и Лизу не удивляло, что Рональд в принципе завтракает с ними за одним столом.

— Ну наконец-то! Давайте, пока все горячее. Уж извините, люди мы неизбалованные, особыми изысками не страдаем, еда у нас простая. Так сказать, чем богаты, тем и рады. Присаживайтесь, — бодро встретил ее Грэгор.

Девушка села на ближайший стул.

— Не бойтесь, Ярый не придет. Он не хочет вас пугать, — словно прочитав мысли девушки, добавил Грэгор. — Но с этого дня он иногда будет заходить. Чтобы вы к нему привыкли. Мы все не хотим пугать вас, Лиза. Я понимаю, что вы чувствуете сейчас, в совершенно новом доме, с новыми людьми. Но, пожалуйста, не сбегайте больше. Это для вас же самой опасно. Куда вы там пойдете? Не думайте, я не хочу вас пристыдить, но вы отныне находитесь под нашим крылом, и нам не хочется, чтобы с вами что-то случилось. Вы теперь член нашей семьи, вы здесь не временно, а навсегда, и нам очень хотелось бы жить с вами дружно.

Лиза смущенно промолчала.

— И если вам что-то непонятно, спрашивайте. Мы не враги, мы все покажем, объясним, расскажем. Вы дома, и даже не представляете, как мы рады наконец-то вас найти!

— То есть, вы искали? Меня? Что вы имеете в виду? — подобралась девушка.

— Да, искали, да, вас.

— И что же во мне примечательного?

— У вас внутри мертвый ребенок.

Она раскрыла рот, но ответить так ничего и не смогла. Аппетит пропал напрочь, и вот

теперь девушка совсем, ничего, не капли не понимала. Рональд по другую сторону стола тоже округлил глаза и подавился чаем, из чего Лиза сделала вывод, что и для него услышанное оказалось неожиданностью.

— Он не совсем мертв, но умрет сразу же, как родится. Вы убили его несколько раз, вытравили душу, теперь он лишь кусок плоти, существующий за счет вашего организма. Бездушный. Тело не может жить снаружи без души внутри. Вы не подумайте, я вас ни в коем случае не обвиняю, это сугубо ваше дело, и, более того, будь я на вашем месте, то поступил бы точно так же. И дело не только в ребенке, конечно. И у других беременных женщин бывают мертвые дети. Ваша главная особенность в том, что ваша душа... как бы это объяснить... еще не скована. Вы ее уберегли, это большая редкость. В вас заложен огромный потенциал.

— Я не понимаю. Какая душа? Какой потенциал? Вы серьезно это говорите?

— Более чем. Лиза, поймите, вы в очень странное место попали. Странное, но неопасное. Я мог бы объяснить подробнее, но это не передается словами, это надо прочувствовать. И вы обязательно прочувствуете, но для начала вам необходимо перестать бояться Ярого. Довериться ему. Иначе ничего не получится.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Так, так, так, постойте. Что — не получится?

— Вы не сможете войти... туда. Лиза, милая, если бы я мог описать это словами, то описал бы. Просто поверьте мне на слово, ничего плохого с вами не случится. Наоборот. Вам предстоит познать нечто очень прекрасное, и вы не представляете, насколько.

— Погодите, погодите, Грэгор. Хорошо. Предположим, я вам верю. Предположим, во мне действительно заложен потенциал и я беременна мертвым ребенком. Но зачем вы меня сюда привезли? Что вам от меня нужно? Что вы имели в виду, когда говорили, что «скоро все закончится»?

— В этом и кроется загадка. Вы очень нужны Ярому. Только мать, носящая под сердцем мертвого ребенка, может ему помочь. И когда он получит то, что ему нужно — или не получит, если вы откажетесь помочь — все закончится. Дело подойдет к концу.

— И в чем заключается помощь?

— А вот это я не могу вам рассказать.

— Почему?

— Он сам вам все расскажет. Когда вы будете готовы.

— Когда я буду готова?

— Он сам поймет. И даст знать вам.

— Мне кажется, что здесь все сошли с ума.

— Мне тоже иногда так кажется. А потом мне кажется, что все наоборот. Что весь мир сошел с ума, и только здесь, у нас, нормально. Но я могу подтвердить свои слова. Щека. Ваша. Болит?

— Щека? — Лиза совсем забыла про нее. Потрогала. Сдавила кожу. И наконец сообразила. — Так это он? Он сделал так, что боли нет? Для этого он подходил, ведь так?

— Именно.

— Так не бывает. Но... так, ладно. Хорошо. Я все равно не понимаю.

— Вы все поймете. Но нужно время. И, знаете. Когда я вас вчера увидел, то не мог поверить, что вы та, кого мы ищем. А когда вы сбежали, я был уверен, что мы ошиблись. А сейчас вижу, что вы именно она.

— И почему же?

— Потому что я рассказал вам о странных и неправильных вещах. А вы не испугались. В ваших глазах сплошное любопытство. Вы задаете нужные вопросы. Вы мне поверили, ведь так?

— Как вам сказать... мне очень хочется поверить.

— Не тот человек давно бы поднял меня на смех. Лиза, милая, просто расслабьтесь. Делайте, что хотите, если вам что-то понадобится — просите, мы обязательно поможем. Поверьте, у нас вам будет очень хорошо. Доверьтесь нам. У нас так принято — во первых, уважать друг друга, и во-вторых, друг другу доверять.

— То есть, вы хотите, чтобы я всем вам доверяла? Чужим и незнакомым людям? Вот так вот, сразу? С чего бы вдруг?

— Хотя бы попытайтесь, Лиза. Я помню, как это непросто, начать. Когда не знаешь, а стоит ли оно того, а вдруг то, что ты скажешь, против тебя и обернется. Но знаете, потом привык. Теперь я по-другому не могу. Когда мы с Ярм выезжаем к пациентам, мне кажется, что там все неправильно, что с людьми что-то не то, со всеми. Вряд ли вы понимаете сейчас, о чем я, но скоро все поймете.

— Я стану такой же странной, как и все вы?

— Нет. Нет, не странной, а нормальной. Хотя, смотря как посмотреть... Да это, в общем-то, неважно. Хотите нам что-нибудь сказать? Наверняка у вас многое накопилось. Вы злы на нас? Попробуйте, не бойтесь. Вам сразу полегчает.

Лиза задумалась. Неспешно допила остатки чая. Вытерла салфеткой рот. Посмотрела на Грэгора. На Рональда. Решила — а почему и нет? Хотят доверия? Отлично. Так пусть получают.

— Вы знаете... я так устала, — неуверенно начала она. — У меня мама недавно умерла. Она единственная меня поддерживала и понимала. Я забеременела случайно. Я не хочу рожать, боюсь. Я ненавижу свой живот. Я рада, что то, что там находится, мертво. Рада ужасно. Отец ребенка меня предал, а собственный хотел прибить. Я вышла замуж за... не знаю, как его назвать. Да, он меня пугает, до колик в животе. И вы мне все чужие. Я долго привыкаю к людям. Мне трудно переварить все то, что вы сейчас сказали. Я так устала. Мне кажется, что я старуха. Мне хочется побыть одной. Просто лежать, не думать и ничего не делать. И чтобы никто ко мне не подходил. Скажите, Грэгор — доверие, это вот так вот говорить? — и на него серьезно посмотрела.

— Кхм, — он поперхнулся. — Да. Вам сильно плохо?

— Да, очень. А вам не хочется меня за то, что я сказала, осудить?

— Конечно, нет. Никто не в праве осуждать. Особенно, за чувства.

— Вы знаете, — Лиза выдвинула стул и встала. — Мне кажется, что я попала в Рай, — взметнула в воздухе косой и вышла прочь из кухни.

Глава 8. Прости меня

Следующую неделю Лиза вела себя тихо и скромно, присматривалась к местным обитателям и осваивалась в новой обстановке. И с каждым днем все больше убеждалась, что угодила в сказку. То, что рассказал Грэгор, оказалось правдой. В доме действительно все было по-другому. Спокойно. Хорошо. Легко и непринужденно.

И хотя сам дом был довольно скромный, с удобствами на улице, а по комнатам не сновала свора невольников и слуг, Лиза нигде еще не чувствовала себя настолько комфортно. Девушка не сразу заметила, что берет предметы с полок, не подпрыгивая; что в зеркалах видит нормальное отражение себя, а не только верхнюю часть лица. Что повесить вещи на вешалку отныне не проблема, а обычное действие. Что не она приспосабливается к дому, а дом приспособлен для людей. Почему-то это удивляло.

Здесь царила радушная и мирная обстановка. Здесь не кричали друг на друга, разговаривали тихо и спокойно, и девушка долго привыкала к непривычной тишине. В первые дни она еще собирала волосы, укладывала их красиво, сидела прямо за столом и пользовалась вилок и ножом, а потом поняла, что можно расслабиться, что не надо это никому, ей-то уж в первую очередь. Небрежная коса, удобная одежда, ложка, поджатая под себя нога за завтраком и за обедом — мелочи, но как же они нравились Лизе!

Новая жизнь и новые люди увлекли ее с головой. Порой она ловила себя на мысли, что не вспоминает ни отца, ни Тима, не вспоминает и не хочет вспоминать, оставила их в прошлом, забыла, как страшный сон, и испытывала искреннюю радость от того, что щека, напоминание о прежнем доме, заживает постепенно, а ребенок, напоминание о Тиме, рождается мертвым. Следы прошлой жизни исчезнут, полностью, совсем, а она останется в новой, одна, без груза прошлого.

Все обитатели вились вокруг Лизы так, что девушке часто делалось неловко.

Стоило протянуть руку за салфеткой во время обеда — кто-нибудь обязательно подскакивал с места и подавал ее.

Стоило выйти во двор, чтобы погулять по саду — кто-нибудь предлагал зонтик от солнца.

Стоило ненароком обронить, что клубника на заднем дворе на удивление вкусная — как через час ей принесли целое ведро клубники и поставили у комнаты.

Куда бы Лиза не пошла, ей приходилось отбиваться от вопросов. Нет, она не хочет чай, спасибо. Спасибо, я не голодна. Нет, благодарю, и книгу выберу сама. Большое спасибо, но налить воду в стакан я и сама могу. Нет, мне не жарко. Не холодно. И в комнате не душно.

Ярый сближался с девушкой очень деликатно и осторожно: если в первый день он заходил в дом только ради того, чтобы унести с собой еды — и внутри девушки тогда все замерло от страха — то на второй задержался на подольше, а на третий и вовсе остался, присоединившись за обедом к общему столу. В промежутках между его заходами Грэгор так уверенно и часто повторял фразу «Не бойтесь Ярого!», и так хорошо о нем отзывался — под поддакивание Рональда — что, когда тот присел рядом и пододвинул к себе тарелку, Лиза с удивлением отметила, что совсем не боится. И не только не боится, но и думает о нем не как о монстре, а как о человеке. Странном, своеобразном, но человеке. Она почти не ела и с любопытством разглядывала его. Ей стало интересно, что же с ним не так, почему у него

такая кожа, что с ним могло произойти. Откуда он. Почему так странно двигается. Почему очень редко говорит. Что ему от нее нужно. Его глаза больше не пугали. Большие, черные. Не страшные. Просто другие. А волосы и вовсе очаровали Лизу. Тонкие, мягкие, блестящие, как шерстка у кота. Она их потрогала украдкой. Ярый смотрел не на Лизу, а куда-то в никуда, но девушку не покидало ощущение, что весь обед он наблюдал за ней, но не глазами, а со стороны.

Девушке страстно хотелось узнать о нем больше, но Грэгор ничего не говорил. И Лизе оставалось только смириться и ждать дальнейшего развития событий.

Бессонными ночами она подкрадывалась к окну, распахивала его настежь, садилась на подоконник и смотрела в лес, туда, где предположительно скрывался он. Иногда Лизе казалось, что она что-то видит — мелькающие тени, отблеск огня; слышит чарующий шепот голосов — а, возможно, ей просто казалось. Но каждый раз девушке становилось не по себе, она возвращалась в кровать и накрывалась одеялом с головой.

Грэгора девушка полюбила сразу. Вдовец, взрослый, умный и мудрый; она его считала идеалом. Лиза не верила, что такие люди могут существовать. Он был старше отца, но, несмотря на это, общий язык у них нашелся быстро. Она как будто всегда его знала. Грэгор не скупился на Лизу, всегда интересовался, что привезти из города, и вскоре у девушки появился шкаф, который быстро заполнился одеждой, зеркало на стене и кружевные занавески, много разных мелочей — гребни, ленты и заколки.

Как доктор, Грегор был прилично обеспечен. Он мог бы позволить себе лучший дом, он мог бы содержать больше невольников, он все еще считался завидным женихом и мог бы выгодно жениться, но предпочитал вести затворный образ жизни. Грэгор с удовольствием возился в огороде, любил варить компот из ягод, сидеть в одиночестве перед камином и что-нибудь читать. Он был простой, и девушка его за это уважала.

Рональд. То, что к нему не просто хорошо, а очень и очень хорошо относятся, настолько хорошо, что даже и нормально — она заметила сразу. Он с утра до вечера крутился, как волчок, выполнял все бытовые обязанности — от дойки козы до мытья полов доме — то есть, делал все то, что и положено делать невольникам; но ни разу девушка не слышала, чтобы к нему обращались на повышенном тоне. Он был полноправный член семьи. Доктор оживленно обсуждал с Роном текущие дела, делился впечатлениями от очередной поездки; иногда они готовили вместе, играли в карты или уходили куда-то вдвоем, а вечерами из гостиной доносились их тихие разговоры. В такое время девушка приоткрывала дверь комнаты и пыталась расслышать, о чем же они говорят, но звуки почти не долетали до нее.

Рональд был довольно общительный, очень вежливый, всегда спокойный, обходительный. Внимательный. Это он собрал ведро клубники. Он выносил вечером плед во двор, где Лиза допоздна читала, потому что начинало холодать. Он даже с Биззи вежливо общался и каждый день расчесывал ей шерсть. Настолько ухоженной и избалованной козы девушка ни разу не встречала. Лиза не понимала, где Грэгор раздобыл его, а спросить стеснялась. Но она была уверена, что Рона не могли просто купить. Таких, как он, не продают. Их берегут и ценят.

Лиза любила наблюдать за ним из окна, когда он, скинув рубашку, бесконечно долго и с упоением возился с клумбами. Ей безумно нравилось разглядывать слипшиеся от пота светлые волосы; миниатюрное, но ладное и пропорциональное тело; загорелую до цвета бронзы кожу. Она находила Рона красивым. Цветы меркли на фоне его глаз. Девушке очень хотелось познакомиться с ним поближе, пообщаться, подружиться, но тут всплывала,

пожалуй, единственная проблема, с которой она столкнулась в новом доме.

Он сам с ней общаться не хотел.

Нет, он подробно отвечал на задаваемые вопросы, всегда учтиво интересовался, не желает ли она чего-нибудь, но — в рамках положенного. В полном соответствии с установленными правилами и все по этикету, так, как принято там, за воротами. Ни больше, ни меньше. Но Лиза же видела, что он может и по-другому, и ее задевало такое отношение. Она была умной девушкой, и прекрасно понимала, почему Рон так себя ведет.

"Шавка" — обидное слово.

«Ты слишком разговорчивый для своего положения, не находишь?» — слишком красноречивая фраза, расставляющая акценты.

Лизе было стыдно за свои слова. Она находила тысячу оправданий, что не знала, какой Рон на самом деле, что боялась, что привыкла пренебрежительно относиться к таким, как он; но все равно чувствовала себя виноватой. Хотелось спрятаться и закрыться, нырнуть под одеяло с головой, когда в памяти в очередной раз прокручивалось то холодное утро, когда он, выслушав оскорбительную тираду, просто протянул рубашку. Потому что разглядел на ее плечах мурашки. Чтобы ей теплее стало.

Короткая сцена намертво впечаталась в память. Девушка как сейчас видела его глаза, то, как он на нее смотрел, как голос его дрожал. Она думала о нем чаще, чем о Яром, вспоминала тот взгляд каждый раз, когда сталкивалась с Рональдом в доме, когда видела его из окна, когда он спрашивал, не желает ли она чего-нибудь, когда выносил зонтик или плед. И Лиза знала, что достаточно всего лишь извиниться, подойти, сказать два простых слова, и все наладится; и несколько раз она пыталась, и подходила, и раскрывала рот — но так и не решилась. Это оказалось очень сложно. Каждый раз внутри Лизы поднимался бунт, от противоречий разрывало, она чувствовала себя выше, смотрела на паутину-метку и не могла выдать те самые слова. Но, чем дольше девушка тянула, тем сильнее ее грызла совесть.

И она решилась. Дождалась удобного момента, когда Рональд остался один во дворе, вышла из дома, подошла к нему. Он сидел на земле и пересаживал цветы.

— Рональд... — несмело начала Лиза.

— Вы что-то от меня хотите? — спросил учтиво. Отложил лопату, встал на ноги. Так, как положено. При разговоре невольникам не полагалось сидеть. Вроде бы, мелочь, но Лиза сильно расстроилась, и настроение ее упало.

— Я... нет, ничего. А что ты делаешь?

— Луковицы хочу пересадить. Тюльпаны красные оказались, а здесь лиловые оттенки. Я их посажу туда, — рукой указал на другую пеструю клумбу и замолчал.

Лиза вздохнула. Слова опять не шли. Не шли. Не шли!

— Простите, что-нибудь еще?

— Нет, нет, нет, не извиняйся. Это ты меня... меня... прости, — выдохнула Лиза.

— Что?

Глаза Рональда так сильно округлились, что девушка не смогла не улыбнуться. Чтобы только подольше насладиться его ошеломленным видом, она еще раз сказала:

— Прости меня. Прости, прости, прости, — и слова давались на удивление легко. — Я назвала тебя шавкой, я много чего наговорила, обидного. Мне очень жаль. Я не хотела. Ты вовсе не такой. Прости меня.

— Вы не должны так говорить! Я не обиделся, конечно, — он испугался еще больше.

— Обманиваешь. Зачем же ты тогда ведешь себя со мной не так, как с Грэгором? Я же

все слышу. Ты с ним нормально говоришь, а мне — «Как скажете, а что хотите». Мне же обидно.

— Я вас обидел? Простите меня, пожалуйста, я правда думал, что вам так больше нравится. Ну, что вы только так привыкли. Я как вам удобнее хотел. Я больше так не буду.

— Да нет же, Рональд, это я прощение прошу. Хватит извиняться и прощай меня!

— Как скажете. Ой, то есть, простите. Ар-р-р! — запустил он грязные пальцы в волосы и затряс головой, полностью растерявшись. — Я вас прощаю.

— А теперь скажи, что отныне будешь со мной общаться так же, как с Грэгором. Нормально то есть.

— Вы правда этого хотите?

— Хочу, конечно.

— Как скажете, да, ладно, хорошо. Простите, можно я пойду? — Рональд схватился за ведро. Лиза заметила, как на его спине выступили капельки пота. — У меня... дела, там, дома. Срочные. Оч-чень.

Не дожидаясь реакции Лизы, Рональд выронил ведро, быстро взбежал по ступенькам крыльца и спрятался от девушки в доме; а она стояла, смотрела ему вслед, и улыбалась во весь рот. Внутри все пело, стало легко, свободно; залитый солнцем двор жизнерадостно заиграл красками. Да если бы она раньше знала, что извиняться так приятно, то извинялась бы почаще, хоть каждый день. Девушка подумать не могла, что вгонит Рональда в такой сильный ступор, что он бросит наполовину выкопанный цветок и спешно убежит куда-то. Настроение взлетело до небес. И, чем больше Лиза думала о Роне, накручивая на палец вечно спадающую прядь, тем сильнее понимала, что чувства он у нее вызывает отнюдь не дружеские.

Совсем не дружеские.

Глава 9. Лиза знакомится с Ярым

За ужином Лиза обнаружила, что свисающий край скатерти очень увлекательный, и неотрывно смотрела на него, иногда задумчиво перебирая пальцами. Голубые, хаотично разбросанные горошки на белом фоне, торчащие ниточки по краю полотна. Рон по другую сторону стола сделал точно такое же открытие, и занимался ровно тем же, пока не вспомнил внезапно, что забыл набрать воды из колодца — хотя никогда заранее ее не набирал — и, с грохотом отодвинув стул, поспешно вышел. Грэгор проводил его взглядом и сомнительно покачал головой; Лиза смутилась и поперхнулась чаем. А Ярый, про существование которого она напроць забыла, потому что думала совсем не о том, поднялся из-за стола и протянул девушке руку.

Лиза не сразу поняла, что происходит. Она скосила глаза на замершую перед глазами ладонь; перефокусировалась на безучастное лицо Ярого и медленно поставила чашку с недопитым чаем на стол.

— Идем, девочка, — сказал он, глядя в глаза.

Девушка, переборов волнение, уверенно схватилась за протянутую ладонь и встала.

Ярый довольно быстро шел по лесной тропе. Лиза судорожно вцепилась в его руку и шла практически на ощупь, в темноте она не видела ничего, и постоянно спотыкалась о торчащие из земли узловатые корни. Сердце волнительно колотилось, в голове раз за разом прокручивались слова Грэгора, оброненные перед тем, как они вышли из дома — «Не бойтесь. В первый раз это довольно странно...». Заряда уверенности от его слов хватило ровно на две минуты; сейчас же стало не по себе.

Что — это? Какой такой — первый раз? Что он имел в виду?!

Она несколько раз успела пожалеть, что согласилась пойти. Ей очень хотелось стряхнуть с себя руку Ярого — шершавую, грубую; развернуться и убежать домой, закрыться в комнате и спрятаться под одеялом. Но он цепко держал ее и уверенно тянул вперед, и девушке ничего не оставалось, кроме как перебирать ногами и прищуриваться во тьме.

— Не тяните так, мне страшно... — робко всхлипнула она, в очередной раз запутавшись в корнях.

— Не бойся. Девочка, — за все время пути Ярый соизволил обернуться. Он немного сбавил темп ходьбы.

— А что там? Куда вы меня ведете? — осмелела она.

— Здесь трудно. Говорить. Там, внутри, легче.

— Внутри чего?

— Увидишь.

Ярый замолчал и больше не отвечал на вопросы. Но то, что он хоть и ненадолго, но все-таки вышел на контакт, успокоило девушку. Сиюминутно сбежать ей расхотелось, бывшее любопытство разожглось. Она ждала этого разговора несколько дней, и явно не для того, чтобы так просто бросить все и убежать.

Снаружи смеркалось, солнце скрылось за горизонтом, на небе выплыла холодная луна.

Лес в ее свете казался зачарованным и таинственным. Вокруг стояла непривычная тишина, только под ногами шуршали листья да ветки потрескивали на ветру. Девушка еще ни разу не забиралась в лес настолько глубоко, и ей казалось, что она попала в совершенно новый и неизведанный мир.

Судя по всему, Ярый превосходно видел в полутьме. Он точно и уверенно двигался вперед, уклонялся от тонких ветвей и тянул девушку за руку вниз, когда ее могло задеть препятствие сверху; выставял перед ней ладонь, когда на тропе попадался большой камень или поваленное дерево, которые она могла не заметить. Такие незначительные, но о многом говорящие мелочи вызывали доверие.

Идти пришлось недолго. Прямая тропинка быстро вывела их к небольшому домику, совсем новому, прочно сколоченному из светлых досок, с очень высоким дверным проемом. Ярый прошел вовнутрь, увлекая Лизу за собой. Несмело она перешагнула порог и осмотрелась.

Внутри было мрачно, ни единого окна, и только через приоткрытую дверь пробивался слабый лунный свет. В темноте девушка разглядела плед, лежащий на полу, и несколько полок вдоль стен, заставленных всякой всячиной, а в углу стоял чемоданчик, такой же, как у Грэгора. Самая обычная комната, не примечательная ничем.

Ярый подхватил с полки пузырек и протянул Лизе.

— Выпей. До дна.

— Что это?

— Успокоит.

Девушка не стала упорствовать и послушно выпила отвратительную на вкус жидкость. Пока Лиза глотала, ей стало не по себе. Ведь она находится посреди леса, в темноте, наедине с не очень человеком, который возвышается над ней, как гора, и смотрит сверху вниз. Он непонятен, он силен, он поит ее какой-то дрянью. Здесь его стихия. Здесь она полностью в его власти. И должна делать то, что он говорит, и не бояться. Должна довериться ему. Совсем.

Но как, если сомнения одолевают?

— Садись, — он забрал опустевший пузырек и вернул на полку.

От снадобья у Лизы пошла кругом голова, а веки тяжелели с каждым вдохом. Девушка села на пол, на плед, зевнула. Перед глазами поплыло.

— Что вы мне дали выпить? — чувствуя, что засыпает, спросила Лиза.

— Так надо. Не спи. Держись, — Ярый зажег свечу, и комната озарилась прыгающим, неровным светом. — Не бойся. Ничего, — приземлился он напротив и расставил перед собой несколько предметов. — Все будет, как во сне.

Сонная девушка кивнула и краем глаза заметила, что совсем рядом пролетела тень. Она резко повернула голову в ту сторону. Теперь тень быстро пробежала у другой стены. И рядом с лицом, задев щеку. Лиза отмахнулась от нее рукой, и заметила, что тени повсюду — кружат сверху, по бокам, сливаются друг с другом, распадаются на фрагменты. И это не могла быть игра бликов прыгающего пламени, то было нечто другое, неправильное...

— Они тебя не видят. Не бойся.

— Что это?

— Тени, — коротко ответил он и взял с пола обычную чашку с водой. Точно такая же посуда стояла в доме, на полочке на кухне. Следом Ярый извлек из-под пледа нож с длинным кривым лезвием. Холодная сталь блеснула в свете свечи. — Кровь, твоя, — поднял

глаза на Лизу.

Девушка молча протянула ему руку — он обхватил ее ладонью, склонил над чашкой и кончиком ножа проткнул тонкую кожу. Алая капля упала в воду и облаком растворилась в ней. Ярый выпустил руку Лизы, и девушка размяла проколотое запястье. Ни боли, ни страха, ничего она не чувствовала. Ей казалось, что она пьяна.

Он поднес чашку к губам и выпил содержимое до дна. Поставил ее на пол, взял Лизу за руки. Ладони сцепились в замок.

— Войди в меня, — сказал, смотря в глаза.

И Лиза поняла, что пропадает. Все закружилось-завертелось, в ушах поднялся звон, после возникло ощущение головокружительного падения вниз по спирали и... резко все оборвалось.

Девушка поднялась на ноги и осмотрелась. Она попала в ослепительно белое пространство без ограничений, и сверху, и снизу, и по бокам — везде белая бесконечность. Лиза с изумлением взглянула под ноги — они ни на чем не стояли, точно парили в воздухе, но при этом она пребывала в полной уверенности, что стоит на чем-то твердом. Но — никакого страха в душе не было, абсолютно, словно она всего лишь уснула и видит необычный сон.

— Где я? — голос прозвучал гулко.

— Ты у меня, — ответил кто-то сзади.

Девушка резко обернулась. За спиной стоял Ярый — она узнала его, но...

Здесь он был молодой. В обычной светлой одежде. Без уродливых отметин на коже; живой и невредимый. Красивый. Волосы лежали волнами и опускались до поясницы, а в глазах искрился задорный блеск. Он как будто бы стал ниже, и поравнялся с Лизой.

— Это... ты? Но как?! — ахнула она.

— Думаешь, я был всегда таким, как там, снаружи? — чуть наклонил голову на бок и поморщился. И видеть на его обычно каменном лице мимику было крайне непривычно.

— Нет, но... То есть, я сейчас в твоих мыслях? В твоей душе? Так?

— Да, можно и так сказать.

— Это и есть то самое место, про которое рассказывал Грэгор?

— Именно.

— Невероятно! — Лиза расширила глаза, покрутилась на месте и посмотрела вниз, на самую себя. Живот исчез. Платье тоже исчезло — вместо него руки обрамляли рукава той самой клетчатой рубашки, а голые ступни выглядывали из-под старой детской юбки. — А что со мной? Где мой живот? Почему на мне эта одежда?

— Девочка, здесь все непросто. Здесь ты такая, какой чувствуешь себя.

— Такая, какой хочу быть?

— Нет, такая есть на самом деле. Это другое. Ты не чувствуешь себя беременной, и поэтому нет живота. Одежда что-то значит для тебя, поэтому ты в ней.

— А ты сейчас так выглядишь, потому что чувствуешь себя таким? Красивым, молодым? И маленького роста? — недоверчиво спросила Лиза.

— Я принял такой образ, чтобы понравиться тебе, — улыбнулся он. И девушке безумно понравилась его улыбка, даже несмотря на обнажившееся довольно острые клыки.

— То есть, ты можешь менять облик?

— Это мой мир. Здесь я все могу.

— Когда-то ты был вот таким?

— Сейчас я выгляжу так, как в молодости, только рост убавил. Но могу и так. Смотри!

Лиза с готовностью кивнула и посмотрела на Ярого. Ничего не изменилось. Она моргнула и тут же всплеснула руками:

— Не может быть!

На месте Ярого стоял загорелый Рональд, точная копия, с такими же растрепанными волосами, с синими глазами, с татуировкой на лице. Только стоял он не так, как обычно — прямо, с отведенными за спину руками и блуждая взглядом, а уверенно, сложив руки на груди и широко расставив ноги, глядя на девушку в упор.

— Почему ты принял его облик? — настороженно спросила она.

— Потому что он тебе нравится, — ответил голос Ярого губами Рона.

— И тебя это не задевает? — сильно смутилась Лиза.

— Нет.

— Почему? Я же тебе нужна. Тебе, а не ему. Напомню, я твоя жена, — Лиза только сейчас сообразила, насколько легко и непринужденно общается с ним. Настолько, что незаметно перешла на «ты».

— Мне непонятны ваши обычаи, — ответил Рональд. — Я не знаю. И не хочу. Их. Знать. Ваши бумаги и подписи для меня ничего не значат. Ты не связана ничем со мной. Мы прошли. Ваш. Дикарский. Обряд. Чтобы вытащить оттуда тебя. Мне нужна твоя помощь, а не ты сама.

— Понятно. То есть, я могу...

— Да, можешь, — Рональд растаял, и на его месте появился Ярый. — Давай, присядем. Времени у нас немного.

Лиза послушно приземлилась на диван. Такой же, как в гостиной в доме — потрепанный, но мягкий. Он просто появился позади нее.

— Девочка, мне сейчас трудно удерживать тебя. Ты скоро заснешь по-настоящему, от снадобья, которое выпила снаружи, и выпадешь отсюда.

— Что-что?

— Я дал выпить тебе настой снотворных трав. Ты мне еще не доверяешь, боишься, тебя сомнения разрывают, без них у нас бы ничего не получилось. Я усыпил твой разум, чтобы ты не могла снаружи думать, чтобы страх полностью исчез. Ты завтра будешь долго спать. Сейчас ты не боишься. Сейчас ты доверяешь. Сейчас ты знаешь, что тебя здесь ждет. Сомнений больше нет. Так всегда должно быть, запомни. В другой раз будет проще. В другой раз ты сможешь сама, — быстро проговорил он.

— Что смогу?

— Войти в меня. Спрашивай еще. Времени мало, ты начинаешь засыпать.

— Так что за помощь тебе нужна?

— Если я скажу сейчас, ты не поймешь меня, девочка. Подожди немного. Ты все узнаешь. Но не сейчас. Не сразу. Ты не готова. Рано.

— А ты хотя бы человек?

Он хитро сузил хищные глаза и запрыгнул на колени Лизе большим черным котом.

— Уже нет. Уже давно нет, — промурлыкал кот, мордочкой утираясь о подбородок девушки и щекоча ее жесткими усами. Она улыбнулась и потрепала его по шерстке,

потрогала уши, лапы, хвост, пощекотала пузо. Кот, настоящий, теплый, мягкий кот.

— А что с тобой случилось? Почему ты стал таким?

— Пока я не хочу говорить об этом, — кот резко спрыгнул на пол и принял образ Ярого. — Я больше не могу удерживать тебя. Тебе пора.

— Меня трогает кто-то! — вскочила девушка с дивана. Но ощущение того, что кто-то обнял ее за поясницу и подложил под голову ладонь, не исчезло. Хотя никто рядом не стоял.

— Это я, поднял тебя снаружи. Сейчас несу тебя домой. Запомни, девочка. Ты не должна меня бояться. Вообще. Нисколько. И ты должна мне доверять. Здесь все непросто. Объясню потом. Приходи ко мне, когда захочешь. Я буду тебя ждать. На сегодня все. Я положу тебя в кровать.

— Не раздевай меня. И дверь потом закрой, — зевнула девушка.

— Хорошо. Все, девочка. Выйди, — последнее, что услышала Лиза, прежде чем провалиться в глубокий сон.

Глава 10. Человек-пчела

Лиза проснулась к обеду. Чувствовала она себя неважно: по телу разливалась тяжесть, мысли застопорились. И спросонья девушка не могла понять — было ли то, что произошло вчера, правдой, или же просто приснилось?

Мутным взглядом осмотрела комнату. На ней было вчерашнее платье. Кровать не расправлена. В волосах нащупала запутавшуюся сухую травинку. Посмотрела на запястье, на крохотный, покрытый коростой, прокол. Сон как рукой сняло, и Лиза поняла, что произошедшее вчера — чистая правда. Невероятная. Нереальная. Но правда.

Как в тумане, добрела до шкафа. Переоделась. Покачиваясь и придерживаясь за перила, осторожно пустилась вниз, вошла на кухню, где как раз обедали Грэгор и Рональд. Села на свое место.

Доктор молча налил полный стакан молока и поставил перед девушкой.

— Выпейте. Сразу станет лучше.

Лиза послушно выпила все до дна, поморщилась. Ей не очень нравился вкус жирного козьего молока. Но зато в голове прояснилось и усталость постепенно начала спадать.

— Хотите есть? — буднично поинтересовался Грэгор.

— Ох, нет, спасибо.

— Как самочувствие?

— Спасибо, хоро... а где Ярый?

— Он не придет сегодня. Ему пока, кхм, не очень хорошо.

А вот теперь Лиза окончательно пришла в себя.

— Почему?

— Как бы вам объяснить.... Он вас вчера провел в себя не честным способом. Против вашей воли. В его мире это табу. Его люди не могут действовать нечестными методами, им это тяжело дается. Они не могут обманывать, не могут причинять другим людям боль. Им незамедлительно все возвращается. Ярому сейчас физически худо. К вечеру отойдет.

— Я не очень понимаю.

— Лиза, Ярый живет по своим законам. Нам трудно их понять.

— То есть, — у Лизы с каждым словом Грэгора все больше округлялись глаза, — он не может делать другим плохо?

— Может. Но при этом точно так же больно станет и ему.

— То есть, — девушка сама налила из кувшина молока и жадно отпила. — То есть, если он кого-то ударит...

— То, по сути, он ударит самого себя.

— А если... если кого-нибудь убьет?

— То сам умрет.

— Но это же... ужасно! Он же вчера не сделал ничего такого!

— Сделал. Он хитростью вас усыпил. Так было надо. Он не может ждать, когда вы созреете сами, он знал, на что идет. Не переживайте.

— И вы так спокойно об этом говорите?

— Лиза, милая, ну а как еще об этом говорить? Да, у нас под боком живет существо не из нашего мира. Странное и непонятное. У нас это нормально. Не ходить же и не удивляться

постоянно. Человек рано или поздно привыкает ко всему.

— Тоже верно. Но.... я тогда еще больше ничего не понимаю. Если он не может сделать другому человеку плохо, то, следовательно, та помощь, что ему нужна — она ведь тоже не окажется плохой?

— Верно, не окажется.

— Так почему он тянет? Почему не говорит сразу, что ему нужно?

— Милая. Вы не готовы.

— Да почему я не готова?

— Ну вот смотрите. Возьмем, к примеру, меня. Я доктор. Я умею лечить людей. Но я не сразу этому научился. Если бы я решил вылечить кого-то в возрасте, например, десяти лет, то просто убил бы человека. Понимаете? Представьте, что вы тоже будущий доктор. Но только учитесь. У вас есть талант, но доверять вам чужую жизнь еще опасно. Если он расскажет все сейчас, то вы его не поймете. Воспримете в штыки. Вам надо... дорасти.

— Вот оно как... теперь понятно, — отрешенно протянула девушка.

Она крепко задумалась и допила молоко. Отвела от Грэгора взгляд и посмотрела на притихшего Рональда, который сидел в дальнем углу стола и притворялся тенью. Тот заметил, что на него обратили внимание, и быстро опустил глаза.

Лиза смутилась.

Наверное, во время всего разговора с Грэгором он неотрывно на нее глядел.

Вскоре Лиза осталась за столом одна. Девушка так ушла в себя, пытаясь переварить услышанное, что не заметила, как все покинули кухню. Она встала, выглянула в распахнутое окно, вдохнула свежий воздух; увидела, как Рон набрал воды из колодца и пошел обратно к дому. Наверняка, чтобы помыть посуду. Рональд ответственно относился к обязанностям и делал все сразу, никогда не откладывал на потом.

Так и оказалось. Вскоре он вернулся, замешкался у порога, увидев Лизу, поставил ведро на столик у плиты. Разбавил воду кипятком из чайника. Мысли о Яром отошли на задний план, когда Лиза увидела, как сильно Рон напрягся от того, что они остались наедине. Так, что мышцы под распахнутой льняной рубашкой стали казаться рельефными. Девушка поневоле залюбовалась. Волосы у Рональда были совсем короткие, сантиметров пять-шесть, и красивыми русыми прядями свисали вниз. Когда он нервничал, то начинал пальцами зачесывать их назад, как, например, сейчас. Собирая посуду, Рон то и дело бросал на девушку темно-синие взгляды, а Лиза старательно делала вид, что ничего не замечает и честно старалась обдумать вчерашнее путешествие и то, что узнала от Грэгора, но у нее не получалось.

Она сидела и не могла понять, почему ей так нравится наблюдать за Роном и почему совсем не хочется никуда уходить. Рональд даже посуду мыл как-то по-особенному. Медленно, тщательно. Закатав рукава. Возможно, он терялся от присутствия Лизы, возможно, всегда так делал. Вот один рукав сполз и намочился в воде — Рон нахмурил брови и мокрой рукой закатал его обратно. На одежде остался влажный отпечаток ладони. Рональд покосился на девушку.

Она улыбалась.

Лиза вдруг отметила, что Рональд ничем не напоминает Тима. Тот был высокий,

атлетичный, с карими глазами и черными, как уголь, волосами. Из хорошей и богатой семьи, аристократичный, самовлюбленный. Он уверенно прижимал ее к себе, нашептывая бессмысленные, витиеватые фразы, а она, глупая, таяла от них и делала все, что он просил. Теперь вспоминать его было противно. А смотреть на Рональда, полную противоположность бывшего любовника, напротив, было весьма приятно. Девушка никогда бы не подумала, что ей понравится обычный невольник с меченым лицом, но, вопреки всему, он ей нравился, и сильно. Правильно все Ярый говорил, глупо отрицать очевидное.

— Налить вам чай? — спросил Рон, в очередной раз покосившись на Лизу.

— Только если ты тоже будешь, — быстро сообразила девушка.

Рональд вытер руки полотенцем, взял две свежeweымытые чашки, налил в них чай. Девушка задумчиво смотрела, как он насыпает себе две ложки сахара, а ей — неполную одну. Себе налил молока, а ей — холодной воды. Она только так любила. Но Лиза не помнила, чтобы она ему об этом говорила, следовательно, Рон наблюдал и сам запомнил. Динь-динь-динь — зазвенела ложечка, перемешивая сахар, а девушка попробовала представить в подобной ситуации Тима. Стал бы он наливать ей чай? Заметил бы, что ложечка нужна одна? Неполная? Такое и вообразить не получалось.

А Рональд? Он сейчас ухаживает за ней, потому что обязан, или ему в удовольствие делать что-то для нее? Это же он первый про чай заговорил. Вот как понять? А она сама? Нравится Рону? Как девушка?

Лиза поразилась своим мыслям. Еще недели две назад ее бы сильно задело знание о том, что кто-то из невольников рассматривает ее, как девушку, но сейчас все было по-другому. Она вдруг поняла, что жаждет узнать, что именно чувствует к ней Рональд. Наливает ли чай по чувству долга или ему в радость это делать. Она хотела нравиться ему. Но не спрашивать же напрямую? А если ответ «нет»? Если она накручивает, и только Рона рассмешит? А если — что еще хуже — он из вежливости соврет?

— Спасибо, — сказала Лиза, когда Рональд поставил перед ней чашку.

Она раньше никогда не благодарила невольников. Ей и в голову подобное не приходило. Но говорить «спасибо» Рону девушке понравилось, потому что она видела, что ему это приятно. Он на миг прикрывал глаза, терялся, и не знал, что ответить. Как, например, сейчас.

— А ты давно здесь живешь? — непринужденно завела она беседу, отхлебывая из чашки чай.

— Три года. Почти, — он сел на соседний стул. Обхватил чашку, с силой сдавил.

— А где тебя... как ты познакомился с Грэгором?

— Он меня в качестве оплаты попросил.

— А почему именно тебя?

— Из-за Ярого. Я принес ему поднос с едой, а потом он жестом указал на меня хозяину. Ну, и вот, я здесь.

— Ярый и тебя тоже выбрал? А зачем, он не рассказывал? — подобралась Лиза.

— Грэгор говорил, что я помогу ему в важном деле. Но что это за дело, я к сожалению не знаю.

— А ты тоже ходил... туда?

— Один раз. Вместе с Грэгором. У меня одного не получалось.

— Так значит, в него могут и несколько человек войти? Как интересно. А знаешь, что еще мне интересно?

— Не знаю, — Рональд расслабился немного, и уже не так робел. Вполне смело смотрел на девушку, и, судя по всему, ему нравилось с ней просто так общаться. Он даже чай как будто бы нарочно пил очень медленно, словно растягивая время, чтобы подольше посидеть на кухне.

Или же Лизе только так казалось, потому что она хотела, чтобы именно так все и было.

— Вот смотри. За Грэгором приезжает карета. Всегда в разное время. Ведь так?

— Ну да. Так.

— А как Ярый об этом узнает? Ему же в лесу ничего не слышно. Но он всегда выходит.

— А я... не знаю, — озадачился он. — Я и не задумывался как-то. Вам лучше у него спросить, наверное.

— Отведешь меня туда? Завтра с утра?

— Конечно отведу, — он почему-то помрачнел. Крупным глотком допил остатки чая. Встал из-за стола. — Простите, я не могу долго с вами сидеть. У меня дел... много. Я пойду.

Он схватил ведро с мутной водой и, еще раз извинившись, вышел. Лиза осталась. Она задумчиво смотрела на две чашки на столе и ничего не понимала. Почему Рональд вдруг ушел? Так резко? У него правда дела или она сказала что-то не то? Так он из вежливости с ней посидел, по чувству долга? Или же нет?

Вот как понять?

Глава 11. Как заставить добровольно захотеть?

— Так это и есть то самое море? — с восторгом ахнула Лиза.

Девушка стояла в воде, в одной только рубашке, и задумчиво смотрела за горизонт. Море... она так хотела побывать здесь. И ее разрывало от переполняющих эмоций. Много бесконечной воды, теплой, берегов не видно; яркие камни разбросаны по дну, мелкая рябь на поверхности и ослепляющие блики солнца. И волны. Небольшие, но так здорово было стоять и покачиваться в такт с ними — они то накрывали девушку по грудь, то опускались ниже пояса. Соленый ветер, вкусный. Все реальное, настоящее. Она пошевелила пальцами на ногах и закопала их в мелкие камушки. Стало щекотно. Посмотрела на свое колышущееся отражение, расправила большие, кожистые, покрытые светлыми чешуйками, крылья. Несмело взмахнула ими. Еще раз, и еще. Поток воздуха подбросил вверх, испугавшись, Лиза сложила крылья и со всплеском приземлилась в воду.

— Почему у меня крылья? — потрогала руками шершавую кожистую складку.

— Тебе проговорить вслух? Ты окрылена.

— Вот уж не думала, что это настолько буквальное выражение, — улыбнулась девушка. Развернулась, посмотрела на Ярого и подошла к нему. Он стоял на каменистом берегу.

Войти в него сегодня получилось с первого раза и без всяких ухищрений. Когда Рональд проводил девушку до лесного дома, Ярый уже ждал ее. Сидя на полу. С подготовленной чашкой, с ножом. Он определенно знал, что она идет.

— А можно, чтобы здесь был песок, а не галька?

— Сейчас. Так?

— Да, спасибо, — Лиза приземлилась в рассыпчатый, теплый песок и с удовольствием пропустила горсть сквозь пальцы — песчинки забились под ногти. Расправила крылья и поймала ими легкий ветерок. Кровь в толстых венах быстро остудилась, и по телу разлилась приятная прохлада.

— Грэгор сказал, что тебе было плохо, — с сочувствием голосе добавила девушка.

— Уже нет. Не жалею меня. Меня это злит.

— Хорошо, хорошо. Не буду. А почему ты сейчас выглядишь старше?

— У нас намечается серьезный разговор. Ты же не просто так пришла?

Ярый сел рядом, скрестив ноги. На его лице от уголков глаз к вискам тянулась тонкая сеть морщинок, в волосах появилась седина. По возрасту он приблизился к Грэгору.

— У тебя есть вопросы. Спрашивай.

— Ты честно на них ответишь? — Лиза повернула к нему голову. Засмотрелась на профиль — острый нос, притягательные глаза. С каждым днем они нравились девушке сильнее, и она не могла вспомнить, почему раньше считала их жуткими. Словно издеваясь, Ярый направил на себя струю ветра, от чего его волосы красиво разметались по спине и симметричными петлями опустились на песок.

— Мы не умеем врать. Я не умею врать. Но я могу не ответить на тот вопрос, отвечать на который мне неприятно или не хочется. Спрашивай.

— Кто ты?

— А на кого я похож? — сузил зрачки.

— На человека, но не совсем.

— Так примерно и есть. Меня уже давно быть не должно. Сейчас я то, что от меня осталось.

— Поясни.

— Там, снаружи, всего лишь тело, дом. К которому я привязан. Который разрушается постепенно, но не разрушится никогда.

— Погоди, погоди... — Лиза крепко зажмурилась и широко распахнула глаза. — Сколько же тебе лет?

— Ха. Много, девочка. Очень много. Я не могу умереть, хотя должен давно.

— Тебя это не радует? Многие мечтают о бессмертии.

— Ничего хорошего в том нет. Продолжай.

— Откуда ты?

— По-вашему, с Черного острова. Слышала о таком?

— Конечно, слышала. Я читала, что на острове когда-то жили... монстры. Ты один из них?

— Не один из них, а последний. Но. Мы. Не опасны. И не были ими никогда. Это все вы придумали.

— Что за тени я видела?

— Тени, это... то, что осталось от моего мира. У нас все было не так, как у вас. Совсем не так. Мы не можем исчезнуть полностью. Мы были одним целым. Но из всех остался только я. Они преследуют мой дом. Это они не дают мне умереть. Они мое проклятье, — тщательно подбирая слова, медленно ответил Ярый. И по тому, как похолодало вокруг, Лиза догадалась, что поднятая тема ему крайне неприятна. — Потом я объясню тебе подробно. Сейчас рано.

— Что связывает тебя с Грэгором? — зашла она с другой стороны.

— Он помогает мне. Он — моя связь с вашим миром. Я помогаю ему.

— Ты убираешь боль у пациентов?

— И это в том числе.

— Что еще?

— Я его стержень.

— Что ты имеешь в виду?

— Пока я не могу сказать.

— Как ты узнаешь, что за вами приехали?

— Лекарь зовет меня. Мысленно. И хочет, чтобы я услышал его. И я его слышу. Я на него настроен.

— Ты говоришь, что я пока не готова. Ты будешь меня подготавливать?

— Да.

— Как?

— Я научу тебя тому, что знаю сам.

— Погоди, погоди... — Лиза с силой сжала ладонями виски. — Ты хочешь сказать, что я тоже смогу... вот так? И у меня получится? Ты серьезно?

— Да.

— Почему? А у других получалось? Рональд может? Или Грэгор?

— Нет, они не могут.

— Почему?

— Время упущено. Их души застыли. Их заперли в рамки, которые слишком поздно пытаться разорвать. Навык утрачен. Душу беречь нужно с детства. Ты слышала про детей-маугли?

— А они-то тут причём?

— При том, что вскормленный и выращенный животными младенец не сможет стать обратно человеком. Возможно, научиться говорить, короткими словами, но полностью очеловечиться ему не суждено. Он навсегда останется наполовину зверем. Так вот вы все, поголовно, в какой-то степени маугли.

— А я — нет? Почему?

— Ты тоже покорежена, но пока не безнадежно.

— Не понимаю.

— Скажи, почему ты умеешь писать? В вашем мире женщинам не положена грамота.

— Я тайком заставляла младшего брата учить меня.

— Зачем?

— Ну, не знаю. Мне хотелось научиться читать. Мне было обидно, что брат умеет, а я — нет. Я же не хуже.

— Почему ты беременна?

— Мне захотелось попробовать, сделать что-то всем назло, — ответила Лиза, внутренне удивляясь тому, что вопрос ее нисколько не смутил. — Мне понравился Тим. Хотелось понять, что в этом такого. Почему наложено табу. Не знаю, если честно. Я... глупа, наверно. Не думала о последствиях. А теперь жалею. Просто, так вышло.

— Ты чувствуешь себя грязной?

— Я чувствую себя обманутой и преданной. Недальновидной. Я искренне не понимаю, что сделала плохого и почему должна чувствовать себя грязной. Я же не изменилась.

— Теперь ты понимаешь?

— Нет.

— Ты пытаешься быть собой, чувствовать и вести себя, как сама считаешь нужным и правильным, а не так, как у вас принято. Почему ты появляешься здесь в рубашке? Почему снаружи в ней ходишь? Там я не видел женщин в подобном одеянии.

— Она удобная. Мне хочется в ней ходить. Это всего лишь рубашка, просто одежда, из ткани. Я не понимаю, почему ее нельзя носить. А самая главная причина — ее Рональд дал.

— Почему ты извинилась перед ним? По вашим правилам, это было не обязательно.

— Я плохо с ним поступила, ему было обидно, он сильно расстроился, и мне было стыдно. И я решила все исправить.

— Ты поняла?

— Да. Теперь да, — ответила Лиза, хотя до сих пор не очень понимала. — Но, в голове не укладывается. То есть, из-за таких вот мелочей я и правда смогу создать свой мир? И уходить в него? Смогу разговаривать мысленно? И убирать боль?

— Это — не мелочи. Всему я не успею тебя научить. Но многому. Смотреть душой, а не глазами, видеть чужую боль и убирать ее, уходить в себя.

— И другие люди смогут входить в меня так же, как я сейчас — в тебя?

— Да.

— Я не стану такой... как ты? — голос дрогнул.

— Нет, не станешь. У тебя все будет по-другому. Мне нужно твое согласие. Я не могу делать что-то против чужой воли. Ты хочешь научиться тому, что умею я?

— Если я соглашусь, а потом передумаю — то смогу отказаться?

— Сможешь.

— Я согласна, — не раздумывая, ответила Лиза.

— У тебя есть еще один вопрос. Он занимает все твои мысли. Ты не задашь его сама, потому что считаешь его незначительным, но он важный. Поэтому я отвечу. Ты ему очень нравишься, — серьезно сказал Ярый. — Ты постепенно заменяешь ему цветочный сад. А это очень много значит.

— Откуда ты знаешь, что я хотела спросить? — от неожиданности девушка смутилась. Услышанное ее ошеломило. Ошеломило так, что сердце ускорилося, а крылья за спиной стали больше, и она физически чувствовала, как кости в них удлиняются, а на кожистых складках вырастают перья. Белые.

— Если хочешь, чтобы я не знал чего-то, поставь барьер.

— Как?

— Ты должна не хотеть, чтобы я знал. Проговори мысленно или вслух — «Не читай мои мысли». И я не смогу.

— И все?

— Меня удивляет ваш народ. Вы так любите все усложнять. Да, и все. Если хочешь, чтобы я смог что-то услышать — надо тоже захотеть. Проговорить мысленно — «Хочу, чтобы ты меня слышал». Так лекарь и зовет меня.

— Ты всех можешь слышать?

— Ха. Нет. Не всех. Только тех, кто побывал во мне. Чью кровь я выпил.

— Если я ему нравлюсь, то почему он меня избегает?

— Ты думаешь со своей стороны. А он думает по-другому. Попробуй думать, как он. И поймешь. Не дави. Не напирай. Не торопись. Думай. Стирай преграды. Девочка, это важно. Это часть нашего обучения. Ты должна научиться понимать других. Смотреть их глазами.

— Вот как... я попробую.

— Попробуй. Запомни, девочка. Тебе нужно стать светлее. И вот тебе задание для разминки. Сделай так, чтобы он сам сказал тебе, что ты ему нравишься.

— Сам?

— Да.

— Задание? А зачем оно?

— Оно полезно. И для тебя, и для него.

— Мне нравятся такие задания, — хитро улыбнулась девушка.

— Повтори. Что тебе нужно сделать снаружи?

— Выудить Рональда признаться мне в том, что я ему нравлюсь.

— Ты должна сделать так, чтобы он сам захотел признаться тебе. Ты слишком эгоистична. Запомни. Не дави. Не напирай. Он сам должен.

— И как же мне это сделать?

— Думай, девочка, думай. Придешь ко мне, когда задание будет выполнено. И мы продолжим. А сейчас слушай внимательно. Сегодня я научу тебя основным правилам перехода. Запомни. Ты не сможешь войти ко мне, если этого не хочу я или не хочешь ты. Не получится.

— Почему?

— Не перебивай, девочка. Это важно, — повзрослел еще на пару десятков лет. — То же самое и с выходом. Если я захочу, чтобы ты вышла — ты исчезнешь сразу же и вернешься в себя. Если ты захочешь выйти — ты исчезнешь сразу же и вернешься в себя. Если ты не хочешь выходить, а я хочу, чтобы ты вышла — ты выйдешь. И наоборот. Ты выйдешь, если захочешь, даже если я этого не хочу. Мы находимся здесь до того момента, пока оба этого хотим. Тебе понятно?

— Понятно.

— И ты должна знать, что, когда я впускаю тебя, то не сделаю тебе ничего плохого. Я должен знать, что ты идешь ко мне не с плохими намерениями. Иначе ничего не выйдет. Переходы просты, они строятся всего лишь на доверии. Но для вашего народа это очень сложно. Вы к такому не привыкли. Я уверен в тебе, ты уверена во мне. Мы должны друг другу доверять. Абсолютно. Полностью. Тебе это понятно?

— Понятно.

— Тогда, на сегодня хватит. Тебе пора. Попробуй выйти сама.

— Я хочу выйти, — неуверенно сказала Лиза. И ничего вокруг не изменилось.

— Ты не хочешь выходить. Тебе здесь нравится. Тебе здесь хорошо и интересно. А надо хотеть. Попробуй еще раз.

— Не думала, что так трудно что-то захотеть. Так, хорошо, — прикрыла глаза девушка. — Я хочу выйти.

И исчезла.

— Проснись, — и толчок в плечо. — Учись сразу. Не спать, — добавил Ярый.

— Ох, — девушка с трудом поднялась с пола, зевнула и протерла слипающиеся веки. — Проводишь меня?

Девушка еще не запомнила дорогу, и боялась заплутать.

— Нет, — и, прежде чем Лиза успела расстроиться, добавил: — Сломанный. Проводит. Иди.

— Сломанный? Кто это?

— Иди.

Лиза мысленно попрощалась с Ярым — он ответил кивком; развернулась и вышла, окунувшись в прохладу леса. Прищурилась от яркого света, осмотрелась.

— Рональд? Ты все это время меня ждал? — удивилась Лиза, обнаружив его на пне рядом с домиком.

— Прошло минут пять всего. Там просто время немного иначе идет.

— Да?..

Ей же показалось, что разговор с Ярым длился не меньше часа. Но не это так озадачило девушку. А то, что увидела она именно Рональда — хотя никого незнакомого и не ожидала увидеть — и сразу поняла, что «сломанным» Ярый назвал его.

Она у него — «девочка».

Грэгор — «лекарь».

Рональд — «сломанный».

С ней и с доктором все относительно понятно. Но почему он так странно назвал Рональда? Что с ним не так?

«Ты ему очень нравишься».

«Думай, как он», — вспомнила она слова Ярого. Внимательно посмотрела на Рона. Он

поднялся с пня и встал напротив, лицом к лицу. Серьезный. Лиза только сейчас заметила, как именно он на нее смотрит. Нерешительно. Все время опуская глаза. Руки по привычке сцепил за спиной. Лицо то хмурилось, то разглаживалось. Она его смущает, и это очевидно. Он не решается подойти ближе. Всю дорогу до домика Ярого Рональд держался в стороне. Он... боится? Не умеет? Не знает, как? Не решается?

«Не напирай».

«Не дави».

— Отвести вас домой? — спросил Рональд после того, как Лиза с минуту разглядывала его и ни слова не сказала.

— А ты сильно торопишься? — очнулась она. — Грэггор говорил про озеро. Ты знаешь, где оно?

— Знаю. Отвести вас?

— Да, отведи.

Рональд подождал, когда Лиза подойдет ближе, развернулся и повел девушку за собой сетью едва различимых в траве ниточек-тропинок. Она шла и по сторонам почти не смотрела, неотрывно глядя на него. Он терялся. Не знал, куда девать руки. Часто оборачивался, убеждался, что девушка не отстает, и шел дальше, а она все пыталась понять, как посмотреть на мир его глазами? Что она вообще о нем знает? О чем он может думать сейчас?

Пока Лиза размышляла, они подошли к кромке воды и остановились на поросшим травой берегу. Взору открылось небольшое круглое озеро, с камышами, глубокое — дна не было видно, с запахом тины. Очень красивое, как ненастоящее. Аккуратное. С кувшинками. Где-то квакали лягушки и звонко пели птицы. Тихо, спокойно, умиротворенно. Романтично и свежо. И помимо них двоих вокруг ни единой живой души не было.

Идеальное место, чтобы выудить у Рона признание.

Девушка присела и провела ладонью по прохладной водной глади. Стая рыбешек на мели бросилась врассыпную.

— Здесь красиво. Почти как на море, — заметила Лиза.

— Вы были на море?

— В некотором роде... — отрешенно ответила девушка.

«Стирай преграды» — стучали по вискам слова Ярого. Легко сказать. А как сделать?

— Рональд, а можно тебя попросить? Обращайся ко мне на «ты», — сказала она и посмотрела на него. Он тоже опустил на корточки, на один уровень с Лизой. Отвернулся к воде. Всмотрелся в рябое отражение девушки.

— Вы правда этого хотите?

— Хочу.

— Как скажете, — ответил он и замолчал. Его пальцы вцепились в пуговицу рубашки, брови съехались. Очевидно, что Рон нервничал, и что происходящее ему ой как не нравилось.

Лиза выдержала паузу и подвинулась к Рональду ближе. Почти вплотную. Он разволновался сильнее и неподвижно замер. Девушке показалось, что Рон и дыхание задержал.

— Почему ты так напрягаешься? — перешла она к наступлению.

— Что вы... ты... имеете в виду?

— Я тебе нравлюсь?

— Простите? — поднял на нее испуганные глаза.

— Я же тебе нравлюсь. Как девушка. Я же вижу. Я точно знаю.

Рональд мигом переменялся в лице.

— Простите меня, пожалуйста, я не хотел, чтобы вы об этом узнали, не злитесь на меня, — сбивчиво затараторил он, умоляюще прижимая руки к груди. — Не говорите никому, пожалуйста.

— Почему я должна на тебя злиться? Скажи мне прямо. Смотри на меня и скажи, что я тебе нравлюсь.

— Я... не могу так сказать. Не могу, простите, не заставляйте меня. Вы правда не разозлились? Правда? — Рональд заморгал быстро-быстро и с мольбой в глазах посмотрел на Лизу таким странным взглядом, что девушке стало не по себе. Она почувствовала себя палачом, измывающимся над жертвой, но сдаваться так легко не собиралась.

Она выполнит задание Ярого, и очень быстро!

— Ну скажи.

— Я не могу.

— Почему?

— Потому что не смогу.

— А давай я научу тебя. Это просто, — он занервничал еще сильнее, так, что кадык несколько раз подпрыгнул. Но остался сидеть на месте. На корточках в траве. Она нагнулась к его уху и заговорщицки сказала: — Закрой глаза. И повторяй за мной.

Рональд послушно зажмурился. Губы у него задрожали. Девушка видела небритую щетину на щеке. Колочую, наверное. Каждую волосинку. Ноздри у него раздувались. Все мышцы под рубашкой напряглись. Под тонкой, хлопковой, светлой, которая ему безумно шла. Он слишком глубоко дышал и слишком близко находился, так, что Лиза уловила тонкий запах тела. И он выглядел так, словно не просто нервничал, а... боялся?

И Лиза внезапно поняла, что Рональд чувствует сейчас. Да то же, что и она, когда несколько дней не могла подойти и извиниться, потому что считала, что ей, свободорожденной девушке, унижительно просить прощения у невольника. Что так — неправильно. И ей пришлось переступить через себя, чтобы выдать те слова. Но, она сказала их — сама, а не потому, что ее заставили.

«Он сделает все, что я скажу, и не потому, что хочет, а потому что я скажу так сделать. Такое Ярый не зачтет. Я издеваюсь же над ним сейчас!» — с ужасом сообразила Лиза.

Звонкая птичья трель вмиг стала резкой и неприятной. Солнце за облако зашло, и озеро уже не восхищало.

— Рональд, пойдем домой, — оставила она его в покое, встала на ноги и отошла.

Глава 12. Смысловая преграда

Рональд сначала почувствовал облегчение. Выдохнул, пришел в себя, встал на ноги, пошел в сторону дома.

А потом ему стало стыдно. Лиза очень расстроилась из-за того, что он не сказал вслух те самые слова. Но Рон не мог, физически, это было невыносимо! Она понуро брела позади, ветки под ее ногами грустно хрустели, и девушка перестала с ним разговаривать. Ничего не спрашивала, смотрела вниз, задумалась и помрачнела. А Рональду нравилось отвечать на вопросы Лизы, хоть некоторые и вгоняли его в ступор, ему нравилось, что она вообще с ним так по-доброму разговаривает. Это казалось почти невероятным! Она, красивая, прекрасная, с изумительными зелеными глазами, такими серьезными всегда, глубокими; хрупкая, волосы ее, как золото, прядка из прически выбивается и на лицо спадает; необыкновенная — та самая, о которой так часто говорил хозяин; способная научиться всему тому, что умеет Ярый, что для Рональда находилось за гранью понимания; очень ценная и важная — и она, она сама с ним разговаривает, она хочет с ним общаться, с ним! Она даже извинилась перед ним — перед ним! — хотя вовсе не должна была, ну, подумаешь, наговорила невыносимо горьких и обидных слов, но ведь ее можно понять; а Лиза взяла и подошла! И извинилась! А все потому, что она слишком добрая и хорошая, и умная, и во всем — самая-самая.

А он не может всего лишь сказать вслух, что девушка нравится ему. И ей теперь грустно, и все из-за него! Рональд понимал прекрасно, что он для нее, как игрушка, забавная. Но Рон и девушку понимал — Грэгор рассказывал, что она из богатой семьи, из города, а ведь в городе все по-другому. Наверняка у нее там было, с кем пообщаться и чем заняться, семья, друзья, званые вечера, неспешные конные прогулки, балы, поездки на море — море! — а здесь только он, Грэгор и Ярый. И ей просто скучно. Поэтому Лиза и обращает внимание на него. Понимание этого не задевало Рона, а наоборот, радовало, пусть и по таким причинам, но обращает же, а могла бы и вообще не замечать. У него замирало что-то внутри, когда она подходила, ему хотелось летать, когда она что-то спрашивала. Когда утром Лиза надевала рубашку в клетку, которую так и не отдала и себе оставила, то настроение до вечера держалось приподнятым. Рон всю одежду ей хотел отдать, только бы она каждый день ее носила.

И вот теперь девушка хочет, чтобы он просто сказал вслух то, за что ему было невероятно стыдно. Рональд знал, что ему по происхождению не положено рассматривать Лизу как девушку, что подобное жестоко карается. Но он не мог просто взять и погасить чувства. Они с каждым днем разгорались сильнее. И теперь Лиза все о них знает! Наверняка ее это забавляет, а быть может, и задевает — она слишком хороша, и ей может быть не приятно, что какой-то невольник, родившийся где-то там на поле от неведомо кого, имеет наглость обожать ее, свободную, особую, а не себе подобных меченых людей.

— Рональд, смотри! — вдруг радостно воскликнула она.

Он развернулся и подошел к девушке. Лиза нашла всего лишь гриб в траве, присела, волосы перекинула через плечо, и радовалась так, словно отыскала клад.

— Это же гриб! А я не думала, что они вот так растут. По-другому представляла.

— Их здесь много. Особенно вон там, подальше, — махнул в неопределенную сторону рукой. Его так заворожил восторженный вид девушки. Смотреть бы и смотреть. Странно

было слышать, что она не знает, как растут грибы, но Рон тут же себя одернул. А зачем ей вообще о подобном знать? Она возвышена для подобных обыденных знаний! Это его прерогатива, знать, как что растет, как чистится плита и как готовится еда, а она настолько высоко, что обратиться к ней на «ты» немыслимо и невозможно!

— А я люблю грибы.

— Хотите, я их соберу, а вечером приготовлю? — тут же предложил он. Ему нравилось делать то, что радовало ее, хотя на вечер он замочил разделанную рыбу в воде с солью. Но ведь рыба с грибами еще вкуснее получится!

— Я сама хочу их собирать. Принеси мне, пожалуйста, ведро или корзину.

— Как скажете. Сейчас. Я быстро, — с готовностью кивнул Рональд, и через десять минут Лиза переложила кучку найденных грибов в принесенную корзинку, и с ней побрела по полянке дальше, вороша землю подобранной палкой. Волосы ее на солнце блестели, а сама она шла по траве, и некоторые травинки ей по пояс приходились, и девушка среди них как по воде брела. С животиком, маленьким еще, округлым. Рональд засмотрелся. Лиза в лесу смотрелась еще лучше, чем дома, но не так хорошо, как в саду, среди цветов.

Она везде смотрелась хорошо. Особенно утром, спросонья. И перед сном, когда зевала. И... и всегда. Везде.

Рону хотелось остаться, но Лиза сказала, что прекрасно справится сама и не заблудится, конечно, дом же уже видно; и он понуро побрел обратно. Взял лейку, снял рубашку, и больше часа поливал. С тревогой смотрел в лес, в низину, ждал, когда девушка вернется. Корил себя за то, что оставил там ее одну. А вдруг перегреется, на солнце?!

Вскоре Лиза пришла и первым делом показала Рону полную корзинку. Он сказал, что она большая молодец, а девушка грустно кивнула и ушла в дом. Рональд быстро выбросил половину грибов, ядовитых, пока она не видела — Лиза в них совсем не разбиралась и собирала все подряд, кроме, пожалуй, мухоморов. И чувствовал себя все больше виноватым. Девушка так грустно посмотрела, прежде чем уйти, взглядом с немим укором! Только теперь к вине примешался страх. Лиза же дома, а там Грэгор, а если она расскажет ему все, пожалуется?

Хозяин очень разозлится. Потому что не может быть иначе. Ведь сколько раз он говорил, что Лиза нужна Ярому. Ярому, а не, конечно же, Рону, да о подобном и думать-то смешно! Лесному чудовищу, законному супругу. Хозяин четко сказал, что от него, от Рональда, требуется. Заботиться о Лизе, следить за тем, чтобы девушке было комфортно, сближать с лесным чудовищем, водить к нему и отзываться хорошо.

А если он узнает, что Рону меньше всего на свете хочется сближать Лизу с Ярым? Что он не хочет в этом помогать? Что у него переворачивается внутри что-то каждый раз, когда она уходит в лес? Что Лиза нравится ему, и очень, что он может испортить дело? Грэгор искал Лизу несколько лет. Она ему сейчас важнее всего на свете. Хозяин Рону доверял. Надеялся на помощь. Чтобы получить вот это вот, плевок в лицо, предательский нож в спину?!

Рональд обожал Грэгора. До недавнего времени он был для него всем, самым важным и любимым человеком, теперь на пьедестале находились двое, Грэгор и Лиза. И он не мог ни делом, ни неправильной мыслью подвести его, для Рона это было катастрофой, концом всего. И он надеялся, что никто не узнает, не догадается, что происходит в его голове. Рональд не собирался как-то чувства проявлять, хотел держать все в себе столько, сколько потребуется, но... Лиза уже все знает. Догадалась. Она не могла не догадаться, потому что

слишком умна.

И неизвестно, как девушка к этому отнеслась. Ей просто забавно? Хорошо, если так. Пусть знает, главное, чтобы не говорила никому. Главное, чтобы продолжала с ним общаться, не стала избегать или насмехаться — Рональд такого бы не пережил. Или она задета и пожалуется Грэгору? И тот позовет Рона на серьезный разговор? На первый суровый выговор?!

Рона трясло от одной только мысли, что так и произойдет.

Ему стало страшно заходить в дом. Он полил все грядки. Прополол. Подрезал розы. Расчесал Биззи, наломал ей молодых побегов ивы. Подмел дорожку и крыльцо. Но время шло к вечеру, Рон обещал грибы пожарить, и волей-неволей ему пришлось с опаской зайти в дом.

Грэгор ничего не знал. Вел себя, как обычно — и камень свалился с плеч. Рональд повеселел, приготовил ужин, все собрались за столом. Пришел Ярый и, как в прошлый раз, сел рядом с Лизой. Рону не нравилось, что он приходит. Что ест с ними за одним столом.

Рональд не считал Ярого плохим. Относился к нему нейтрально, как к факту, как к данности — есть такой и точка. Да, непонятный, странный, не от мира сего. И до недавнего времени Рону было все равно. Но сейчас многое изменилось. Сейчас он хотел, чтобы Ярый исчез. Ушел. И никогда не возвращался.

Потому что Лиза так тепло смотрела на супруга! Рон наблюдал за ними украдкой, и ему показалось, что девушка с Ярым говорит, только не вслух, а мысленно. Она смотрела на него, а тот кивком ответил. И Лиза улыбнулась, смотря в его глаза. Ямочки вылезли на щеках, они всегда там вылезали, красивые безумно, от них ее лицо становилось милым, как у лисички — но ямочки предназначались не Рональду, а гадкому чудовищу лесному! А потом она опять спросила что-то молча, и тот в ответ подал жест рукой. Девушка расцвела и положила ладонь на руку Ярого — и тут у Рона в душе что-то дрогнуло, он извинился и под нелепейшим предлогом, что в курятнике у птиц кончилась вода, вышел из дома.

Девушка проводила его грустным взглядом и улыбаться перестала, отчего Рону стало еще больнее. Он почти ненавидел себя, что все портит: и настроение ее, и дело Грэгора, и даже Ярому мешает.

Вечером Рон мыл посуду на опустевшей кухне. Лиза тихо вошла, подкралась, встала рядом. Рональд обрадовался, что она все-таки подошла, и, как обычно, сильно растерялся.

— Ты так быстро ушел. Я даже спасибо сказать не успела.

— Спасибо? За что? — растерялся он сильнее.

— Ты так их вкусно приготовил!

— Правда? Тебе понравилось?

— Очень. Так вот. Спасибо.

Рональд не успел придумать, что ответить, как девушка подошла к нему вплотную. И шепотом сказала в ухо:

— А ты сейчас наконец-то обратился ко мне на «ты», — и, чтобы это сказать, девушке не пришлось к нему наклоняться. Ей даже пришлось чуть-чуть на цыпочки встать. Рональд и сам замер, и внутри у него все замерло, и так приятно было от ее дыхания, обдавшего ухо, что глаза закрылись сами по себе — но она больше ничего не прошептала.

— Спокойной ночи, Рональд, — сказала в дверях, прежде чем уйти.

А оторопевший Рон еще долго смотрел на выход и не мог в себя прийти.

Утром Лиза выглядела еще грустнее. За завтраком она не разговаривала с Ярым и не дарила ему ямочки на щеках, ковыряла ложкой в тарелке и иногда бросала на Рона печальные взгляды. Ему опять стало стыдно, не по себе, захотелось выйти, как вчера, чтобы не расстраивать девушку присутствием себя, но Рональд понимал, что, если он начнет так открыто избегать Лизу, то хозяин заподозрит неладное. А если Грэгор спросит, что случилось, то Рон не сможет соврать и во всем признается. Поэтому он, сжигаемый виной, остался на кухне и ковырялся ложкой в тарелке с таким же печальным видом, как и Лиза.

— Рональд, у тебя все в порядке? — услышал голос Грэгора позади себя, когда убирал посуду после завтрака. Спина тут же покрылась испариной, нутро похолодело.

— Ты за столом странно себя ведешь, — продолжил хозяин. И от волнения Рональд не мог понять, с какой интонацией к нему обращаются, с обычной или обличительной.

— Я... я... — лихорадочно пытался придумать Рон разумное объяснение, чтобы и не соврать, но и правду не рассказать, а на ум, как назло, ничего не шло.

— Тебя Ярый напрягает?

— А-ах, да. Напрягает, — выдохнул он.

— Потерпи немного. Скоро он перестанет приходить, Лиза достаточно к нему привыкла. Еще неделя, другая и все. Кстати, тебе надо купить что-нибудь в городе? Скоро за мной приедут.

— Нет, спасибо.

— Точно не надо?

— Разве только что ленточки...

— Ленты?

— Цветы срезочные распустились, а чтобы они не рассыпались, когда я их срежу, надо ленточки, или веревку. Но я и другим могу чем-нибудь перевязать, это не важно, просто с ними красивее было бы, — Рональд успокоился настолько, что осмелился повернуться к хозяину лицом. — Это не обязательно, у меня еще с прошлого года осталось, но мало очень, но я...

— Понятно, значит, ленты, — перебил Грэгор. — Разноцветные?

— Можно и одного цвета.

— Понятно, значит, разных цветов. Вспомнишь что-нибудь еще, скажи, — Грэгор улыбнулся Рону напоследок и ушел из кухни. Вскоре на лестнице раздались шаги — наверное, он пошел задавать тот же вопрос Лизе.

У Рона от сердца отлегло. А потом опять потяжелело. Хозяин всегда несколько раз уточнял, надо ли что-нибудь привезти, потому что с первого раза Рональд никогда ничего не просил, ему неловко было просить что-либо для себя. Грэгор и без того обеспечивал его всем необходимым, и не необходимым — тоже, и требовать что-то сверх того казалось Рону наглостью. Особенно сейчас. Какие ему ленты, когда он в шаге от того, чтобы испортить хозяину дело всей жизни?..

Потом Грэгор уехал. Рональд решил убраться в доме, но отложил тряпку — Лиза попросила сыграть с ней в карты. Рон обрадовался, что она наконец-то с ним заговорила, и конечно же согласился. Но партия превратилась в пытку, потому что девушка молчала, не

спрашивала ничего, смотрела тем самым взглядом с укоризной, вдобавок ко всему Рональду шли хорошие карты, и пришлось сильно постараться, чтобы поддаться и проиграть. А когда девушка выиграла, то бросила карты на диван, встала, и грустно сказала:

— Ты мне поддался. А так не честно и не интересно, — и в комнату ушла.

Рон чувствовал себя так гадко, словно его раздавили. Он пробовал отвлечься на цветы в саду, но смотрел на них и думал, что Лиза прекраснее, чем все герберы вместе. Попробовал заняться рутинными делами, долго полировал плиту, мыл полы, затеял стирку — но ничего не помогало.

За обедом она молчала. За ужином тоже молчала. Задумчиво накручивала свисающую прядку на палец, она всегда так делала, когда в себя уходила. А после ужина взяла книгу и ушла во двор, Лиза любила там вечером читать. И Рональд понял, что больше не может. Ну разве она много хочет? Всего лишь, чтобы он сказал вслух то, что девушка и так знает. Да пусть она потом рассмеется, пусть забавляется, какая разница? Ведь Грэгору Лиза до сих пор ничего не рассказывала, значит, она хотя бы не задета, значит, и дальше будет молчать. А если все останется между ними, в тайне, то почему и нет? Зато она повеселеет и перестанет так смотреть. И самому же легче станет.

Он наспех перемыл посуду. Взял с дивана плед. Настроился, решился. Выдохнул, вдохнул. И пошел во двор.

Столкнулся с Лизой на крыльце. Снаружи стемнело, с неба смотрели звезды и огромная луна, сверчки пели из цветов. Вечер дышал прохладой. А девушка встала напротив и голову чуть-чуть склонила. Рон замешкался, засмотрелся, но решительности не растерял.

— Спасибо, Рональд, мне не надо. Я спать уже пошла, — сказала она, увидев плед в его руках.

— А, спать... Лиза, пообещайте, пожалуйста, что Грэгору ничего не скажете.

— Что — не скажу?

— Вот это. Лиза, ты мне очень нравишься. Очень сильно, — сказал Рон, с силой прижимая плед к груди и на всякий случай крепко зажмурив веки, чтобы не видеть, как она рассмеется.

— Ой, правда?.. — услышал он совсем не смех. Несмело приоткрыл глаза. — Спасибо, мне это так приятно... слышать.

И тут Рон понял, что она сама — растерялась. И что Лиза на самом деле смущена.

— И ты мне тоже очень нравишься, — вдруг добавила она, смотря в его глаза. Поднялась на ступеньку выше и поцеловала в щеку. — Спокойной ночи, Рональд. И Грэгору я ничего не расскажу, не переживай.

— А, а, а... — к такому он оказался совершенно не готов. Хотел что-нибудь сказать, но что тут скажешь, когда сердце в груди так сильно разошлось, что и дыхание перехватило, и голос онемел? То, что она вслух произнесла, не могло быть правдой, потому что такой волшебной правды не бывает никогда; а щека, говоря об обратном, огнем горела. Рональд стоял, судорожно вцепившись в плед, и боялся шелохнуться, чтобы не испугнуть слишком хорошее мгновение; и с раскрытым ртом смотрел, как Лиза прошла мимо, открыла дверь, сделала шаг в дом — замерла — и напоследок обернулась.

И посмотрела хитро, как лисичка. И улыбнулась. Искренне, по-правде. И ямочки на щеках предназначались не чудовищу лесному, а ему. Ему. Ему!

Глава 13. Образы, коты и лисы

— Он сказал! Сказал! Сам, сказал, Ярый, он подошел и сказал! — парила Лиза среди облаков на огромных белоснежных крыльях. Черного кота она бережно прижимала к себе, и кожей чувствовала его урчание.

— Сказал. Да, сказал, — подтвердил кот раз, наверное, двадцатый. Но девушка все никак не могла успокоиться, ее распирало от счастья, ей хотелось слышать подтверждение своих слов еще, и еще раз, и еще. — Ты справилась. Он сказал. Подошел и сказал. Так все и было, — прочитав намеренно открытые мысли, добавил кот.

— Я же правильно все сделала? Я не давила? Не давила, да?

— Давила. Причем сильно давила. На этот раз повезло, но если продолжишь в том же духе, то все испортишь.

— То есть? — пыл Лизы немного охладился.

— Он может откатиться назад и окончательно закрыться в себе. К нему нужен очень мягкий подход. Неторопливый. Ненавязчивый. А ты напиралась, как лавина.

— Что значит — «откатится назад»?

— А ты подумай, и поймешь.

— Ну Ярый!

— Девочка, хватит вопросов. Спустишься с небес на землю. У нас много дел.

— Конечно, котик, — Лиза спикировала вниз, на зеленую поляну, сложила крылья за спиной. Хотела выпустить кота — но тот уткнулся мордочкой в подмышку, выпустил коготки и, мурлыча, мягкими лапами массировал плечо, щекотливо и приятно. Девушка непроизвольно улыбнулась. Большой контраст между тем, что представлял Ярый из себя снаружи и тем, каким он был внутри, ее сильно удивлял. Она погладила его по шерстке, почесала шею, пузо — кот урчал громче, сильнее, пока, полностью удовлетворенный, не прыгнул вниз.

Вот только превратился он не в Ярого, а в Лизу. Вторая девушка потянулась и отошла в сторону. Потом вернулась. Развернулась на месте и опять пошла.

— Ярый, ты чем сейчас занят? — спросила Лиза, наблюдая за перемещениями второй самой себя по зеленой поляне.

— Хожу, — ответил он. — Почему ты меня так называешь?

— Но ты же Ярый, а не я. А тебя зовут Ярый. Ведь так?

— Верно. Я просто выгляжу. Как ты. И да, вы именно так меня и называете.

— А Ярый — это твое настоящее имя?

— Девочка. А твое имя — настоящее?

— Ну а какое же оно?

— Ты его сама выбирала? То, которое захотела?

— Нет.

— Ну вот, видишь. Так и у меня. То имя, что мне дали они — не мое.

— Кто — они?

— Люди из вашего мира. Когда они увидели меня в первый раз, то решили, что я зверь. Яростный. Злой. Так и прозвали. Ха.

— А какое твое настоящее имя?

— Как тебе хочется меня называть?

— Эм... Кот?

— Хорошее имя.

— Ты запутал меня... И хватит в моем образе ходить, мне так не сосредоточиться никогда!

— Хороший образ. Мне нравится, — Лиза номер два игриво повела плечом; Лиза номер один сдвинула брови.

— А мне не нра... ну, то есть, нравится, но.... Да нечестно так! — совсем запуталась девушка. — Я думала, мы сегодня продолжим обучение, а ты не пойми чем занимаешься!

— Мы уже обучаемся. Образы. Сегодня мы разбираемся в образах. Садись и слушай.

Лиза послушно приземлилась на мягкое кресло, удобно расположилась и наострила уши.

— Итак. Запомни. Для того, чтобы чему-то научиться, тебе нужно понять, что ты — это не твой привычный образ. Не тот дом, в котором ты живешь. Не твоя оболочка. У души нет четкого образа, и обычно я выгляжу вот так...

Лиза номер два расплылась бесформенным облаком, которое расплылось по пространству и исчезло. После частицы сгруппировались, слились друг с другом — и перед Лизой предстал Ярый в привычном ей виде.

— У души нет ни формы, ни пола, ни возраста. То есть, ты можешь стать той, кем захочешь. Или никем. Все то, что ты видишь сейчас, девочка — это я. Трава под ногами. Кресло. Образ меня, который говорит с тобой. Это все — я, здесь везде я. Перед вами я предстаю в конкретных образах потому, что вам так привычнее. Вы привыкли придавать оболочке слишком большое значение, для вас вы — это она и есть. Возраст оболочки, вид оболочки, пол и происхождение оболочки, контакты с другими оболочками, оболочки, оболочки. Оболочки. Оболочки.

— Хватит.

— Увлекся. Поэтому вам сложно предстать здесь не теми, кем вы являетесь там. Я понятно объясняю?

Лиза кивнула.

— Образы бывают двух типов. Первые — бессознательные. Это ты. Твоя одежда. Крылья. Они не зависят от твоего сознательного желания. По бессознательным образам можно многое понять о человеке. Ты, например, приходишь всегда разная. Разного возраста, размера...

— Разного возраста?!

— Посмотри на себя.

Перед Лизой возникло большое овальное зеркало в резной раме. Точно такое же висело в гостиной. Девушка соскочила с кресла и подбежала к нему, внимательно всматриваясь в отражение. Опять та самая клетчатая рубашка, застегнутая на три нижние пуговицы; короткие штаны; волосы собраны в тугий пучок на затылке. Но она была молодая, своего возраста.

— Я такая же.

— Это сегодня ты помолодела. А вот такой ты была в прошлый раз, — изображение переключилось, и Лиза увидела себя примерно тридцатилетней. Пронзительный взгляд серьезных глаз, ни намек на детскость в лице, сформированная фигура. Картинка сменилась на день первого посещения, и Лиза увидела себя старухой.

— Это получается, что... — медленно протянула она.

— Обычно ты чувствуешь себя старше. Лекарь чувствует себя моложе. Вот так он выглядел в первый раз. Смотри.

Отражение Лизы в зеркале всколыхнулось, зашевелилось, расплылось на крупные цветные пятна, которые быстро перестроились и сложились в другую картину — в молодого Грэгора, лет двадцати пяти на вид, с такими же живыми глазами, как обычно. Он был в светлой одежде и с белоснежными волосами. А позади него сидело огромное бесформенное существо болотного цвета. Тянувшее к телу тонкие подвижные щупальца с присосками на концах. Девушка не успела удивиться, как Ярый переключил изображение.

— Таким он был во второй раз. Таким в третий. В четвертый...

Картинки замелькали угрожающе быстро, девушка не успевала отследить перемены при всем желании. Впрочем, этого и не потребовалось — изредка менялся только цвет одежды, от белого к светло-песочному, да существо позади постепенно уменьшалось в размерах, но так и не исчезло полностью.

— Что ты можешь о нем сказать? — повернулся к ней Ярый.

— Эм, ну... Судя по цвету одежды, он и сам светлый человек. Ведь так?

— Именно. Что еще?

— Ты называешь его лекарем. Я раньше думала, что это потому, что он доктор. Но дело-то в другом? Верно? Он в другом смысле лекарь?

— Так и есть. Он умеет выправлять не только тело, но и душу. У него талант.

— А я почему девочка?

— Ты еще не нашла себя. Ты только формируешься. Поэтому пока ты девочка. И, не отвлекайся. Смотри на лекаря.

— А что это за существо его преследует?

— Думай, девочка, думай. На что оно похоже?

— Так, так, так... — напряглась Лиза. — Цвет у него неприятный, грязно-зеленый. Это тоска?

— Думай еще.

— Хм... Оно его преследует, оно явно что-то неприятное. Не знаю.

— Девочка. Это вина.

— А из-за чего она возникла?

— Я не могу сказать.

— А...

— Вот сломанный. Смотри.

Лиза мигом закрыла рот и припала к зеркалу, в котором появился Рональд. И был он там точно такой же, как и обычно. Та же одежда, та же татуировка, тот же возраст, те же волосы, выражение лица, всё — один в один.

— Почему ты так странно его называешь? Почему он никак не изменился?

— Думай, девочка. Ду-май, — по слогам произнес Ярый и сложил руки на груди.

Лиза поняла, что прямого ответа не услышит, и прошлась вокруг зеркала. Посмотрела на заднюю деревянную стенку, потрогала ее. Зажмурила глаза, открыла глаза. Почесала кончик носа и задумалась о степени настоящести носа, о том, как он вообще смог зачесаться, если здесь, по сути, он не совсем реальный, а спроецированный ею по аналогии с миром настоящим...

— Не о том думаешь, — вмешался Ярый. Лиза спохватилась и перекрыла мысли.

— Так. Хорошо. Если и здесь, и там он одинаковый, следовательно, он и внутренне себя ощущает ровно так, как и снаружи. Верно?

— Верно.

— Он чувствует себя... невольником?

— Ему внушили, что он должен таким быть. И он поверил. Это его правда. Как думаешь, как выглядит его душа его глазами?

— Наверное, она... я не знаю. Но очень хочу знать.

— Она сломана. Закована в цепи. Внутри себя он выглядит вот так, — Ярый посмотрел на Лизу, и тот час ее руки, ноги, все тело целиком оказалось закованным в звенящие цепи и тяжелые кандалы. Металл давил на грудь так, что стало тяжело дышать, от холодных прикосновений звеньев по телу побежала дрожь.

Лиза выдохнула, закрыла глаза, подняла руки, встряхнула их — и цепи с грохотом упали вниз.

— Но их же легко сбросить, — заметила она.

— Тебе легко. А он — не ты. В него они вросли. Они — его часть. Он их сбросит. Он их уже сбрасывает. По кусочку. Звено за звеном. С кусками душевной плоти. А это больно, девочка.

— Почему ты ему не поможешь?

— Этим занимается лекарь. Я могу только подтолкнуть. Я подталкивал. Но до выздоровления еще далеко.

— Почему?

— Потому что основную работу он должен проделать сам. Но он не хочет. Не может. Не верит, что сможет — он уверен, что не сможет. Он не готов.

— А как его подготовить?

— Так же, как я готовлю тебя. Постепенно. Чтобы со временем он сам захотел сбросить их.

— А как именно?

— А ты подумай, может, и придумаешь.

— Порой ты очень вредный кот! — в сердцах возмутилась Лиза.

— Так и есть, — Ярый равнодушно пожал плечами. — Вернемся к образам.

— Да-да. Конечно. Продолжай.

— Второй тип образов — сознательные. Те, которые ты создаешь сама, по желанию. Давай потренируемся. Открой мне мысли. Ненадолго. И попробуй представить что-нибудь. Я создам образ того, что ты представишь.

— Цветок можно?

— Что хочешь.

— Так, хорошо... пусть это будет роза. Хотя нет, не роза, а ромашка.

На белом пространстве вырос цветок. Лиза присела рядом с ним и поморщилась — ромашка больше походила на детский рисунок, разве только что объемный. Белая, с идеально симметричными лепестками, с гладким желтым кружком посередине и на прямом, ярко-зеленом, стебле.

— Девочка. А листья у ромашек есть?

— Есть, — на цветке выросли листочки.

— Они точно похожи на идеально ровные капли? И прямо из стебля растут? А прожилки у них есть? Края? Рваные или вот такие? Или они совсем не такие?

— Я... не помню.

— А стебель? Он у нее гладкий или шершавый? Покрыт волосками или шипами? Прямой или извилистый? Или она кустом растет? И точно ли такого зеленого оттенка? А лепестки? Однослойные или нет? Тычинки? А запах у ромашки какой?

— Как же все непросто... — Лиза всеми силами старалась вспомнить, как именно выглядит ромашка, но цветок почти не изменился.

— Просто будь внимательнее снаружи. Смотри вокруг, трогай предметы, запоминай. Создать свой мир непросто. Надо точно знать, как выглядят предметы, примечать мелочи. Вода. Какая она?

— Прозрачная. Мокрая. Она течет, — неуверенно ответила девушка. Перед ней разлилась лужа. Девушка вспомнила кое-что еще, и на поверхности воды появилось рябое отражение и ее, и Ярого. Девушка потрогала ее пальцем — и постучала, как по стеклу. Добавила еще одно свойство, и палец погрузился в лужу.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Уже лучше. Теперь, смени свой привычный образ на другой. Можешь закрыть мысли. Со своим образом во мне ты можешь делать что угодно. Он целиком твой и от меня и моего желания не зависит.

— Прямо сейчас?

— Да.

— А я готова?

— Готова. Это просто. Надо знать, что у тебя получится, и хотеть этого. Приступай.

— А во что?..

— Во что хочешь. Давай, — он исчез, появился за спиной девушки и прижал ее к себе за плечи. — Закрой глаза. Расслабься. В первый раз не всегда получается сразу. Это нормально. Представь то, чем ты себя ощущаешь. Четко. Представила? — Лиза едва заметно кивнула. — Теперь перестройся. Просто знай, что у тебя получится. Ты — то, что ты представляешь. Давай. На счет три открой глаза. Готова? — Лиза еще раз кивнула. — Три.

Лиза выгнула трубой хвост, пошевелила усами и раскрыла глаза. В зеркале напротив отражалась рыжая лисичка с бусинками-глазами, маленькая, слишком пушистая и слишком яркая, как игрушечная, и девушка поверить не могла, что там она и есть.

— У тебя получилось, — вальяжно прошел вокруг нее кот.

Лапкой Лиза поиграла с его хвостом. Шерсть кота встала дыбом и он грозно зашипел, выпустив когти. Лисица рассмеялась и отскочила назад, скаля острые, как иглы, зубы, а после быстро юркнула в высокую траву. Кот поступил умнее — он просто убрал всю поляну, и спрятавшаяся было лиса недовольно проворчала:

— Так нечестно! — и приняла привычный образ.

— Что ты почувствовала?

— Это очень странно, но... ничего. Как будто ничего не изменилось. Ну, то есть, я хотела идти и шла на четырех лапах, перебирала ими так, как нужно, и не путалась в ногах, а еще хвост, но... все равно чувствовала себя собой.

— Ха. Так и должно быть. Ты не превратилась в лисицу. Ты просто приняла ее образ. Ты — не лисица. Ты — не то, что сейчас сидит передо мной. Ты понимаешь?

— Наверно, да.

— Завтра потренируемся еще. Поэтому, будь внимательнее снаружи. Рассмотрю уже мир, в котором живешь. Если создашь хороший образ, а не вот такую жалкую ромашку —

перейдем к заданиям посложнее.

— А что это за задания?

— Я же сказал. Сложные, — кот уморительно закатил глаза. — Хватит вопросов. Тебе пора.

— Нет, ну какой же ты порой... вредный! — наигранно сердито ответила Лиза. — Я хочу выйти!

И нехотя ушла.

Глава 14. Подари мне цветы!

Рональд работал во дворе и неотрывно смотрел в сторону леса. Она ушла туда с утра. Она ушла сразу после завтрака, вместе с лесным чудовищем. Ей не терпелось в лес уйти. Она весь завтрак улыбалась. Всем. И ему, и Грэгору, но чаще всего — супругу. Она сияла.

«Почему так долго? Что они там делают?..» — то и дело всплывали колющие мысли, а глаза упорно смотрели не на то, что руки делают, а в лес. И Рональд понимал, что еще немного, еще чуть-чуть — и он не сможет делать вид, что с ним все хорошо. Он выдаст себя с головой. И хозяин обо всем догадается. И тогда... тогда...

Что сделает Грэгор, если узнает? Оставит ли он потенциальную преграду на пути к важному делу в доме? Преграду, которая может все испортить? К которой девушка тянется сама, возможно, и забавы ради, но все же? Которой она говорит прекрасные слова? Которая от таких слов теряет голову и хочет к девушке прикоснуться, обнять, прочувствовать ее, пригладить волосы, убрать за ухо прядь?..

Рональду хотелось плакать. Он чувствовал себя как на минном поле: сделай один неверный шаг — и все рухнет в одночасье. На месте трудно устоять, идти вперед — опасно. Он только представил, что когда-нибудь потеряет голову и все-таки ее обнимет, и вдруг их увидит Грэгор, и все поймет, и... и... додумать дальше не получалось, там все было перетянато леденящей мглой.

Рон посмотрел вокруг себя. Любимый дом, любимый двор, Грэгор, промелькнувший у окна, Биззи на поляне, цветы, ворота. Он прикипел к дому всей душой, знал каждый куст и каждый камень, любил Грэгора всем сердцем, и вдруг представил, что может всего лишиться, по собственной вине. Вот так вот, сразу, раз — и все. Его здесь нет. И так ему стало жутко, что холод по нутру разлился. Он не мыслил себя без этого места, врос в него, стал его частью.

А потом Рон представил, что больше никогда не увидит Лизу. И стало еще страшнее, до одури.

Она незаметно стала для него всем, смыслом жизни, ему безумно нравилось делать что-то для нее, заботиться о ней, готовить то, что она любит, выносить ей зонтик, плед, убирать волосы с расчески, заваривать утром чай с сухими ягодками земляники и многое, многое другое; и без нее, без ее приятных слов, без сказанного вслух «спасибо», без ямочек на щеках, без хитрого лисьего взгляда — для Рона весь мир бы померк и рухнул. Мир уже рушился. С тех пор, как он вышел на крыльцо и в первый раз ее увидел. Испуганную, хрупкую такую, с серьезным взглядом, с кровоподтеком на щеке. Он ненавидел того, кто посмел ее тронуть. Он ненавидел Ярого, которому она предназначалась. Себя он тоже ненавидел, за то, что так тянулся к ней.

Рон чувствовал себя в смертельной западне.

С огромнейшим трудом прогнал прочь гнетущие мысли, умылся ледяной водой, попробовал отвлечься на дела. Собрал груш и яблок к столу — потому что она их любила, и потому, что, по словам Грэгора, в ее положении полезно есть побольше фруктов. Помыл, отрезал все лишнее, сложил в красивую вазочку и поставил напротив того места, где она сидела. Пока еда не приготовилась, быстро собрал белье с веревки, сложил в аккуратные стопки. Земля у гербер пересохла, и между прочим Рон набрал из колодца ведро воды и

выставил его на солнце — чтобы нагрелась для полива.

Подумав, добавил в вазочку с фруктами ягод. Без клубники. Потому что Лиза клубнику разлюбила. Наверное, не стоило тогда набирать целое ведро и ограничиться тарелкой, но кто же знал, что она за вечер её съест...

Перед тем, как поставить чайник на огонь, отлил из него немного воды. Чтобы разбавить чай ей — она не любила горячий.

Зеленое полотенце повесил на ее стул. Она всегда пользовалась именно им, потому что у Лизы любимый цвет — зеленый. У нее и крохотная заколка в волосах, удерживающая непослушную прядь — зеленая. И большая часть одежды. И глаза. Красивые, зеленые глаза.

Услышал, как хлопнула входная дверь. Услышал ее звонкий голос. Обрадовался так, что чуть не обжегся об раскаленную плиту. Подхватил с полки стопку посуды. Вся белая, а одна тарелочка — с зеленой каемкой. Единственная уцелевшая из тех, что он умудрился перебить в первые дни переезда, извлеченная из-под груды обломков. Она много значила для него, навсегда осталась особенной, символом чего-то светлого и большого.

Как можно более красиво расставил все на столе, ей — ту самую тарелочку; долго вспоминал, по какую сторону кладутся вилки, по какую ножи, к огромному огорчению так и не вспомнил. Разложил еду. Позвал всех обитателей обедать.

Она пришла и села напротив. И девушка на Рона внимания почти не обращала, скользила равнодушным взглядом, мимолетно, задумавшись о чем-то, накручивая на палец прядь; и как-то странно себя вела. Щупала скатерть, долго смотрела на вилку, словно в первый раз ее увидела; проводила по гравировке ногтем, украдкой попробовала металл на зуб. И переговаривалась с супругом молча, тот опять жесты подавал.

Лиза так сильно погрузилась в себя, что вожаденное «спасибо» в конце обеда не сказала. Просто встала, перекинула косу через плечо и ушла.

Расстроенный Рональд убрался на кухне, прихватил острый ножик, новые ленты и вышел во двор. Перенес к цветам ведро с согревшейся водой, взял ковшик, сел на землю, полил герберы. Задумался. Обычно уход за клумбами отвлекал его и Рон забывал обо всем на свете, но сегодня отречься от мыслей никак не получалось, и в голове прочно стояла она. «Зачем Лиза сказала, что я ей нравлюсь?..» — спросил он ближайшую лиловую герберу, покачивающуюся на ветру. Та в ответ промолчала, как обычно, и стало еще грустнее.

«Да и что я могу ей дать?» — с тоской подумал Рональд. У него ничего нет, не было и не будет. Его судьба — всю жизнь зависеть от Грэгора, надеяться на его милость. А хозяин не вечен и ему уже немало лет. Что будет дальше? Неизвестно. Да и потом, Рональд проигрывает Ярому во всем: тот свободен, независим, грамотен, умен, силен и умеет делать волшебные вещи, неподвластные Рону, он странный и загадочный. И если с Грэгором что-то случится, то Лизу с Ярм ждет, как минимум, не безнадега. Чудовище не мечено лицом и сможет что-нибудь придумать; а что может предложить невольник с хищной татуировкой, маленький и низкорослый, которому никогда не стать свободным? Грэгор с трудом научил Рона читать хотя бы по слогам, писать он так и не научился; освоил счет, а складывать или вычитать не очень получалось; у него нет особых способностей и знаний, нет перспектив, возможностей. Шаткое будущее. Удивительно, что девушка на него, такого, вообще внимание обратила.

Рональд только сейчас понял, в каком плачевном положении находится. Единственное, что он может предложить — самого себя, а нужно ли оно Лизе? Смешно. И потом, девушка просто сказала, что он ей нравится, а мало ли, что именно она имела в виду? Это каким же

нужно быть наивным глупцом, чтобы сидеть и строить какие-то планы, из-за пары оброненных слов!.. Да его за одни только мысли, что он думает сейчас, следует выпороть хорошенько и выбить дурь из головы, чтобы не мнил о себе много; отправить работать на поля, где он и родился, заставлять пахать с утра и до ночи, до изнеможения, чтобы...

— Привет. А что ты делаешь? — раздался мелодичный голос за спиной. Рон от неожиданности облил себя водой и выдернулся в реальность. Позади стояла девушка и с любопытством на него смотрела. Он тут же обо всем забыл, в голову закралась эйфория.

— Я... я букет хочу собрать.

— Вот из этих маленьких подсолнухов и больших ромашек? — присела Лиза рядом.

— Да нет же, — улыбнулся он. — Это не подсолнухи и не ромашки. Это герберы.

— Я в них не очень разбираюсь. Ну то есть розу я еще узнаю, а остальное не совсем, — она задорно прищурилась. — А можно мне посмотреть, как ты его будешь делать?

— Конечно можно. А давайте по вашему вкусу соберем тогда? — воодушевился Рональд. — Тебе какие больше нравятся?

— Вот эти, желтые, — указала она на «маленький подсолнух» и удобнее села на траве, поджав под себя ноги.

Рональд взял ножик и подрезал сочный стебель. Еще один. Еще. Еще.

— Из всех желтых не очень красиво будет, разбавить бы. Белыми или красными. Тебе какие больше нравятся? — поднял на нее глаза.

— Давай белые, — хитро улыбнулась девушка. И ямочки на ее щеках мигом прогнали недавнюю хандру.

Рональд срезал три белых цветка. Сел с ней рядом, разложил на траве цветы, и, подхватывая по одному, быстро сложил букет, укладывая герберы по спирали, несколько раз повернув их вокруг оси в левой руке.

— А-а, смотри, он как цветочный шарик! — восторженно ахнула девушка.

— Стебли голые, их бы прикрыть. У нас только папоротник растет, — Рональд поднялся, подошел к забору, срезал три крупных листа. — А под них можно чуть-чуть мелких цветов добавить, можно даже и ромашек, вот этих, кустовых, вам что больше нравится, ромашки или вот, хризантемы?

— Ромашки.

— Хорошо. Сейчас, — он сорвал три тонкие ветки с ромашками, вплел их между стеблями, обложил листьями папоротника, расправил, зубами зажал ленту, белую, отмотал с пол метра, разрезал ножиком — и надежно перевязал весь букет аккуратным бантом. Подровнял стебли, показал результат Лизе.

— Как красиво! Какой ты молодец! — в восхищении выдохнула она. — Где ты так научился?

— Меня садовник научил, в том доме, где я раньше жил. Теперь их надо в вазу, воды главное много не наливать, иначе стебли гнить начнут, и в вашу комнату поставить. Они долго не вянут. У нас на кухне как раз есть подходящая, — растерянно ответил Рональд. А внутри него все пело.

— А ты знаешь, — девушка поднялась с земли и встала напротив. — Мне ни разу не дарили цветы. Давай ты мне не просто его дашь, а подаришь?

— Подарить? А я ни разу не дарил, — смутился он порядком.

Рональд посмотрел на дом, пробежался взглядом по всем окнам — не видит ли Грэгор? — и решил попробовать. Она же просит. Стоит напротив, смотрит на букет

восторженными глазами и ждет. А разве ей можно отказать? Вот только Рональд слабо представлял, как это делается, и в чем разница между подарить и просто дать, а еще его одолели сомнения — ведь подарить ей что-то, это уже не молча обожать. Это считается ухаживанием, открытым. Это под строжайшим запретом. Такое с рук уж точно не сойдет. Подобное хозяин подавно не простит.

А Лиза стояла, смотрела и ждала. Среди цветов, в его рубашке.

И Рональд улыбнулся, галантно протянул букет, склонил голову и сказал:

— Лиза, это тебе. Самой прекрасной девушке на свете.

— Спасибо! — приняла она букет и тут же зарылась в цветы носом, вдыхая сладкий аромат. — Мне это так... приятно очень, — девушка опять растерялась, как и тогда, на крыльце под звездами, и так же мило улыбнулась.

И Рональд понял, что тает. И что ради блеска этих глаз и ради ямочек волшебных соберет хоть тысячу букетов. И ни один не даст! А все до одного — подарит.

Глава 15. Безмятежные будни, ромашки и сверчки

Лиза лежала в комнате на кровати и любовалась прекраснейшим букетом из не менее прекраснейших цветов. Он казался солнцем. Такой же круглый, желтый, яркий. Лиза не переставая улыбалась и на него глядела, а внутри урчали огромные коты и нежились в лучах солнца-букета, собранного самыми умелыми руками на земле. Ветер из раскрытого окна доносил до Лизы сладкий аромат, она вдыхала его, запоминала на будущее оттенки запаха и млела, прокручивая в памяти то, как очаровательно Рон улыбнулся, когда цветы дарил, как уголки губ взметнулись вверх, озаряя и без того прекрасное лицо, а самые красивые в мире глаза засияли ярче неба.

На него такого она смотрела бы вечно. Его образ она воссоздала бы в мельчайших деталях, до последней родинки на подбородке. Девушка закатала рукава любимой рубашки, погладила мягкую ткань, обвела по периметру несколько клеток, счастливая, перевернулась на спину и уставилась на потолок. Задумалась. Вздохнула.

Сегодняшний урок вышел коротким. И исключительно по ее вине.

«М-да», — так Ярый сказал утром. Она весь вчерашний вечер смотрела на ромашки, пол ночи думала о них, запомнила до последней прожилки на листочке, а он велел превратиться не в ромашку, а в стрекозу! А потом, как будто издеваясь, снисходительно посмотрел на Лизу и протяжно так спросил: «Это что?».

— Стрекоза, — начиная закипать, сказала Лиза.

А он в ответ сказал: «Ха-ха». А потом еще раз. И еще.

Лиза разозлилась еще больше. Справедливо заметила, что так нечестно. Что она готовилась к ромашкам. А наглый кот сказал, что, если она не перестанет злиться, то он выгонит ее. И ведь выгнал же! А потом встал и с крайне занятым видом уставился на баночки на полке. Точнее, вид у него был предельно отрешенный и равнодушный, но, раз он стоял лицом к полке и длительное время смотрел на склянки, а не на Лизу, следовательно, они интересовали его сильнее, чем ученица. Девушка потопталась рядом, посопела, заглянула через правое плечо, потом через левое, реакции кота не дождалась — вздохнула и ушла.

Она не могла понять, при чем тут стрекозы и ромашки. Чего Ярый вообще пытается добиться. Seriously, ведь это же ненормально — требовать от нее превращения в не пойми что! Смысл-то в чем? Но к озеру Лиза сходила, и, рассмотрев стрекозу поближе, сама невольно улыбнулась — тот монстр, которого представила она, был похож на что угодно, но не на большеглазую и стройную красавицу с хрупкими крыльями, прозрачными, словно их выточили из хрусталя.

Вывод из урока она сделала простой: не злиться. Всегда держать себя в руках. Особенно — внутри чужой души. Не допускать, чтобы очередной урок сорвался и прошел впустую.

Лиза не могла объяснить словами, что именно с ней происходит, но знала точно: она меняется. Она уже совсем не такая, как, например, недели две назад. Душевные уроки, которые нравились девушке так же сильно, как Рональд, дарящий цветы, определенно делали ее светлее. Спокойнее. Добрее.

Она не до конца понимала выражение «тебе нужно стать светлее», но догадывалась, что оно обозначает. Когда Ярый привел ее к себе впервые? В тот день, когда Лиза сделала над

собой усилие, разрушила очередной барьер и перед Роном извинилась, стала чуть-чуть лучше, когда настолько от Ярого отвлеклась, что начисто о нем забыла — и он, воспользовавшись моментом, провел ее в себя. Зачем он дал задание сделать так, Рональд сам захотел рассказать про чувства? Чтобы она стала светлее еще немножко, научилась не гнать события вперед и терпеливо относиться к людям, считаться с ними, понимать. И, как ни странно, задание сильно помогло: теперь Лиза не могла смотреть на Рона так, как смотрела изначально. Сверху вниз и с явным превосходством. Она не опустилась ниже, и Рональд не поднялся, не изменилось в целом ничего, но что-то поменялось в ней и татуировку девушка больше в упор не замечала, и в Роне видела равного и своего. Он так же чувствовал, так же боялся, и Лизе казалось странным, что раньше она искренне считала, что всё совсем не так и что одни рождаются совсем другими, с иными качествами, а не такими же, как все.

И не только на Рона она смотрела по-другому. Например, отныне в Яром Лиза упорно видела кота. Рассматривала его кожу, и представляла шерстку. Смотрела на руку — вспоминала лапу и пушистый хвост. Этаким огромный кот, ласковый, как все коты, но в то же время диковатый одиночка, вредный, гладить которого можно только тогда, когда он сам дает, иначе выгнется дугой и шерсть на загривке вздыбит. И как его, безобидного любителя поспать и вкусно пообедать, можно бояться? Очевидно, что никак. И все равно, что снаружи он выглядит не очень. Внешность — всего лишь образ, а не то, что он на самом деле есть. И девушка не воспринимала Ярого ни как супруга, ни как наставника, ни как друга — а именно как очень умного кота, которому можно рассказывать все, что угодно, и точно знать, что сказанное останется строго между ними, ведь как он может выдать тайну? Он же кот!

А в себе Лиза впервые за долгое время рассмотрела абсолютно нормального человека. То есть, она и раньше об этом догадывалась, но сомневалась и часто думала, что что-то с ней не то. Потому что не может же так быть, чтобы она чувствовала одно, а весь мир кричал, что чувствовать надо другое; разве могут ошибаться сразу все, а не она одна? Но после общения с котом, после разговоров с Грэгором, после долгих раздумий Лиза уверилась наверняка — с ней все в порядке, а вот мир действительно сошел с ума. И если бы сейчас доктор предложил девушке съездить в город, она бы ни за что не согласилась. Отсюда, ехать, да куда — туда? Нет уж, увольте, ни за что и никогда!

— Рональд, да здесь всего наполовину! — отвлек девушку голос доктора со двора, негромкий, но очень возмущенный.

У Лизы разгорелось любопытство, Грэгор обычно не разговаривал с Роном в подобном тоне. Она вскочила с кровати и подошла к распахнутому окну. Всмотрелась вниз: у колодца стоял Рональд, и выхватывал у доктора неполное ведро воды. Грэгор противился и выпускать ношу не желал.

— Вам нельзя тяжелое носить, давайте я, — Рональд тоже не сдавался.

— Да не тяжелое оно, и нести недалеко. Рон, спасибо, конечно, но не настолько же я немощный и старый, — Грэгор таки отвоевал ведро. С победоносным видом сделал два шага к дому.

Рон опустил руки и грустно посмотрел ему вслед. Уголки губ медленно опустились вниз, выражение лица стало печальным, и издали он походил на собачку, которую несправедливо отругали. Лизе стало его безумно жаль, она смотрела на доктора мысленно упрасывая отдать несчастное ведро, ну ведь не трудно; Грэгор сделал еще шаг, потом еще один, потом вздохнул — Рону это не было видно, потому что он стоял за спиной доктора, а

вот Лиза разглядела четко; потом развернулся, отдал Рональду ведро, и сказал:

— На кухню надо.

Он ничего не ответил, но сразу засиял и быстро пошел к дому. А Грэгор посмотрел наверх, увидел улыбающуюся Лизу, развел руками — так, мол, и живем — и последовал за Роном.

Девушка отошла от окна и села на кровать. Увиденное ее, с одной стороны, растрогало, а с другой — немного напугало. Она только представила, что именно происходит в голове Рона, что он так себя ведет. Мало того, что везет на себе все-все хозяйство, так ведь и другим ничего сделать не дает. Слова Ярого сами всплыли в голове: Рон — сломанный. Он не чувствует себя свободным. Душа в цепях. Татуировка с лица не исчезает даже в мыслях, она в него вросла, вместе с сопутствующим грузом: взваливать всю работу на себя, даже тогда, когда не просят; слепо бояться владельцев, даже таких, как Грэгор; придерживаться многих правил, среди которых строжайший запрет на отношения со свободными людьми, несоблюдение которого карается жестоко. И весь букет страхов приправлен стремлением ревностно заботиться обо всех, кто проживает рядом. Дикий коктейль из противоречивых чувств и эмоций. Ведь он же любит Грэгора, не заметить это невозможно, но в то же время и боится. Это насколько же сильно его корежили с рождения, что для него страх перед владельцем настолько же естественен, как факт того, что небо — голубое? Неужели он и правда думает, что Грэгор его не поймет и не поддержит? Что сделает с ним что-то плохое?

Лиза вдруг подумала, как же ему наверное было непросто произнести вслух те самые слова и подарить цветы. С его стороны это почти что подвиг, хотя нет, не «почти», а самый настоящий подвиг. Несравнимый с жалким походом рыцарей из сказок, которые рубили головы драконам, чтобы спасти заточенную принцессу. У рыцарей и меч заточенный, и награда в лице принцессы, и почести за смелость и отвагу; а Рональд шел на настоящий риск, предполагая, что за совершенное его никто по голове не погладит. Это безусловно смелый поступок, безумно трогательный и нежный, как, впрочем, и он сам.

Но сколько еще ждать, когда Рон прозреет, когда поймет, что страхи в голове — напрасны? Когда подарит цветы, без просьбы и не оглядываясь на окна? Когда решится ее хотя бы поцеловать? Девушка очень этого хотела. Мечтала перед сном, как он, сам, по своей воле и без всяких предварительных намеков вдруг подойдет, обнимет, уберет за ухо надоедливую прядь. Да даже поцелуй не нужен, только бы подошел и провел пальцем по щеке. То чувство, когда кто-то убирает волосы с лица — бесценно. А потом чтобы обнял. Сильно и крепко. Так хотелось почувствовать себя в обнимающих руках! Интересно, а его руки на ощупь — какие? Теплые, горячие, грубые или не очень? А какой он на вкус? Как бы его распробовать, да так, чтобы поскорее? Как ему раскрыть глаза, без напора, без давления, как дать понять, что он — вовсе не игрушка, а замечательный и безумно красивый человек?

Почему она расслабилась и раскрылась за первую неделю жизни в новом доме, в то время как Рона лечат четвертый год, а он все еще не выбрался из клетки?.

Вечером Рональд по привычке взял в гостиной плед и отправился на поиск Лизы. Ему физически необходимо было побыть рядом с ней, хотя бы минут пять. Просто вместе посидеть, или попить чай, поговорить о ерунде — хоть что-нибудь, и чтобы она обязательно сказала «Спокойной ночи» прежде, чем уйти. Странно, но после ее пожелания спалось

действительно спокойно.

Вечер выдался особенно прохладным. Лизы на привычном месте, под яблоневым деревом, не оказалось. Книга лежала на скамье и холодный ветер перелистывал шуршащие страницы. Сама девушка чем-то занималась у крыльца, да так увлеченно, что не сразу заметила появление Рона.

— Лиза, — подал он голос, несколько секунд понаблюдав за ней. Она опять непонятно себя вела: сидела на коленях и высматривала что-то под ступенями. Ее странное поведение пугало. — Все хорошо?

— А? — вскинула девушка голову. — Рональд! Нет, все в порядке, я просто ищу сверчка. Ты слышишь, как поет?

— Ну да. Слышу, — задорный стрекот лился отовсюду. Когда на улице темнело, сверчки всегда начинали петь.

— А я ни разу их не видела! Не знаю, как они выглядят. Знаешь, — она встала, отряхнула колени и села на самую высокую ступеньку. — В детстве у меня была книжка. С картинками. Там был нарисован сверчок, но картинки в детских книжках совсем не похожи на настоящие. Там было странное существо, в шляпе и с тростью, в сапогах, а я не хочу представлять неправильных сверчков. Хочу настоящих. Но каждый раз, когда я слышу стрекот, то представляю того уродца в шляпе, — вздохнула Лиза. — Ты не торопишься? Посиди, пожалуйста, со мной.

Рональд обрадовался просьбе, посмотрел наверх, на козырек, надежно прячущий его от вида из окна, расслабился, расправил плед, накинул на плечи Лизы, хотя раньше подобной вольности себе не позволял. Но после подаренного букета всего лишь самому укрыть ее от холода казалось сущей ерундой.

Сел рядом и поежился от ветра.

— Сверчка трудно поймать. Они незаметные и прячутся хорошо.

— Жаль... — девушка плотнее завернулась в теплую ткань. — Можешь описать его так, чтобы я поняла, как именно он выглядит?

— Ну... он на кузнечика похож. И на таракана. Вы видели кузнечиков и тараканов?

— Видела.

— Так вот спинка у него с крыльями, как у таракана, а снизу он как кузнечик. Усы длинные, а лапки, которые прыгают, короткие. Голова шире, чем у кузнечика. А, и сзади, из брюшка, у него тоже что-то похожее на усики торчит. Нет, больше похожее на челюсти. Два длинных отростка.

— Брр, представляется что-то жуткое.

— Да нет, он не страшный. А размера вот такого, — Рональд показал пальцами расстояние в полтора-два сантиметра.

Девушка почему-то смотрела не на пальцы, а в лицо. И улыбалась, добро так. Рону сделалось неловко и одновременно очень хорошо.

— Какого он цвета? На ощупь твердый?

— Вроде бы, мягче, чем кузнечик... А цвета черного. Или нет... темно-серого. Или зеленого, но такого, болотного. Хотя нет. Он по цвету на землю похож. Или нет, — задумался Рональд и, обхватив себя руками, чтобы согреться, уставился вниз, на тропинку. — Я уже сам начинаю сомневаться, точно ли сверчка описываю.

— Вот и у меня так же. Вроде бы, все просто, а как задумаешься... А еще вот чего вспомнила. Светлячки. Я их возле леса в первый раз увидела. И я всегда была уверена, что

светлячки горят равномерно. А они мигают! Мне показалось, что в траве кто-то глазами сверкает, ну, крысы там, мыши, подошла ближе, пригляделась — светлячки! А потом другие появились, и так красиво стало. Волшебно. Как звезды на землю осыпались, — мечтательно протянула Лиза, перевела взгляд с неба на Рона и запнулась, мигом посуровев. — Ты почему мокрый?

— Я... — он посмотрел на себя, и сам только сейчас заметил. — Посуду торопился мыть, облился. Я не нарочно, — Рональд быстро спрятал вымокшие рукава за спиной, пытаясь понять, она просто спрашивает или ругает? Ну конечно, о чем он...

— Холодно же! А вдруг простудишься. Возьми, — строгий голос оборвал поток обличительных мыслей, и на колени приземлился плед. Секунды две Рон молча на него смотрел. Стало тепло. И даже жарко.

— Нет-нет, спасибо, мне нормально. Оставь себе. Замерзнешь же, — и переложил его на Лизу.

— Не спорь. Возьми.

— Нет, не возьму, — упрямо отвел протянутую руку. — Я же тебе его принес. Не надо. Мне так неудобно.

— Да у тебя рука, как лед! — перехватила девушка ладонь. — Нельзя же так. Идем домой. На кухне посидим, попьем горячий чай. Я у тебя вот еще чего спросить хотела. Про ромашки. Ты же в них разбираешься? Так вот, они...

Крепко сжимая руку и продолжая без умолку говорить, Лиза поспешно встала и потянула его в дом. Рон последовал за ней, стараясь даже не дышать; здравый смысл кричал, что так ему ходить нельзя, что не положено, опасно — а ладонь сама сдавила ее руку и не хотела выпускать.

Глава 16. Ад внутри, ад снаружи

Попасть в чужой мир — не самая радужная перспектива. Особенно, если новая реальность кардинально отличается от нормальной. Ярый до дрожи, до зубного скрежета ненавидел все, что окружало его с того момента, как с лица земли стерли его родной мир.

Люди другие.

Законы другие.

Вообще все — другое. Неправильное. Лицемерное. Ценности смещены. Ничего внутреннего. Все — внешнее. Абсурд. Бардак. Люди здесь додумались до вертикальной иерархии, которую Ярый до сих пор не мог понять до конца. Они гробили друг друга, и не понятно, из-за чего. Они говорили не то, что думали, и убивали друг друга ради бессмысленных вещей и во имя тех, кому до убитых не было никакого дела. Они придумали под сотню ограничений и сидели в них, как в клетках. В одинаковых клетках. Они заталкивали в клетки всех, до кого могли дотянуться. Они поголовно были черны, что их совсем не волновало.

Не люди. Нелюди. Шакалы.

Не мир, а сущий ад. Он с удовольствием бы выколол глаза, чтобы не видеть этого кошмара.

Но выбирать не приходилось. Себя он изменить не мог. Пришлось иметь дело с тем, что есть. Играть по новым правилам, но по своим законам. Подстраиваться и прогибаться. Сгорать от ненависти, от злобы, но делать вид, что с ним все хорошо. Выкручиваться, выискивать среди сплошь черной массы тех, кто был не безнадежен. Из тысячи таких попадались единицы. А время шло. Дом портился быстрее с каждым годом.

Надежда все исправить и вернуть на круги своя стояла перед ним и щурила зеленые глаза. У Ярого сложилось к ней особое отношение. Он ее не только не ненавидел, но и в какой-то степени боготворил.

— А тебе не скучно большую часть дня сидеть в темном домике? — мелодично спросила она. Опять нотки жалости в голосе. Они раздражали.

— Нет, девочка. Не скучно.

— А чем ты тут занимаешься?

— Просчитываю варианты. Сплю. Прокручиваю время вперед, — «слежу за вами» чуть было не слетело с языка. Он вовремя остановился.

— То есть?

— Слишком много вопросов. Ты заниматься пришла или вопросы спрашивать?

— Ладно-ладно, — девочка сострепала недовольное лицо. — Заниматься я пришла.

— Закрепим прошлый урок. Образы. Стань камнем.

Она задумалась. Потопталась.

— Ты знаешь. С лисой как-то попроще. Она живая. А представить себя неживой мне сложно.

— Не думай, живой образ или нет. Он просто образ. Давай. Как я.

Ярый сам лег на земле куском гранита. Девочка закрыла глаза, сосредоточилась — не вышло. Тогда она расслабилась и улыбнулась, растаяла и превратилась в бирюзовый камень, с мраморным узором, блестящий и большой. Ярый обволок его собой. Камень получился

превосходный — прохладный, гладкий, с выпуклыми прожилками. Настоящий.

Что ж, связь между домом и душой стирается. Сознательное переплывает в бессознательное. А это — очень хорошо.

— Теперь — стань тем, что ты есть на самом деле. Скинь образы, — дал он самое сложное задание. Если справится, то можно смело идти вперед.

Девочка сначала стала выглядеть так, как там, снаружи. Потом почесала за ухом лисой. Подошла, обнюхала гранит. Закрыла бусинки-глаза. И расплылась облаком. Она смогла!

— Урок усвоен, — промурлыкал Ярый котом, полностью перестроив пространство.

Ярый не умел хвалить, не видел смысла, зато он мог дать возможность испытать на себе новые чувства. Окунуть в пучину восторга — осязаемая награда, слова «ты справилась, ты молодец» — ничто.

— Ай! — вскрикнула она, приняла привычный облик и упала на четвереньки. Прохладный страх накрыл волной.

— Ха. Не бойся. Не упадешь, — как в молодости, улыбнулся Ярый. Сам, не прикладывая сознательных усилий. Ему нравилось наблюдать за ее реакциями. Чистыми, искренними. Нравилось настраиваться на ее эмоциональный фон. Он будоражил и заставлял чувствовать себя живым.

— Я-то знаю. Все равно страшно! — девочка поползла кругами, осторожно ощупывая прозрачную поверхность, находящуюся на уровне облаков, под которой простирались огромные и величественные горы Черного острова. Несколько затянутых дымкой вершин поднимались выше их незримой площадки, а вот снизу открывалось зрелище, захватывающее дух. Необузданная высота, от созерцания которой до сих пор даже у него появлялось чувство невесомости. Змеевидные заледенелые гребни, уползающие за горизонт; тонкие вены рек между ними; пики вершин, как добела заточенные копья.

— Так лучше? — волны ее страха стали ощутимо холодными и неприятно-липкими. Наспех созданное непрозрачное плато под ногами поменяло настроение девочки. Теперь оно стало теплым и приятным.

— Гораздо! Какая красота! — уже без боязни встала и подошла к краю площадки, заглядывая вниз.

Бурлящий восторг защекотал нервы.

В полной мере насладившись вкусными, насыщенными эмоциями, Ярый убрал горы. Повзрослел — лет до сорока — в таком виде она воспринимала его наиболее серьезно. Сосредоточился и прошелся вперед-назад.

— Садись, девочка. И слушай.

Она послушно села.

— Сегодня ты должна войти в себя.

— В себя? Сегодня? А я готова? Это и есть обещанный сложный урок? — как всегда, задала она слишком много вопросов.

— Да, в себя. Нет, не готова. Чтобы преодолеть первый барьер и научиться, требуются месяцы и годы. У нас столько времени в запасе нет. Ты сможешь войти в себя сегодня, если выпьешь настой, тот, что пила в первый раз, и позволишь мне ввести тебя в транс. Если полностью подчинишься мне. Так мы процесс ускорим.

— Тебе опять станет плохо и ты будешь долго приходить в себя? — нотки жалости снова закрались в голос. Но сейчас они не злили, а обнадеживали. Она переживает за него, а это очень, очень хорошо.

— Нет. Ты же не хочешь, чтобы мне было плохо? — вкрадчиво продолжил он.

— Конечно, не хочу.

— Поэтому, мы поступим по-другому.

— Как?

— А ты подумай. Ты должна догадаться сама. Если я сам дам тебе выпить настой, то мне будет плохо. Если я введу тебя в транс — мне опять будет плохо. Как сделать так, чтобы и тебя в транс ввести, и мне плохо не сделать?

— Хм... а как?

— Если я скажу, то не зачтется. Думай, девочка. Ду-май.

— Хм... так-так... — она нахмурилась, ладонями потерла виски. — Так... погоди! Я, кажется, догадалась. Мне надо самой взять пузырек и выпить настой трав, не потому, что ты так хочешь, а потому что я того хочу; а потом попросить тебя, чтобы ты ввел меня в транс? Взять всю ответственность на себя, тебе останется только выполнить просьбу — а от этого плохо не станет, ведь так?

— Именно, — выдохнул Ярый, в очередной раз убеждаясь, что не ошибся в ней. — После первого раза второй дается гораздо легче. Так ты быстрее научишься. Переход упростится и ускорится. Пойдет привыкание.

— Да-да. Я поняла.

— А теперь перейдем к деталям. Слушай внимательно. Чтобы войти в себя, в норму, ничего не требуется. Только желание и практика.

— А зачем ты пьешь кровь, чтобы впустить кого-то?

— Хороший вопрос. Все мы прочно связаны, намертво прицеплены к удерживающим нас здесь домам.

— Телам?

— Да. И, чтобы впустить в себя другого, нужно одну из удерживающих нитей переместить в свой дом. Создать мост, по которому другой перейдет в тебя. Это не обязательно должна быть кровь. При особой близости душ достаточно пота или слюны. У нас такой близости нет. Поэтому я беру. Твою кровь. Понятно?

— Понятно. То есть, иногда достаточно просто поцелуя, да? — девочка определенно задумалась о сломанном. Мысли свои она закрыла, но чувства скрыть невозможно, и обволакивающая теплота, невесомая, светлая, накрыла и Ярого.

— Да, — он выдержал паузу, пропуская через себя волну нежности. Вкусную.

— А теперь слушай. Внимательно, — продолжил он, когда поток тепла сошел на нет. — Это важно. Нормальная душа изнутри выглядит так, — обвел рукой белое пространство. — У тебя душа черна. Она будет выглядеть иначе. Не бойся. И ничего в себе не трогай. Осмотрись, пройдишь, запомни то, что увидишь, запомни ощущения. Потом я научу тебя впускать в себя других. Вместе мы приведем твою душу в порядок. Одна не пытайся. Сделаешь хуже. Тебе понятно?

— Понятно.

— Далее. Когда почувствуешь прикосновение к дому...

— К телу?

— Да. Ты четко почувствуешь это. Так же, как здесь чувствуешь. Я сейчас трогаю тебя там. Чувствуешь?

— Да. За руку.

— Именно. Немедленно возвращайся. Немедленно. Незамедлительно, управляти

временем в себе ты еще не умеешь. Час здесь может показаться вечностью там. Вернуться просто, нужно...

— Просто захотеть?

— Да. Именно. Это как выйти из меня. Захотела — вышла. Выходить сразу ты уже умеешь. Прикосновение — ты возвращаешься. Если станет не по себе, страшно — не жди прикосновения, выходи сама. Все понятно?

— Понятно, — излишне напряженно ответила она. Наверное, не стоило заранее настраивать девочку на негативный лад.

Ярый быстро вырастил траву. Короткую, зеленее глаз ее, мягкую, какой она в реальности никогда не бывает. И цветы. Герберы, желтые, побольше. Девочка провела пальцем по бархатному лепестку, едва заметно улыбнулась — напряжение стало спадать.

— Откуда ты знаешь про желтые герберы? Я же закрыла мысли от тебя. Как ты узнал?

— Ха. Я не могу тебе сказать, — теперь разволновался Ярый. Опрометчиво было воссоздавать именно эти цветы, но исправляться поздно. Говорить прямо тоже нельзя, она воспримет остро; но можно переложить задачу на нее. — Ты поймешь сама, если...

— Подумаю?

— Да, именно. А теперь — пора. Выходим, — и сам поспешно вытолкнул ее.

Ярый никогда не выходил полностью. За годы он научился присутствовать наполовину и здесь, и там. Потому что погружаться целиком в наполовину разрушенный дом было физически невыносимо.

Девочка распахнула глаза, потянулась. Вопросы не стала задавать, сосредоточилась на предстоящем уроке. Встала. Шагнула к полке, взяла пузырек.

— Все выпить?

— Два. Три. Глотка. Достаточно.

— Понятно.

Вытащила пробку, отпила три крупных глотка. Лицо скривилось. Убрала настой на место, села напротив, взмахнула головой, откидывая волосы назад.

— Ярый. Введи меня, пожалуйста, в транс. Помоги войти в себя.

Он в очередной раз порадовался ее догадливости. Девочка все сделала правильно, сказала нужные слова, и бремя ответственности упало с плеч. Ярый устал испытывать на себе ответные удары. Они тяжело давались и выматывали его, выжимали. Дом и без того гнил. И когда к нему добавлялась боль душевная — состояние ухудшалось стократ.

Ярый взял девочку за руки. Посмотрел в глаза. Настроился на эмоциональный фон, выжидая подходящего момента, когда мозг ее наполовину уснет, а тело расслабится. Заговорил на своем языке. Медленно и едва слышно. На нем проще говорилось. Не прерывисто. Девочка не понимала смысла слов, но понимать его и не нужно — вибрация голоса настраивала на нужный лад, интонация задавала верное настроение, гипнотизирующий взгляд отключал способность соображать.

Она обмякла, целиком отдавшись его воле. Взгляд девочки остекленел. Пора.

— Войди в себя, — все так же пристально смотря в ее глаза, сказал он.

Девочка сползла на пол и головой легла Ярому на колено. Веки сомкнулись. Она действительно ушла в себя. Все получилось!

Снаружи Ярый остался беспристрастным. Внутри же он пылал огнем, и его привычный образ сидел на ослепительном пространстве с раскрытым ртом, запустив пальцы в волосы — он до сих пор не верил, что прошло удачно. Что сделан очередной, пожалуй, самый сложный шаг, после которого события начнут стремительно развиваться, и еще немного, еще чуть-чуть — и девочка будет готова. Она уже проделала огромный путь. Осталась малость. Вычистить ей душу. Обелить. Дождаться, когда она сама сломает последние барьеры. Пройдет неделя. Или две. И тогда, тогда девочка не сможет отказать, потому что станет полностью такой же, как и он, станет своей, и все поймет, поможет! Образ согнулся и задрожал, потом распался на пылинки.

Прошло минуты две. Более, чем достаточно. Ярый положил руку ей на плечо, потряс. Она не воротилась. Потряс сильнее. Она по-прежнему спала.

Встряхнул ее двумя руками. Вцепился в плечи так, что на коже остались синие отпечатки — и тут же по его собственным плечам растеклась чужая боль. Ушел в себя поглубже, боль стихла.

— Девочка. Девочка. Девочка! — выкрикнул, довольно громко, продолжая ее трясти.

Она не реагировала. Ярый впал в панику. Что-то определенно шло не так, девочка не могла не чувствовать и не слышать; но что именно случилось, он не мог понять. А время шло. Она была в себе минуты три, а это очень много. Там три минуты как час здесь, и, если ее не выдернуть сейчас же, она может застрять в себе на годы, сойти с ума, ведь неокрепший разум не подготовлен к вечности наедине с собой. Это жестокая пытка, она не выдержит, она еще слаба, медлить категорически нельзя.

Самый верный способ вернуть на место заблудшую душу — доставить ее дому боль. Довести его до грани. Душа почувствует опасность и вернется, чтобы успеть себя спасти. Не мешкая, Ярый локтем надавил на шею девочки, начал ее душить. Одновременно и его шею сдавил незримый обруч, Ярый задышался, хрипел, но продолжал усиливать нажим. Перед глазами помутнело, еще чуть-чуть — и он бы умер сам, но девочка в себя не воротилась. Все так же лежала на полу, как тряпичная кукла. Его последняя надежда. Его соломинка.

А время шло.

Действовать необходимо очень быстро. Оттуда телом управлять непросто. Реакция не та. «Я хочу выйти», — решился на отчаянный шаг Ярый, и полностью влился в себя. Дыхание перехватило, сеть мелких судорог пробежалась от головы до пят. Он схватил тело девочки на руки и быстро побежал к воде.

Топить. В ледяном озере. Это должно помочь. Такую встряску не заметить невозможно. Она вернется. Ее нельзя терять! Но что, что могло пойти не так?! — Ярый до сих пор не знал. Влетел в воду, зарычал — она казалась огненной, жгучая боль пронзила и без того ломящееся тело — встал на колени, опустил девочку на дно, чуть подержал. Она вдохнула — и Ярый сам едва не захлебнулся, выдергивая тело из воды. Трясло от холода, легкие жгло, глотку от кашля раздирало. Дошел до берега, случайно выронил ее, сам рухнул рядом — теперь чужая боль разлилась по голове.

Девочка не возвращалась. Не помогало ничего. А время неумолимо шло.

Болело все. Боль вечный спутник здесь, снаружи. Дом разрушается и заживо гниет. Терпеть — почти невыносимо. В глазах поплыл сизый туман. Хотелось выть и рвать кожу лоскутами, так, как он делал раньше; но некогда жалеть себя. Ярый закрыл глаза, пытаясь отречься, взять передышку, отключиться, подумать там, тем самым сэкономя драгоценные минуты, но вспомнил про живот. Ребенок. Пустой дом. Незрелый. А что, если она вошла

туда?! Если в расчеты закралась глобальная ошибка?!

Внутри нее два дома. Два!

Как выдернуть ее оттуда?!

Способ один. Способ прискорбный. Иного варианта нет.

Подвывая, почти не видя из-за красной пелены, он разорвал платье девочки и оголил живот. Приложил к нему ладони. Настроился. От страха задрожал. Внутри начался ливень.

Провел по себе рукой, подхватывая красные нити боли. Собрал колышущийся шар. Поднял глаза к небу, прося у него сил. Выдохнул. Плавно втолкнул шар в маленькое тело. Торопясь, чтобы не передумать. Заранее сжимаясь, зная, к чему это приведет.

С диким, режущим слух воплем, девочка выгнулась и очнулась. С хрипом вдыхая воздух, приподнялась на локте и откашлялась водой. Со стоном схватилась за живот. Мутным взором обвела пространство, и вскоре с ужасом смотрела на него.

Ярый перекорежился от боли. Наверное, опять ошибся, опять не рассчитал, и сделал маленькому дому хуже, чем было нужно. Все окончательно испортил. Теперь надежда одна, на козырную карту. Слабая. Потому что рано, рано, слишком рано!..

Прошла мучительная секунда, Ярый перестал контролировать себя и утратил способность соображать. Сердце без ритма колошматило по ребрам, вены вздыбились, готовые взорваться. Все чувства обострились, боль усилилась стократ. Тело скрутило. Сосуды лопались в глазах.

Девочка закричала. Громко. Невыносимо. Крик иглами втыкался в мозг и буравил его насквозь.

— Уйди, — как зверь, зарычал Ярый. — Уйди! Уйди!!!

Она, сперва ползком, после вскочив на ноги, ринулась в чашу; Ярый, издав нечеловеческий вопль от адских судорог в груди, обмяк и лег на землю. Перед глазами все померкло, и стало хорошо. Тихо. Спокойно.

Очередная смерть. Увы, опять не навсегда.

Глава 17. О тотальном взаимонепонимании

Рональд косил на заднем дворе, почти у самого леса. Получалось плохо. Неудобная коса или втыкалась в землю, или скользила по поверхности травы, или просто прогибалась ее под собой — делала все, что угодно, но не срезала. Но Рон упорно продолжал делать вид, что очень, очень занят, чтобы как будто бы случайно столкнуться с Лизой, которая вот-вот должна была прийти, и чтобы Грэгор не догадался, что он намеренно ее тут поджидает. Потому что последние дни Рональд слишком уж навязчиво крутился возле нее, подозрительно навязчиво, и, стыдно признаться, совсем запустил сад, потому что в свободное время мчался не к цветам, а к Лизе.

Утром он был готов умолять и упрашивать девушку, чтобы она никуда не ходила с лесным чудовищем. Потому что своими же глазами видел: Ярый меняет Лизу, и не в лучшую сторону. Она все чаще уходила в себя. Смотрела отрешенным взглядом — точно таким же смотрело чудовище. Странно себя вела. Подолгу щупала предметы, зачем-то нюхала их, пробовала на вкус. Говорила непонятные вещи. Задавала странные вопросы. Сверчки, ромашки, светлячки... Это пугало. На нее было больно смотреть. И Рон едва не ринулся за Лизой, когда после завтрака она встала с супругом и ушла вместе с ним, и только присутствие за столом Грэгора удержало от опрометчивого шага.

И Рональд понимал, что пропал. Совсем. Вчерашний вечер послужил последней каплей и все в нем перевернул. Он знал, что не сегодня, так завтра, но выдаст себя, выдаст с головой, уже выдает. Его трясло от собственного бессилия. Он хотел Лизу, хотел прижать к себе, отдаться, растаять в ее руках; хотел разобраться, что происходит, что именно они там делают, при чем тут Грэгор, зачем он так поддерживает Ярого. Почему жизнь так несправедлива и почему ему досталась роль обычного помощника, незначительного, которому не полагается знать всё, но тут же одергивал себя, сгорая от стыда, потому что понимал, что ему непозволительно роптать на и без того излишне благосклонную судьбу, и что роль помощника в его ситуации — непозволительная роскошь. Что, не попади он сюда, то от него осталась бы только тень, забитая и нелюбимая никем. Когда Рональд вспоминал, как он жил там, ему становилось дурно. И самым страшным кошмаром было бы вновь попасть в тот ад. В котором он никогда бы не познал и десятой доли той гаммы непередаваемых чувств, безумно прекрасных, разрывающих его сейчас изнутри. Окрыляющих. От которых хотелось смеяться и плакать одновременно. Он мог бы всего этого не знать, а ведь после всего испытанного здесь жизнь уже казалась прожитой не зря. И ему следовало бы быть благодарным, судьбе, Грэгору, Лизе и даже Ярому, а не лезть на рожон и сетовать на несправедливость.

Но не думать о Лизе не получалось. Не ненавидеть Ярого и понять Грэгора тоже не получалось. И самое паршивое — девушка до сих пор не воротилась. А она никогда не уходила настолько надолго, что озадачивало и почему-то злило. Злило так, что после очередного взмаха коса неожиданно срезала траву, точно бритвой. А Рональд стоял, смотрел на ровную выкошенную дугу и чувствовал себя дураком, потому что один только факт того, что он схватил косу, до которой ни разу за три года не притрагивался, и ушел туда, где траву никогда не косили, по идее, должен был насторожить Грэгора, и он, размахивая тут руками больше часа подряд, только привлекает его внимание — но почему-то лишь сейчас это

понял.

«Скоро все всплывет», — окончательно уверился Рональд и поник, но потом произошло такое, что все мысли до единой начисто вылетели из головы. Он услышал ее истошные крики, пронзительные, отдающиеся эхом в ушах, от которых в жилах вскипела кровь, а рассудок помутился. А после — нечеловеческий рык Ярого. Сердце подпрыгнуло, страх объял все его существо, и Рональд, совершенно не контролируя себя, отшвырнул косу и помчался в лес, не разбирая дороги. Когда он нырнул в чащу, вопли пропали. Громко хлопая крыльями, над деревьями врассыпную разлетелись птицы, и стало до жути тихо. Боясь, что не успеет, Рон ускорился. Быстро-быстро забарабанило сердце, когда впереди показался дом с настежь распахнутой дверью — он влетел туда, едва удержав равновесие на пороге, осмотрелся и отшатнулся назад.

Внутри никого не оказалось.

Он выскочил наружу, растерянно посмотрел по сторонам, закрыл глаза, прислушался. На обычно тихом озере сегодня подозрительно громко квакали лягушки, словно их что-то испугнуло, и Рональд не мешкая побежал туда кратчайшей дорогой, напролом через кусты, не успевая уворачиваться от хлещущих лицо тонких веток. Рон мчался и не знал, что вместе с ним к озеру стекаются и тени, что они кружат вокруг него, пролетают насквозь, что он находится в эпицентре тугого потока, и только чувствовал легкое покалывание в тех местах, где они прикасались к коже.

Покалывало все тело.

Вот показалась водная гладь. Берег. Тело на нем. Рональд сбавил ход и с опаской приблизился — на земле, в неправильной, скрюченной позе лежал Ярый и не шевелился. Он выглядел мертвым. Волосы его смешались с грязью и слипшимися прядями разметались по земле, на тело налипла тина и подсохла на солнце замысловатым узором, широко раскрытые глаза стали казаться светлее из-за белесой пелены. Он не дышал. Лицо застыло в гримасе боли. Рон едва не закричал от ужаса, закрыл рот ладонью, подавил рвотный позыв и с трудом отвел взгляд от жуткого зрелища. Сделал пару шагов и рухнул на колени.

«Лиза, Лиза, Лиза», — стучала по вискам одна и та же мысль. Если чудовище мертво, то что случилось с ней, куда она пропала, жива ли и где ее искать? Взгляд зацепился за обрывок ткани, от ее платья, зеленого. Трясущимися руками Рональд подобрал лоскут и поднял взгляд выше. Увидел следы на берегу, совсем свежие. Одни вели к воде, исчезали в ней и возвращались обратно, большая стопа, определенно Ярого; другие, помельче, вели в чащу. Неровные, смешанные с отпечатками ладоней и округлыми ямками от, наверное, коленей. Она как будто спасалась от чего-то ползком, но, раз Лиза могла ползти, значит, она еще жива — Рон немедленно поднялся на ноги и побежал по следу. Воображение рисовало самые страшные картины того, что могло случиться, а страх за нее затмевал разум. Рональд закрыл лицо руками и бросился в чащу, туда, где за тонкие ветви зацепилось платье и оставило след в виде зеленых ниток.

Следы быстро потерялись. Некоторое время еще получалось ориентироваться по надломленным веткам и разворошенным листьям, но скоро стало казаться, что ветки надломлены во всех направлениях, и листья только-только переворошили вообще везде. Рональд застыл на месте, беспомощно осмотрелся, после сообразил что-то и громко закричал:

— Лиза! Лиза!!!

Чуть в стороне услышал совершенно отчетливый всхлип, и уже через несколько секунд

раздвигал густые ветви в нетронутой части леса. Из-за обильной зелени он впереди практически ничего не видел, и чуть было не вскрикнул, когда лицом к лицу неожиданно столкнулся с Лизой. Ее глаза безумно вращались, пока не сфокусировались на нем. Дышала она тяжело. С мокрого, разорванного платья стекала вода, а на шее и на плече виднелись отпечатки пальцев.

Наверное, ее душили. Топили. Пытались удержать насильно. Но она была жива. Жива. Жива!

— Рональд? Рональд! Рональд, это ты! — взвизгнула девушка и бросилась к нему, заключив в крепкие объятия. — Это ты, это правда ты, я не верю, что это действительно ты, как же я по тебе соскучилась, ты даже не представляешь, как я по тебе соскучилась!.. — прижималась она все сильнее, и сильнее, а сама вздрагивала всем телом и дрожала. Холодная. Мокрая. Рон обхватил ее руками, пытаясь согреть, и чувствовал, как в груди разгорается ярость — никто и никогда не вправе ее трогать, с ней так нельзя!

— Что он с тобой сделал? Лиза, что с тобой, что ты такое говоришь, успокойся, пожалуйста, все хорошо, это я, да, я, — Рональд стянул с себя рубашку, набросил на ее плечи, запахнул спереди и опять прижал девушку к себе. Обнять, он так давно хотел ее обнять, но не вот так, не здесь, и не такую!..

— А-ах, да, мне так холодно и как же я хочу есть! Рональд, число. Скажи, какое сейчас число? Просто, вот, смотри, — сбивчиво заговорила Лиза и зачем-то поднесла к его глазам запястье. — Видишь? Видишь?! Я сама только недавно заметила, и совсем запуталась. Прокол свежий совсем. Даже коростой толком не покрылся! — ее глаза загорелись огоньком сумасшествия. — Времени прошло немного! А мне показалось, что я там навсегда останусь, понимаешь?! Я... да я... я... как будто дня три там провисела, или неделю, и как же мне хочется поесть!

— Лиза, не надо, хватит, пожалуйста, идем домой, завтрак остался, я разогрею, да что с тобой? Лиза, ты меня слышишь?

— А знаешь, что самое странное?! — возбужденно продолжила девушка, не обращая внимания на его слова. — Я хотела выйти, а не могла, совсем! Да я чего только не перепробовала, а не вышло ничего! Понимаешь? А еще, еще он говорил, что что-то там определенно будет, а там вообще ничего не было, но это не самое странное! Мало того, что там не было ничего, так и я ничего не могла сделать! Ни образ поменять, ни изменить хоть что-то — у меня вообще ничего не получалось! Я там, как облако, была, все это время, а сейчас руки-ноги, ртом говорить, так непривычно!

— Лиза. Лизонка, все хорошо. Идем домой, — ласково ответил Рональд. От бреда девушки щемило сердце. Она сошла с ума — сомнений не осталось; всё из-за подлой твари, на его глазах, а он ни-че-го не сделал и не сможет сделать. Рон мягко отстранился, крепко взял Лизу под локоть и, раздвигая ветви, повел ее к тропе. Лиза послушно шла за ним и не переставала возбужденно говорить:

— А после я почувствовала толчки, едва различимые, вроде бы как сигнал, как мы и договаривались. Но у меня опять ничего не вышло, хотя я уже больше всего на свете хотела выйти оттуда! Рональд, ты себе не представляешь, как страшно было там, одной!.. А потом... потом я не совсем поняла, что произошло — но меня выдернуло, резко, и я очнулась там, на берегу, вот в таком вот виде, и он, совсем рядом, ему плохо было, понимаешь? Он так кричал, так страшно, а я не соображала ничего, сбежала, бросила его, думала, что он намеренно меня там запер, боялась, что на вечность, что я не выйду никогда и никогда вас

не увижу. Но ведь Котик не мог сделать мне плохо, не знаю, что произошло, но это явно было не нарочно! А сейчас, когда я поняла, что времени прошло чуть больше, чем обычно, то пришла к выводу, что все, о чем я думала в те три дня или неделю, которой не было — ошибочно! Потому что и той недели не было! Понимаешь? Ведь ты же меня понимаешь?.. — на едином дыхании выпалила она и жалобно, с надеждой, посмотрела в глаза.

— Конечно, да, — на всякий случай соврал Рональд, стиснул ее ладонь, а сам отвернулся и от бессилия чуть было не заплакал. Он подумал было о том, что, наверное, Грэгор сможет помочь Лизе, приведет ее в чувство, ведь он же доктор, он должен уметь; потом с горечью сообразил, что хозяин заодно с Ярым. И Рон уже не понимал, кому можно верить, кому нельзя, но точно знал одно — Лизу надо спасать, не подпускать к той твари, дело и без того зашло излишне далеко. Но в то же время Рон отдавал себе отчет, что, начини он препятствовать, его отсюда вышвырнут. Он собственность владельца, и должен делать то, что Грэгор говорит — сближать девушку с Ярым и не мешать им. Не мешать! А как им можно не мешать, если тварь бьет ее, душит и топит, сводит с ума, при этом Лиза чудовище защищает и называет «котиком», а Грэгор видит всё и не предпринимает ничего?!

— Лиза! Рональд! Рональд, Лиза, вы где?! — с озера взволнованно кричал некстати помянутый хозяин. Рон сориентировался, понял, что заплутал, свернул, пошел на голос, все так же крепко удерживая Лизу, и не зря — едва закончились последние кусты и она увидела чудовище лесное, все так же безжизненно лежащее на берегу, то замерла, а после резко рванула вперед и громко закричала:

— Котик! Что с Котиком?! Почему здесь тени?! Рональд, пусти! — она отчаянно задергала плечом, пытаясь высвободиться. Ее пришлось схватить двумя руками и сильно придавить к себе.

— Лиза, ты как? Рональд, не выпускай ее!.. — подбежал к ним бледный, запыхавшийся Грэгор. — Ты целая? Смотри на меня! Ты в порядке? Лиза?!

— Пусти меня! Пусти, пусти! — словно оглохнув, рвалась девушка вперед.

— Лиза, послушай, к нему пока нельзя. Все будет хорошо. С ним так иногда бывает. Поверь мне. Пожалуйста, иди домой. Я скоро подойду. Все объясню. Ты меня слышишь? Лиза. Лиза! — хозяин с силой потряс девушку за плечи. Она, словно очнувшись, перестала вырываться и кричать — но ослаблять хватку Рональд побоялся.

Лиза прислушалась. Перевела взгляд на Грэгора. На распластавшуюся тварь. Задумалась. Расслабилась. Кивнула.

— Рональд, отведи ее домой. Следи за ней. Не оставляй одну. Я скоро подойду. Ну же, давай, не стой, быстрее! — нервно прикрикнул на Рона Грэгор, махнув в сторону дома рукой.

Рональд стиснул зубы, крепче схватил Лизу и торопливо пошел по тропе. Обернулся через плечо — хозяин склонился над Ярым, что-то ему говорил, тварь вроде бы пошевелилась.

Чудовище не умерло. Какая жалость!

Он отвернулся и ускорил шаг.

На душе скребло. Лиза понуро брела рядом, опустив голову, и больше всего на свете хотелось обнять ее, встряхнуть, раскрыть на все глаза, и никогда, пусть даже силой, но не пускать к той твари в лес, но... Хозяин только что впервые повысил на него голос. Он — собственность владельца. И должен делать то, что Грэгор говорит.

Глава 18. Как взрываются люди

«Он же не понимает меня. Он же, наверное, думает, что я сошла с ума...» — внезапно осенило Лизу, когда Рональд вывел ее из лесу. Первоначальное потрясение немного улеглось. Девушка пришла в себя. Начала думать трезво и что-то понимать. И сейчас она очень сожалела, что под порывом эмоций так много всего наговорила Рону. Украдкой посмотрела на его сосредоточенное и хмурое лицо, пошевелила рукой, которую он так крепко держал, что она болезненно покалывала. Высвободиться не стала, понимала, что сейчас Рональд так просто ее не оставит, и продолжила послушно перебирать ногами.

Рон довел девушку до дома и пропустил на крыльце впереди себя. Лиза толкнула дверь, вошла вовнутрь и первым делом направилась на кухню, где схватила кусок хлеба со стола и тут же жадно вгрызлась в него зубами. Рональд последовал за ней, остановился в проеме и оперся двумя руками о косяк, надежно перекрывая путь к отступлению.

— Со мной все в порядке, — роняя на пол крошки, попыталась Лиза успокоить его.

Рональд прикусил нижнюю губу и отрицательно махнул головой. Крепче вцепился в косяк.

— Я не уйду никуда. Честно, — проглотив крупный кусок, продолжила она. — У меня просто... просто... Рональд, ну не смотри на меня так! Ну что, что мне сделать, чтобы ты мне поверил?!

— Он тебя душил. Топил. А ты его «котиком» называешь... — сказал наконец хоть что-то.

— Да пойми же, я его так называю, потому что он — кот, а Ярый — не настоящее его имя! И не меня он душил, меня там вообще не было!.. Просто, оболочка же... Он вернуть меня пытался, потому что я застряла, Рональд, понимаешь? Я бы по-другому не вышла. То есть, — глаза напротив закрылись, брови нахмурились. — Наверное, это и правда звучит, как бред, — Лиза сильно расстроилась, опустила руки. Уже ненужный ломоть хлеба упал на пол, почему-то ощущение сытости пришло от одного проглоченного куска.

Вид у девушки стал настолько несчастным, что Рон не выдержал, оставил пост и подошел чуть ближе. Остановился в паре шагов. Но сделать что-то еще не решился. Стоял и смотрел. А после пережитого Лизе больше всего на свете хотелось, чтобы он просто подошел и обнял ее, крепко, по-человечески, а не стоял вот так, с неверием в настороженном взгляде — от него такого в груди что-то больно кололо.

Девушка всхлипнула.

— Рональд, я соскучилась, — подняла она на него глаза. — Рональд, ты меня не понимаешь, но я очень по тебе соскучилась. Рон, я так боялась, что останусь там навсегда. Рональд, мне так страшно никогда еще не было. И я так боялась, так сильно боялась, что не увижу тебя никогда, да я о тебе больше всего думала. Рональд, почему ты мне не веришь? Рональд, я... мне... обними меня. Сейчас. Сильно. Крепко. Рональд, иначе я с ума сойду. Рональд, не стой. Рональд! — перешла она на крик.

— Лиза, Лиза, Лизонка, я... я верю тебе, просто это все... Я не понимаю ничего, мне страшно за тебя очень, Лиза, не плачь, пожалуйста, — в следующую секунду Рональд с силой прижимал к себе девушку, так, как она и хотела — Лиза уткнулась ему в шею, зажмурилась, пальцами вцепилась в спину, и нащупала жесткий, давно зарубцевавшийся шрам — глаза ее

расширились, и она уже не смогла удержать слезы.

— Лиза, я очень тебя люблю. Очень сильно. Слишком сильно, — говорил он те самые слова, которые Лиза хотела услышать больше всего на свете; гладил по волосам и вытирал ладонями слезы. — Ты все для меня, правда, я не переживу, если... с тобой... если... — вдруг запнулся он и ослабил объятия. Девушка подняла глаза, обернулась — и увидела Грэгора в дверях. На нем лица не было.

Он смотрел на них. И все слышал.

Девушка перевела взгляд на Рональда. Она никогда не видела, чтобы люди бледнели так стремительно.

— Нет. Нет, нет, нет, — прошептал Рональд и в следующую секунду с силой оттолкнул Лизу от себя — она отшатнулась к столу, вскрикнула, и, чтобы не упасть, схватилась за стул — тот с грохотом повалился на пол. — Я не... — попятился. Быстро перевел взгляд с Грэгора на Лизу, она прижалась к столу и испуганно смотрела на него. — Лиза, я... что я наделал... Лиза, Лиза, прости меня!.. — перевел взгляд на Грэгора. — Я не хотел! — голос заметно задрожал. Руки умоляюще прижались к груди, глаза наполнились влагой.

Лиза переглянулась с Грэгором. Он был растерян не меньше, чем она сама.

Рональд медленно опустился на колени, посреди кухни, между ней и доктором, и переводил взгляд с нее на него, с него на нее и обратно.

— Простите меня. Простите меня. Что я наделал. Простите меня. Лиза. Грэгор. Лиза хозяин, Грэгор, простите, простите, простите! — в его голосе появилась истеричная нотка, руки и губы мелко задрожали, глаза быстро-быстро заморгали.

Грэгор схватился за голову. У Лизы затряслась душа.

— Рональд, прекрати. Встань, — попытался вразумить его Грэгор, но слова прозвучали слишком громко и резко, и Рон перепугался еще сильнее.

— Не злитесь. Не злитесь. Я люблю ее. Я ее обнимал. Дарил цветы. Ухаживал. Я вас подвел. Не оправдал доверия. Я больше никогда не притронусь к ней. Близко не подойду. Только простите меня. Простите, простите, Лиза, прости за то, что я сейчас сказал, но мне по-другому нельзя, я сильно тебя люблю, но мне нельзя, нельзя, нельзя, нет мне прощения, я тебя толкнул, обидел, мне нельзя к тебе приближаться, я чудовище и ненавижу сам себя. Делайте со мной, что хотите, я заслужил, что угодно, что хотите, только, пожалуйста, смиростивитесь, не выгоняйте меня, я без вас не смогу, я что угодно сделаю, не буду вам мешать, пожалуйста, хозяин, не выгоняйте меня, я там не смогу, я без вас всех не смогу, я вас всех слишком люблю, оставьте меня, не выгоня-а... — голос у Рональда сорвался, по щекам покатились крупные слезы. Он спрятал лицо в ладони, сжался и задрожал всем телом.

У Лизы сердце кровью обливалось. Такого она еще никогда не видела. Девушка растерялась, ей очень хотелось помочь ему, ей невыносимо было смотреть на все это, но как, что для этого нужно сделать, она не знала. Она сама стояла и роняла слезы, и не за себя, а за него. «Он сбросит цепи. По кусочку. Звено за звеном. Но ему будет очень больно», — вспомнила Лиза слова Ярго. Но девушка и не представляла, что это будет происходить вот так.

— Лиза, оставь нас. Не ходи в лес. Ярому нужен покой. Я надеюсь на тебя, — Грэгор быстрее вернул самообладание. И девушка не стала с ним спорить, она понимала, что сейчас он Рональду нужнее, что он оказывает на него большее влияние; поэтому стрелой метнулась к выходу, прикрыла за собой дверь, оставив узкую щель — и припала к ней одним глазом.

А без нее Рону стало еще хуже. Наверное, для него весь мир рухнул, стоило ей оставить

его наедине с владельцем — он сгорбился, хотел что-то сказать, но голос срывался, дыхание перехватывало, и наружу вырывались совершенно бессвязные звуки. И было видно, что он сейчас боится Грэгора больше всего на свете: попятился ползком, спасаясь от него, пока не уперся спиной в стену, накрыл голову руками, замер — а тот приблизился к нему и молча сел рядом, бок о бок. Положил руки Рону на плечи, подтянул к себе, обнял, погладил по волосам — точно так же, как еще минуты две назад Рональд гладил ее саму. Перед глазами поплыло, Лиза быстро утерла глаза рукавом льняной рубашки и опять припала к щели.

— Ш-ш-ш, тихо, Рональд, тихо, — с очень теплой интонацией негромко сказал Грэгор, продолжая подтягивать не сопротивляющегося Рона к себе, пока тот не лег головой головой ему на грудь, продолжая трястись, как от сильнейшего озноба. — Все хорошо. Никто на тебя не злится. Ты меня не подвел. Все хорошо. Ничего страшного не произошло. Я тебе все объясню. Ну же, маленький, все, тихо, тихо, тихо, — терпеливо говорил он и гладил его по спине, по плечам и волосам, долго, все время что-то приговаривая, пока мышцы у Рона не перестали напрягаться от прикосновений, как перед ударом, а дыхание не перестало клокотать. — Ну что ты такое говоришь? Ну как мы можем тебя выгнать?.. А мы, без тебя, как?

Рональд отвернул лицо и уткнулся ему в грудь. Поднял одну руку. Вцепился в одежду, зажав ткань в кулак.

— Вы правда не злитесь? Правда? — дрожащим голосом, все еще недоверчиво, переспросил он.

— Ох, Рональд, чудо ты мое маленькое... Я же тебе говорил. И еще раз скажу. И буду говорить столько, сколько потребуется. Рональд, я тебя люблю. Я тебя любить буду, что бы ты ни сделал. Люби, кого хочешь. Делай, что хочешь. Я тебя всегда поддержу. Никогда не осужу. Я только рад за тебя буду. Не оглядывайся на меня. Это твоя жизнь. Твои чувства. Рональд, не надо так. Не делай так больше. Хорошо?

Он шмыгнул носом и неуверенно кивнул.

— Обещаешь?

Рональд кивнул увереннее.

— И неужели ты и правда думал, что я тебя выгоню? Я, тебя? Что я так смогу? Почему ты до сих пор меня боишься? Ну разве я хоть раз давал тебе повод, словом или делом, чтобы ты вот так сильно меня боялся?.. — и под конец слов в тон Грэгора вплелась предательская горечь.

Рональд ее расслышал. Выпрямился, быстро смахнул слезы, посмотрел на него заплаканными глазами, протянул руки — одернул — протянул — одернул, а потом осмелился и обнял его сам.

— А-ах, нет, конечно, никогда, — сиплым голосом, торопясь, заговорил он. — Ни словом, ни делом, никогда. Вы, вы, вы самый лучший в мире. Простите меня, я не знаю, почему так думал. Я, я, я не знаю. Не понимаю. Мне стыдно. Не расстраивайтесь, пожалуйста. Мне так стыдно!.

— Ох, Рональд. А я говорил тебе, что ты — самое настоящее чудо? — устало улыбнулся Грэгор.

— А-ах, да, постоянно говорите. Спасибо. Спасибо, спасибо, спасибо. Ой... — вдруг выпустил его и сел на пол, хлопая широко распахнутыми глазами. — Грэгор. Я же... Лизу... что я наделал?.. А она же теперь... никогда... никогда-никогда, да? — и голос его опять задрожал.

— Нет, нет, нет, — навалилась Лиза на дверь и ворвалась на кухню, доползла до него и заключила в крепкие объятия прежде, чем Грэгор успел закатить глаза. — Нет, я не обиделась, и я очень счастлива, что теперь ты будешь меня обнимать, когда захочешь, и не бояться, что кто-то нас увидит.

— А...

— Нет! Я тебе все-все буду рассказывать, что мы там делаем и чему он меня учит, чтобы ты не волновался и не думал, что я сошла с ума.

— И...

— Да! Я все видела, подсмотрела, нет, ты не упал в моих глазах, наоборот, мне тебя теперь выпускать не хочется, мне... я... — задержалась она взглядом на зареванных, но безумно счастливых синих глазах напротив, на щетине с колючими волосками, на приоткрытом рте с манящими губами, не утерпела, наклонилась, и... отвлеклась на некстати заговорившего Грэгора.

— Ох, Лиза, — вымученно простонал он сбоку. — Меня на тебя не хватит. Можно я чуть позже расскажу, что там произошло?.

Лиза обернулась, посмотрела на выжатого до предела Грэгора.

— Нет, нет, нет. Хватит на сегодня. Я поняла, что там случилось. Ярый умер. Ему надо отлежаться и прийти в себя. Схожу к нему завтра. А пока давайте просто попьем чай и поиграем в карты. Я так соскучилась по обыкновенной жизни!

И никто не возразил.

Глава 19. Проблематичный первый раз

Рональд чувствовал себя крайне опустошенным. Добрел до колодца, опустил в шахту ведро, умылся отрезвляющей водой, сел на каменную кладку, задумался. Что-то в нем изменилось. Леденящая мгла в тех местах, о которых ему еще недавно было страшно задумываться, рассеялась, и оказалось, что ничего страшного там нет. И не было. Теплота грела изнутри. Как будто от него отрезали что-то плохое, а в образовавшуюся пустоту положили что-то хорошее. Он уже испытывал подобное чувство, и каждый раз долго приходил в себя. Его до сих пор потряхивало.

Рональд сбежал из кухни первой возможности, потому что и Грэгор, и Лиза — оба смущали его. Они так старательно делали вид, что ничего не произошло, говорили о погоде, о природе, не вспоминали лес, молчали о Яром и поглядывали на него такими красноречивыми озабоченными взглядами, что Рону стало очень-очень неловко. Ему было перед ними стыдно, и за то, что он устроил, и за то, что наговорил, и за то, что так не вовремя и неуместно перетянул одеяло на себя, и за то, что так плохо думал о Грэгоре, но больше всего — за то, что под порывом эмоций толкнул Лизу. Она так испуганно смотрела!.. И чем он лучше лесной твари? Да ничем! Как Рональд корил себя, как ненавидел, как ругал! Как бы ему хотелось повернуть вспять время и все исправить, как бы хотелось себя наказать и высечь руки в кровь, прижечь прутом раскаленным, за то, что тронули ее и напугали; хотелось доказать ей, уверить, что он скорее сам умрет, чем еще раз сделает хоть что-нибудь плохое, чтобы она никогда, ни на секунду в нем не сомневалась и никогда так больше не смотрела.

Девушка, конечно, сказала, что не обиделась, но Рону от этого не стало легче. Ему казалось, что она сказала так нарочно, чтобы он успокоился, потому что она его, неблагодарного, оберегает. Потому что думает о нем, даже после того, что он наделал, даже после того, что с ней произошло. Рональд был уверен, он знал, что и десятой доли подобного отношения не заслуживает.

Лиза, переодетая в чистое и сухое, вышла из дома, покрутила головой, увидела его. Уверенно выдвинулась навстречу. Рональд виновато улыбнулся, опустил глаза и внутренне напрягся — потому что когда Лиза подходила вот с таким вот выражением лица: глазки чуть сощурены, в зрачках чертинки, а на щеках то появлялись, то исчезали милые ямочки, что-то всегда начиналось.

— Ты так быстро улизнул, — прильнула она, присаживаясь на колено. Руками девушка обвила его шею, задышала в затылок.

Рональд насторожился поначалу, по привычке, после расслабился и с удовольствием обнял ее за талию, осторожно прижал к себе. Почему-то казалось, что, если обнять Лизу крепко, так, как хочется, то ребенка можно случайно повредить, а он же живой, по крайней мере, пока находится внутри нее. Положил голову на плечо девушки, кончиком носа прикоснулся к косе — торчащие волоски защекотали кожу; прикрыл глаза. Так приятно стало от того, что она сидит на нем, так здорово было не бояться быть замеченным и чувствовать ее близко — легкую, теплую, с запахом вкусным. Не хотелось, чтобы девушка вставала. Хотелось с ней сидеть всегда. Солнце гладило спину. Птицы в лесу пели, кузнечики задорно стрекотали в траве. Слишком хорошо и безмятежно.

— Лиза, что мне сделать, чтобы загладить вину? — спросил Рон мельтешащую косу перед глазами.

— Иначе ты не успокоишься? — спросила девушка. И, хотя Рональд не видел ее лица, по одной только интонации он догадался, что она улыбается. Хитро улыбается и что-то затевает. Совсем не злое.

— Нет, не успокоюсь.

— Тогда, Рональд, — она подалась чуть назад, так, чтобы посмотреть в глаза. — Тогда тебе придется сегодня много работать.

— Что тебе хочется?

— И ты сделаешь все-все-все?

— Все, что угодно.

— Тогда... — мечтательно протянула она. — Тогда, во-первых, мне хочется, чтобы ты поцеловал меня. Сейчас.

— Я, я не пробовал ни разу, — он впал в замешательство от подобной просьбы. Но прежде, чем Рональд успел растеряться окончательно, Лиза сама к нему наклонилась, обхватила ладонями затылок и осторожно поцеловала, едва касаясь губами. Тысячи маленьких разрядов разбежались по телу, глаза непроизвольно закрылись, а руки оплели плечи девушки и уверенно потянули на себя — и Рональд сам поцеловал ее, настойчиво и нежно. А после опустил голову и лбом уткнулся в плечо Лизы, не веря, что все-таки сделал это.

Вкус девушки остался на губах, по телу разливался жар. Такого рода наказание ему очень понравилось. Хотелось повторить. Еще раз и еще.

— А теперь, — зашептала девушка на ухо. — Теперь пригласи меня на свидание.

— Куда?

— В свою комнату.

— Когда?

— Сразу после ужина.

— Хорошо, — поднял голову, посмотрел в глаза. — Лиза, приходи ко мне после ужина. На свидание.

— Я подумаю.

Наверное, на его лице слишком явно прочиталась полнейшая обескураженность, потому что девушка с трудом удержала смех и быстро добавила:

— Приду, конечно, я приду. Ох, Рональд, ну какое же ты все-таки чудо!

— Почему меня все так называют?

— Потому что ты чудо и есть. А теперь, мне надо подготовиться. Меня сегодня первый раз в жизни пригласили на самое настоящее свидание, а я не готова нисколько! А до ужина всего несколько часов осталось, — Лиза легонько прикусила его за кончик носа, мило сморщилась — после соскочила с колена и, взметнув косой, быстро пошла к дому.

Рональд не сразу понял, что произошло. Долго приходил в себя от накатившей эйфории. Сидел, грелся на солнце, соловел. Все, что произошло утром, отошло на задний план. Как будто было не сегодня, а много времени назад. Потом взял ведро, подошел к грядкам, полил морковь, и тут только до него стало доходить.

Свидание. Настоящее. В наказание, нет, в награду за то, что он натворил.

Всего через несколько часов.

У него, в комнате!

Остатки воды вылились на ноги, он и не заметил. Отложил ведро и пулей помчался в дом. Забежал к себе, замер на пороге, схватился за голову. Ну разве можно в такой бардак кого-то приглашать, тем более — ее?

Следующий час Рональд тщательно выметал пол и, балансируя на цыпочках на стуле, наматывал на метлу паутину с потолка. Вылизывая дом, он мало времени уделял своей же комнате, считал это ненужным, думал, что ему и так сойдет. А зря. Обнаружил, что под кроватью и особенно под шкафом пыли скопилось немерено, и, чихая, тщательно собрал ее тряпкой. Поменял постельное белье на новое, заправил кровать. До блеска натер оконные стекла и все поверхности, которые можно было натереть, спрятал разбросанную одежду в шкаф. Отошел в дальний угол, оценивающим взглядом осмотрел помещение, вздохнул. Не самое подходящее место для свиданий, ну что, что у него тут может быть интересного? Чем вообще занимаются люди на свиданиях? Он догадывался, что именно там делают, но примерить подобное на себя никак не мог.

Время неумолимо шло к ужину, Рональд ничего не успевал. Побежал на кухню, увидел, что за приготовление еды взялся Грэгор. Наверное, Лиза все ему рассказала и попросила высвободить им вечер, потому что за ужин хозяин редко когда брался.

— Рональд, ты плиту мне разожги и иди, — заметил его Грэгор. — Я сам справлюсь. В подполе, кстати, хорошая бутылка вина хранится. А в чулане запас свечей лежит, — как бы невзначай добавил он. Рональд облился потом и густо покраснел, но в подпол и в чулан все-таки заглянул.

За пятнадцать минут в комнате появился столик, перенесенный из гостиной; два самых красивых бокала; раскупоренная заранее бутылка вина; вазочка с фруктами; пять свечек.

Тик-так, тик-так — бодро отстукивали ритм часы в гостиной.

Рональд посмотрел под ноги и ужаснулся. От одежды грязь одно что кусками не отслаивалась, да и самому бы помыться не мешало. И побриться заодно, наверное, щетина ее больно колет. А ведь все должно быть на высоте!

Во время бритья руки от волнения сильно дрожали, с трудом удалось не повредить кожу. Рональд всмотрелся в зеркало, на отражение себя, на ненавистную паутину. Каждый раз хотелось вырезать ее бритвой, полностью, остаться без части лица, зарости рубцами — даже они смотрелись бы куда как привлекательнее, чем уродливая метка. Быстро закончил, ополоснул лицо холодной водой и отошел. Он не любил смотреть на себя в зеркало. Особенно — сейчас.

Быстро дошел до комнаты, просушил волосы полотенцем. Заглянул в шкаф. Правильной одежды для свиданий не обнаружил. Вся обычная, не особенная. Зато хотя бы чистая.

А времени оставалось все меньше и меньше. Грэгор уже к столу всех звал.

Наспех надел все самое светлое, разгладил складки на одежде руками, пальцами расчесал влажные волосы. Осмотрел комнату напоследок — вздохнул; с трудом заставил себя выйти и спуститься на ужин.

Вымотанная за день Лиза проспала весь вечер. Но она успела переодеться в красивое платье и распутать косу, и теперь сидела рядом, смущенная, сонная, то и дело поглядывая на него и быстро отводя глаза. На губах ее нет-нет, да мелькала очаровательная улыбка. И Рональд не мог не смотреть на нее, сейчас она была прекрасной невозможно, и от понимания того, что это ради него девушка распустила волосы, ради него надела самое красивое платье, ради него повесила на шею скромную подвеску с зеленым камушком — у него по телу разливалась нежность.

Рональд до сих пор не мог принять, что еще немного, еще несколько минут, еще пол чашки чая — и она, сама, пойдет к нему, не просто так заглянет, а на свидание придет. Он разволновался так, что расплескал чай по столу, потому что руки уже не просто дрожали, а тряслись; подумал вдруг о том, что надо было бы собрать букет, что без цветов свидание выйдет не настоящим. Что он вообще неправильно все понял и подготовился не так. Что свидание провалит, не успев начать. Что зря надел светлую рубашку, а не ту, что в клетку. Что он ее сейчас смешит. Ее и слишком задумчивого Грэгора, украдкой наблюдавшего за ними.

После ужина Рональд с надеждой посмотрел на грязную посуду, надеясь вырвать немного спасительного времени, но Грэгор сердито шикнул на него и жестом указал на дверь. Чувствуя себя загнанным в угол, он осторожно выглянул из кухни. А в коридоре поджидала Лиза, да с таким счастливым видом, что Рон растаял и сам заулыбался. Он подхватил девушку под локоть, довел до комнаты, галантно распахнул дверь и пропустил вперед.

— Ну, как-то, вот так... — извиняющимся жестом руки обвел комнату и, прикрыв глаза, помотал головой. Странно было видеть ее здесь, она не вписывалась, все казалось неправильным, сумбурным.

— Я почему-то по-другому представляла все, — Лиза с любопытством осмотрела излишне простую и скромно обставленную комнатку. В которой кроме кровати, шкафа и временного столика ничего и не было. — Ты и стол собрал! Ну какой же ты молодец!

«Ей понравилось? Ну надо же...» — с души свалился камень.

Лиза уверенно прошла к кровати, села, взяла виноградинку и поднесла ко рту. Рональду ничего не оставалось, как подойти и сесть рядом.

— Вина? — спохватился.

— Обязательно, — кивнула она и обворожительно улыбнулась.

Наполнил бокалы. Даже не пролил ни капли. Протянул бокал ей. Она обхватила его руками, села в пол оборота, закинула ногу на ногу и чуть склонила голову. Та самая прядка выбилась, как всегда, и вниз свесилась. Такая очаровательная...

До сих пор ему не верилось, что такое возможно. Она, у него, на его территории — и сидит, на его кровати, и смотрит на него же. Станным взглядом — таким на прохладную воду в жару смотрят. Стало совсем не по себе.

Что-то не то... Свечи! Поспешно зажег одну, ту, что стояла на столике у кровати. Задернул занавески. Полумрак в комнате приобрел красноватый оттенок, вкусный запах горячего воска поплыл по комнате.

— Чудесно, — мечтательно протянула девушка и протянула бокал вперед. — Так романтично. За тебя.

— За меня?

— За тебя, — повторила тверже.

«За меня, так за меня», — смирился мысленно и залпом выпил все до дна. Лиза же чуть пригубила и поставила бокал на место. Рональду в очередной раз показалось, что он все делает неправильно, и, наверное, нужно было делать так же, как она, не пить сразу все, ну это же так неприлично! Вот наверняка же ей сейчас смешно!

— Рональд, да что с тобой такое? — продолжила Лиза наступление, мягко выпутала бокал из рук, в который он вцепился мертвой хваткой и сам того не заметил, и поставила на столик. — Ну что ты так волнуешься?

— Как мне не волноваться? У нас же свидание, — смутился Рон, мысленно ругая себя за то, что говорит вслух настолько несусветную чушь.

— Так ты представь, что у нас не свидание, а мы как будто бы просто так здесь сидим. Как на кухне. И не вино пьем, а чай. С сахаром. Горячий.

— Не получается, — вот как можно не улыбаться, когда на тебя так зазорно смотрят?

Лиза в ответ тоже широко улыбнулась и допила вино до дна. Взмахом головы откинула волосы за спину, и в следующую секунду подвинулась к нему ближе.

Обстановка немного разрядилась. Рон налил еще. У Лизы покраснели щеки; ему в голову ударила приятная расслабленность. Он скосил глаза чуть ниже. В полумраке платье облегло ее бедро так, что на него аппетитно было смотреть, и нестерпимо захотелось провести ладонью по мягкой ткани, чтобы прощупать...

«Что за мысли?!» — ужаснулся сам себе.

И не только бедро. И вся она, в свете свечи — неотразимая.

— За тебя, — сказал он. Тон стал на порядок смелее. Девушка кивнула и выпила, сдвинула ногу и прикоснулась к его бедру. Он занервничал и выпил вино до дна крупными, громкими глотками.

В голову ударило сильнее.

В животе потеплело.

Лиза положила руку на колено. Легко сжала пальцами.

Не совсем понимая, что делает, Рональд соскользнул на пол и сел перед ней на корточках, руками обнял голени девушки, подбородком уперся в колени и посмотрел в глаза снизу-вверх. Так ему было привычно, и говорилось так тоже — проще.

— Ну что ты делаешь? — промурлыкала Лиза и запустила пальцы в волосы, ноготками почесывая кожу. Глаза Рона прикрылись, а руки поползли вдоль ее бедер к талии. Сердце застучало быстрее — почему-то казалось, что девушка не потерпит подобной вольности; ноги захотелось сжать, но кровать мешала.

Руки скользили все выше, по плечам, и вот уже он и сам привстал на коленях и подложил ладонь под ее затылок. Подтянулся к манящему ушку и прикусил его за мочку; Лиза запустила ладони под рубашку и погладила спину. Как же хорошо!..

— Что ты хочешь? Что мне надо сделать? — шепотом спросил ее.

— Тебя я хочу. Те-бя, — как самая прекрасная музыка на свете, прозвучал столь желанный ответ, и в следующую секунду девушка прижала Рона к себе, немного раздвинула ноги и подпустила его еще ближе, поцеловала — не так, как днем, а по-другому, еще нежнее, еще сильнее, волшебное, долго. Рональду показалось, что он воспарил, глаза сами захлопнулись, по телу побежали мурашки. Не отрываясь, Лиза быстро пальцами нащупала пуговицы на рубашке и расстегнула все до единой, потянула одежду вверх и отбросила в сторону. Скользящими, поверхностными движениями прошла по напряженному животу и по бокам; у Рона сам по себе вырвался стон.

Как же хорошо! Никто и никогда не трогал его тело так ласково, так бережно. Наверное, только так и трогают тех, кого любят.

— Помоги мне, — прошептала девушка в ухо, и потянула его руки себе за спину, где запутались шнурки.

Платье спало с плеч, и перед Роном, буквально перед самым лицом, открылось то, от чего глаза округлились, а кровь горячей волной прилила к низу живота. «Неужели она и здесь позволит?.. И так?..» — смотреть оказалось невозможно, и он, зажмурившись, все-таки

провел по груди самыми кончиками пальцев, едва касаясь, дотронулся до неожиданно жесткого соска — и у самого кожа точно обострилась, и прикосновения девушки стали казаться невыносимо, на грани терпимости, приятными.

Рон уже смелее, уже полной ладонью обхватил грудь и даже обвел кончиком языка сосок. Девушка выдохнула, рефлекторно сжала пальцы — ноготки чуть впились в шею, но не больно, а щекотливо; а после провела руками по бокам и ниже, ниже, наклоняясь, растягивая и стягивая все, что попадалось.

Рон распахнул глаза и приостановился.

Он, конечно, знал, что это все делается так, но... Вот так?! Сейчас?!

А она раздела его почти полностью, встанешь с колен — и все упадет на пол. И от горячей крови все уже давно набухло, и она, сейчас, все-все увидела. Ну разве с ней, перед ней, так можно, так... грубо?!

— Солнце, ты чего? — заметила девушка его смятение.

— Я... я, я, я, просто, ни разу же еще, — зачем-то шмыгнул носом и лбом уперся в ее грудь.

«Солнце...» — в сердце зашевелился пушистый котенок, а в уголке глаза собралась слезинка. Ну не могли такие теплые слова обращаться к нему, но именно на него они и были направлены, во что не верилось, при всем желании, никак. Лиза задула свечу и встала с кровати, за руку поднимая и его тоже. Одежда — и его, и ее — полностью соскользнула и упала на пол, но в полумраке, когда виднелись только очертания, это уже не так беспокоило.

— Ты не хочешь? — спросила Лиза, оплетая плечи руками.

— Нет, нет, нет, просто... Я тебя так люблю, так... сильно, что не верю, что ты, сама, здесь, у меня, и меня же, и не отталкиваешь, а сама, а я... боюсь, что не смогу, что все испорчу, подведу, что ты расстроишься.

— Солнышко мое. А мне-то тоже — страшно, — вздохнула девушка.

— Тебе? — Рон прищурился, и как будто увидел Лизу в другом свете. Где она стояла, маленькая, жалась к нему, заглядывала в глаза и волновалась едва ли не сильнее, чем он сам; тут же собственные страхи померкли и стали казаться незначительными, мелочными, а голос успокоился и резко потеплел. — Почему?

— Мне кажется, что я тебя тороплю. Что давлю, что ты теперь плохо обо мне подумаешь. Много чего боюсь, — сказала девушка и уткнулась носом в его плечо, опустив руки.

Ласки прервались. Похолодало.

Рональд испугался, поспешно усадил ее на кровать и сам сел рядом.

— Ну что ты такое говоришь, ты все правильно делаешь, конечно, правильно, это я вечно сомневаюсь, — убрал с ее лица прядь, заправил за ухо. Обнял, чувствуя, что от соприкосновения кожа-к-коже в паху разгорается пожар, отдающий пульсацией по всему телу. — Так хорошо, что ты здесь, сейчас, со мной, не верю, — прижал девушку крепче. Крепче. Еще крепче, жадно вдыхая будоражащий запах ее не менее разгоряченного тела.

— Чудо ты, — оттаяла девушка и, к огромному облегчению, возобновила ласки; Рональд охотно откликнулся, выбросил из головы лишние мысли, поцеловал Лизу в шею, плечо, бок, грудь, живот — а она откидывалась назад все дальше, дальше, и вскоре Рону пришлось нависнуть над ней, упираясь в постель локтями и на одно колено, чтобы не придавить случайно и не сделать больно. Ее животик и грудь касались тела раскаленными угольками, и это оказалось невыносимым, возбуждение настигло пика. Лиза голенью прижала его за

бедро, язычком прошлась по уху — дыхание перехватило; погладила живот — в ушах зашумело; поцеловала — сердце ускорилось. Ноготками почесала спину, а после переместила руку и просто едва ощутимо провела кончиком пальца по изнывающей плоти — и стало так хорошо, так хорошо, что перед глазами померкло и... все упало.

«Это же ужасно!» — зажмурился, и все упало еще сильнее.

«Так же быть не должно!..» — слез с нее и примостился сбоку, спрятав лицо в подушку.

«Если она сейчас засмеется... Если что-то скажет... Если встанет и уйдет... — то просто убьет меня!» — обхватил голову руками.

— И все-таки, я на тебя напеваю, — сказала. Спокойно. Миротвориво. Без тени насмешки. Рональд осторожно приподнялся и взглянул на Лизу одним глазом. В темноте только ее профиль выделялся, на фоне светлой стены. Вздернутый носик, очерченные губы. Но, кажется, убивать его она не собиралась. Ни словом, ни делом.

— Да нет же, это я слишком все не умею, — вздохнул и перевернулся на спину.

— Это ты всегда так говоришь, а сам все на свете умеешь так, как другие и близко уметь не умеют! — так убежденно возразила девушка, что он не смог ей не поверить.

Лиза переместилась к Рону на плечо, обняла и тихонечко засопела в шею, нашептывая приятные и безумно пошлые слова. Очень скоро Рональд узнал, что самый красивый в мире, что прекраснее его глаз ничего на свете нет, что руки у него волшебные и золотые, а еще что он... да у него... да еще и такое!..

Рука сама потянулась к ней, провела по лицу и накрутила на палец волосы...

...во второй раз получилось куда как лучше. Правда, слишком быстро.

...после третьего Рон понял, что еще хотя бы раз — и он падет замертво, испустив дух.

Но самое главное — ей нравилось. Ей все нравилось. Любое его движение находило отклик, одобрение. Его загладили, заласкали; и хотелось еще, еще, просто чтобы трогали, больше, полностью, везде, это было так непривычно! Хотелось, чтобы гладили, гладили, гладили, всего, чтобы за всю жизнь нагладиться, ну хотя бы на чуть-чуть — но не получалось, жажда не утолялась. И Рональду казалось, что с ней он не так нежен, как она с ним. И он старался стать нежнее, сделать больше, выложиться сильнее — она мурлыкала, едва сдерживала стоны — а иногда и не сдерживала, а иногда и кричала; прижималась, целовала, обнимала, ласкала так, что от ее рук хотелось рычать и извиваться — но ему все равно казалось, что мало он делает, мало, мало, — а надо же больше!

Во время передышки Лиза как-то странно затихла и обмякла. Рука ее расслаблено опустилась Рональду на грудь, дыхание выровнялось. «Неужели спит?» — осторожно повернул голову. И правда, спит... С ним. На одной кровати. В его комнате и на его плече.

Одной рукой Рональд нащупал упавший на пол плед, укрыл себя и Лизу. Ладонь положил на круглый живот девушки и долго-долго не мог заснуть. Лежал, рассматривал счастливое лицо и сам улыбался. Рука затекла, все тело тоже. Но страшно было пошевелиться и лечь удобнее — а вдруг ее разбудит?..

Глава 20. Мнимый Рай

Лиза проснулась от того, что что-то теплое, греющее правый бок, пропало, а ей совсем не хотелось, чтобы оно исчезало. Она пошарила рукой по кровати, ничего не нашла и в волнении распахнула глаза.

— Я тебя разбудил?

Рональд тут же перестал одеваться и прильнул к кровати, сел перед ней на корточках и протянул к девушке руку. Лиза обхватила ее и залюбовалась — часть лица Рона скрывалась за одеялом, и она видела только взъерошенные волосы и глаза, с чертинками в зрачках. Бесподобные, так здорово было вот так проснуться и увидеть именно их. Чудесное утро. Солнечное. Настроение взлетело до небес, внутри распустились огромные цветы. Девушка подтянула Рона за руку, отодвинула одеяло, приподнялась на локтях и с упоением поцеловала его.

— Доброе утро, Солнце, — счастливая, Лиза откинулась на подушку. Рональд переместился на кровать и сел рядом.

— Доброе. Принести тебе чего-нибудь?

— Ах, нет, спасибо, Солнышко. То, что мне нужно, рядом сидит, — она переложила голову с подушки ему на колени, зажмурилась от удовольствия, потому что он пропустил пряди через пальцы; посмотрела на оголенный живот, хитро сощурилась и сделала вид, что хочет Рона укусить.

— Э-эй, ну что ты делаешь? — дрогнул он от щекотки, на всякий случай подавшись назад, и при этом так сильно сощурил глаза и так широко улыбнулся, что Лиза сама непроизвольно заулыбалась.

— Не знаю. Но мне нравится, — девушка схватила его за плечи, подтянулась, села верхом, сжала коленями, обхватила руками, обняла со всей силы, прикусила мочку уха. — Я тебя сейчас съем. Ты вкусный.

— Я же тогда умру. И что ты делать будешь? — шепотом поинтересовался Рональд.

— Обглаживать косточки и плакать, — грустно вздохнула Лиза, откинулась назад, посмотрела на смеющиеся напротив и сама звонко рассмеялась.

— Ну как же я тебя люблю, — рука Рона проскользнула девушке под затылок и прислонила голову к плечу. Шея покрылась поцелуями. — Походишь со мной? Пожалуйста. Я быстро Биззи подою, отведу на поляну, а потом налью тебе чай.

— Самый вкусный в мире?

— Ну конечно.

— Уже бегу.

Лиза встала с кровати, подошла к шкафу, не обращая внимания на вчерашнее платье, аккуратно повешенное на спинку кровати. Деловито распахнула дверцы, почему-то обрадовалась, увидев бардак. Взяла первую попавшуюся рубашку, надела.

— Ну вот, — протянула она, когда пуговицы в районе живота едва сошлись с петельками. — Так нечестно!

— Растет, — Рональд обнял ее со спины, положив ладони на живот.

— А я не хочу, чтобы он рос. Скоро стану неуклюжей, — вздохнула девушка. — А ты будешь помогать мне обуваться?

— Конечно, буду. Не расстраивайся. Вот, возьми эту, она большая, — Рональд извлек из кучи вещей другую рубашку и протянул Лизе.

Теперь пуговицы без проблем вошли в петельки.

А две минуты спустя Лиза сидела, накручивая прядь на палец, и смотрела, как белое молоко тугими струями с журчанием вливается в ведро, слушала, как Рон ей что-то говорит, смеялась, улыбалась, а мыслями витала далеко.

Ведь день прошел. Ярый пришел в себя. Настало время выяснить. Все. До остатка.

Она прошла по поляне, посмотрела, как Биззи потянулась к сочной, мокрой от росы, траве. Вдохнула полной грудью свежий, прохладный воздух. Послушала шелест листвы. Ушла с Роном под руку в дом. Обернулась.

Тропинка вела вниз. В лес. Там он.

Быстро отвернулась, чтобы Рональд не заметил, на что именно она отвлеклась. Посмотрела, как Рон возится с плитой и ставит чайник, стараясь сильно не шуметь.

— Ваш чай, — галантно поставил перед Лизой чашку.

— Благодарю, — ответила учтиво и отхлебнула. — М-м-м, он правда лучший в мире! Но ты все равно вкуснее. Имей в виду.

Рональд зарделся и сел рядом. Часы в гостиной мерно отбили семь часов утра. На втором этаже раздались шаги, видимо, Грэгор тоже проснулся. Время неумолимо шло, и улыбка сползла с лица Лизы. Идти туда хотелось все сильнее. И, как бы хорошо не было сейчас здесь, девушка чувствовала, что должна находиться там.

— Рональд... — осторожно начала Лиза. Ей очень не хотелось расстраивать его.

— Что? — посерьезнел он тоже.

— Мне нужно пойти... туда. Сейчас.

Рон мигом переменялся в лице и посуровел.

— Зачем? Лиза, не надо. Ты ведь можешь не ходить к нему, зачем ты каждый день туда ходишь? Он делает с тобой что-то страшное, ты каждый раз возвращаешься другая, а все равно продолжаешь туда ходить! Не надо. Не ходи. Лиза. Пожалуйста. Останься.

— Мне надо. Я выясню, чего он от меня добивается. Рональд, не отговаривай меня, пожалуйста, я же к тебе прислушиваюсь. Я просто узнаю, что ему нужно, и все. Не бойся за меня.

— Я пойду с тобой, — после долгой паузы вздохнул и сдался Рональд.

Когда Грэгор спустился и, зевая, зашел на кухню, то застал только две пустые чашки на столе и смятое, брошенное на спинку стула, полотенце.

Чесать задней лапой ухо было забавно. Брык, брык, брык — и по ушной раковине приятно заскользили когти. Правда, удержать равновесие на передних вытянутых лапках не получилось — лисичка повалилась на бок и от нечего делать прикусила кончик хвоста. После завертелась волчком, пытаясь ускользающий хвост поймать. Не поймала.

Кот напротив сосредоточенно облизывал лапу и остервенело тер ею мордочку. Словно внезапно где-то загрязнился, причем довольно сильно, потому что марафет он наводил, по ощущениям Лизы, минут эдак с сорок. Он молчал, она молчала, он ждал, когда лиса заговорит первой — лиса занималась ровно тем же.

По пространству то и дело пробегала мелкая, едва ощутимая дрожь. Горячий и концентрированный воздух казался излишне вязким. Витающее вокруг напряжение чувствовалось и с закрытыми глазами, но никто никуда не торопился. Снаружи Рональд сидел рядом и держал спящую девушку за руку, и Лиза чувствовала его. С ним было хорошо.

Уверенно, спокойно.

Девушка смотрела, как нервничает кот, и продолжала дурачиться, делая вид, что ей, в общем-то, и без того нормально, и она сюда просто так пришла, позабавиться.

Он то и дело на нее поглядывал, дергал хвостом, отводил уши назад, и вылизывался, вылизывался, вылизывался...

Лиса зевнула и свернулась калачиком, спрятав кончик носа в густой щекотливой шерсти.

Кот зубами прошелся по растопыренным пальцам и прочистил острые когти.

Лиса закрыла глаза и притворилась спящей.

Шершавым языком кот пригладил шерсть на боку.

Лиса не шелохнулась и засопела.

— Девочка, — сдался кот.

Лиза вскинула мордочку, пошевелила ушами и усами, втягивая носом воздух. Посмотрела налево, посмотрела направо, обернулась на всякий случай.

— Это ты мне?

— Не самое подходящее время для шуток.

— Слушаю, — ответила, переменив образ на обычный. Обратила внимание на руку — с морщинистой истонченной кожей, обильно покрытой пигментными темными пятнами, сквозь которую просвечивались синие вены. В спадающей пряди выделялись седые волосы. Много седых волос.

— Ты пришла, — вкрадчиво продолжил кот.

— Пришла.

— Ты смогла войти.

— Смогла.

— Значит, ты не держишь на меня зла?

— Держала. Ты мог убить меня вчера. Из-за тебя я пережила пожалуй, самый страшный кошмар за всю жизнь. Понимаю, что ты не виноват и не специально, и сам сильно пострадал, и, поверь, мне очень жаль, но... сегодня ты мне все расскажешь. И если ты не расскажешь мне все сейчас, то я уйду. И не приду больше. Мне надоело это все, Ярый. Я хочу знать, что вчера произошло. Я хочу понять, что с тобой происходит. Я хочу знать точно, что тебе нужно. Ты умер вчера, верно?

Кот принял образ Ярого. Зрелого, хмурого, усталого. Даже волосы его изменились, и грязными сосульками свисали вниз. Он, ссутулившись, сел, погасшим взглядом посмотрел на Лизу и нехотя продолжил говорить:

— Сейчас все слишком в твоих руках. Я не могу предопределить, что будет дальше. Да, я умер вчера. Я часто умираю. Мой дом наполовину мертв. Он плохо работает. И после каждой смерти он портится сильнее. И я начинаю умирать чаще. Лекарь поддерживает его в порядке. Что-то убирает, что-то вычищает. Но это. Ненадолго. Помогает.

— Тени не дают тебе умереть полностью?

— Да, девочка. Они заталкивают меня обратно. В тот дом. Плохой дом.

— Они жестоки.

— Нет. Они не жестоки. Ты не понимаешь, девочка. Мы жили не так, как вы. Мы были одним целым. Смотри сюда, — он обвел пространство рукой, и вокруг появился тропический шумный лес, влажный и прохладный. И там ходили люди — похожие на Ярого, но другие. Мужчины, женщины, дети. Все без одежды. Они переговаривались молча,

смеялись, улыбались. И вокруг них иногда летали тени, редкие и одиночные. Лиза повертелась на месте, обогнула несколько стволов, хотела потрогать ближайшего ребенка, но рука прошла сквозь него.

— Тени всегда кружились вокруг нас, — продолжил Ярый. — Они — это мы и есть. Наши души. Души тех, чьи дома разрушились, — один человек упал, и от его груди отделилась черная капля — и слилась с другими тенями. — Мы все, и живые, и неживые, были тесно связаны. Взаимозависимы. Они не могут без нас, мы не можем без них, мы с ними — едины, мы все одно живое существо. Они ждали, когда зародится новый дом, и кусочек тени поселялся в него. Мы помнили прошлые жизни, мы проживали новые, мы вылетали из одного дома и селились в другом. Мы все произошли друг от друга, мы разговаривали без слов, мы все всегда были открыты друг для друга. Мы смотрели общие сны. Мы добавляли что-то новое, мы с каждой новой жизнью становились лучше, чище, мы были совершенны, девочка. И так было испокон времен, всегда, пока не пришли вы, — все люди вокруг погрустнели и исчезли. Лиза осталась вдвоем с Ярым. — Я остался один. Мне тошно находиться здесь, в вашем убогом мире. Девочка, я ненавижу вас. Больше всего на свете. Теперь я последнее связующее звено с внешним миром. Мой дом разрушается. А они не понимают. Они всего лишь тени. Они не могут думать без внешней оболочки. Они просто хотят новые дома, они ждут, они по-другому не могут, они навсегда привязаны к моему дому. Они ждут, когда я предоставлю им новые дома, но я не могу, нас больше нет. Мне некуда их расселить, а в мой дом они войти не могут, потому что он мой. Один дом — один жилец. Они не могут позволить мне исчезнуть, потому что когда исчезну я — исчезнем все мы. Мы все уйдем. Я, тени. Нас не станет. Мы станем свободны. Я — их заложник. Они — заложники меня. Это порочный круг. Его очень сложно разорвать.

Лес дрогнул и осыпался, пепел развеялся и исчез. Лиза села на корточки, пытаясь прийти в себя от всего того, что слышала и увидела. Тупая горечь разлилась внутри. Почему-то она чувствовала себя виноватой.

— Ярый, это все ужасно. Мне очень жаль.

— Да, девочка. Мне тоже, очень жаль.

— Ты хочешь умереть?

— Хочу. Я пробовал когда-то сам. Сжигал себя. Топил. Пока не понял, что это на самом деле бесполезно.

— И ты хочешь, чтобы я убила тебя? — спросила с ударением на «я».

— Нет, девочка. О таком я не могу просить. Я бы все сделал сам.

— Ты хочешь уйти из своего дома вот в этот? — она пальцем указала на свой живот. Большой. Там кто-то шевелился. — Хочешь обмануть их? Умереть в другом доме, который они не преследуют? В том, который ты убил вчера, чтобы меня вернуть? Из-за чего и сам умер? Хочешь разорвать круг с помощью пустого дома?

— Я не могу войти туда. Ты не сможешь пригласить меня в него. Он твой и только твой. Только ты можешь войти туда, потому что он находится внутри тебя. Но. Тот дом незрел. Он еще не может говорить. Он пока ничего не может и даже не родился. Но ты могла бы пригласить меня в себя, в большой дом, и уйти в другой, в маленький. Да, ты была в нем вчера. Ты сама убедилась, что он пока незрел. Ему нужно родиться. Подрасти, созреть. Тогда он заработает в полную силу. Да, я ошибся вчера, девочка. Я вытолкнул тебя не туда. В тебе два дома. К сожалению, мне не дано предусмотреть всего и я часто ошибаюсь. Ты могла застрять там. Ты не умеешь отключаться, прокручивать время, я не научил тебя. Не

предусмотрел такую вероятность. Не рассчитал. И вся моя стратегия теперь не имеет никакого смысла.

— Мне показалось, что я пробыла там неделю. Месяц. Не знаю. Но я с ума чуть не сошла.

— И ты сошла бы. Обезумевшие души покидают дома. Ты могла умереть. Я торопился вызволить тебя. И... Девочка, ты несколько раз убивала второй дом. Выгнала из него душу. И... — Ярый запнулся и замолчал. Более того, он уменьшился в размере и отвернулся от Лизы, превратившись не в привычного кота, а в крохотного котенка.

Пауза затянулась. У котенка дрожал тощий хвост.

— Продолжай, — холодным тоном потребовала Лиза.

— Девочка, я все испортил. Не рассчитал такую вероятность. Я не вижу, что будет дальше. Не могу предугадать. Не получается. Все плохо, — котенок спрятал мордочку под лапу и свернулся тугим клубком.

— Ярый. Не тяни.

— Девочка, твой дом был целый. Пустой, целый дом. Я не мог поверить. Своим. Глазам. Что нашел тебя. С живой душой. С целым и пустым домом внутри. А я испортил его. Не рассчитал силу. Сломал. Сделал ему очень плохо. Передал боли больше, чем того требовалось. Он теперь никогда не станет целым. Я не могу полностью погружаться во внешний мир, мне там плохо. Оболочка гниет. Она пронизана болью. А я спешил спасти тебя. И полностью вышел. Потерял контроль. Перестарался, — словно оправдываясь, быстро заговорил котенок. Он свернулся в настолько тугой клубок, что стал походить на меховой шарик.

— Ребенок мертв совсем?

— Нет. Он восстановился. В него еще можно вселить душу и оживить для жизни вне тебя. Но он слишком слаб теперь. Позвоночник поврежден, ходить не сможет. До старости, возможно, не доживет. Быть может, погибнет в первые часы. После рождения. Критические часы. В вашем мире он ничего не стоит. Он многого не сможет сделать там, снаружи. Он будет зависим от окружающих людей. Всегда. Девочка, цена моей просьбы выросла стократ. Я не могу предложить ее тебе. Она не равноценна, не лучше; она хуже, а мы не можем так. Я не вижу, что будет дальше. Варианты оборвались. Все хрупко, шатко.

— Что у меня внутри за дом? — стараясь говорить спокойно, спросила Лиза. Внутри нее дрожала тугая струна, которая, казалось, еще чуть-чуть, и лопнет.

— Теперь он будет выглядеть вот так, — в пространстве появился третий человек, и девушка непроизвольно поморщилась — на нее смотрел кто-то чужой. С чертами лица Тима. Мальчик. С большими карими глазами, вытянутыми ножками. Худенькими. Сам маленький, пожалуй, даже слишком. Он смотрел на нее, сильно прищуриваясь, и беспечно улыбался беззубым ртом. Неприятная картина.

— Мальчик? — только и смогла выдавить обескураженная Лиза. — Убери. Я не хочу смотреть на это.

— Да, мальчик, — ребенок растворился. — И если бы он был здоров, то ты смогла бы все. Ведь так у вас устроено? Пол, возраст оболочки, происхождение. Ар-р-р, дикий, примитивный мир... Ты смогла бы получить образование, какое хочешь. Ты умна. Ты бы добила много, сама, всего, чего бы захотела. Грэгор бы вырастил тебя как собственного сына-полукровку, оставил бы все, что у него есть, тебе.

— И Рона тоже?

— Да, и его.

— Но, как? Ведь... я же была бы не девушкой.

— Он очень редкий человек. Один на тысячу, на миллион. Найти его, идеально совместимого с тобой, было едва ли не труднее, чем тебя. Он любить умеет. И любит он — тебя, а не твой дом. Ха. Наша козырная карта. Он бы все понял. Не забывай про то, чему бы ты научилась. В душе ведь можно принять любой образ. Себя прежней, например.

— А с чего ты взял, что я бы согласилась? — спросила Лиза, смутно предчувствуя ответ.

— Ради всех нас. Ради себя. Тебя же будоражит возможность начать жизнь заново, в заведомо лучшем положении. Ты хочешь этого. Такая возможность не выпадает никому, только тебе. Ты любишь рисковать. Ты уже не связываешь себя с внешним домом. Ты понимаешь, что он вторичен. Ты в любом доме осталась бы собой. Мы все связались слишком тесно, и наши судьбы сходятся на одной тебе. Если бы ты отказалась, я бы ушел. И я уйду. Искать другую. Но не успею. Я теряю силы с каждым днем, и скоро буду бесконечно умирать и возвращаться в гнилой дом, чтобы через минуту умереть опять, и так по кругу, бесконечно. Жизнь превратится в ад. Ад. Начался. Давно. Лекарь. У него сердце слабое, он основательно подкосил здоровье. Ха. Когда мы познакомились, он был так пьян, что совсем меня не испугался, вошел, сам, без ухищрений. Потерянный человек. Не самый подходящий кандидат, но я не мог искать другого, пришлось цепляться за него. Он слишком берет всё на себя. Девочка, у него жена — так ведь у вас называются эти люди? — погибла, от болезни, а он винил во всем себя, и до сих пор винит. И если со мной что-то случится, с тобой, со сломанным, со всеми нами, то вина высосет его до дна. Рюмка. Две. И его не станет. А он не сможет удержаться. При лучшем раскладе продержится лет пять, при худшем — года два.

— Рон? С ним что станет? — нетерпеливо перебила Лиза. Напряжение внутри нес достигло пика.

— А ты подумай, девочка. Вы его полностью починили, сломаться дважды невозможно. Без лекаря он пропадет. Он попадет в другие руки, где его начнут ломать опять. Лекарь попробует устроить его, попробует, конечно, но без толку. Без вас сломанный себя не мыслит. Разлучи его с тобой, поставь преграду, и даже сад тут не поможет. Ты можешь представить, что с ним станет, если ему только попробуют отдать приказ, заставят переодеться в форму? Повысят голос, достанут плетку? Ты помнишь, что происходит там, за воротами? Это его самый большой страх — остаться без вас и вернуться в ад. Хочешь знать, как он будет из него выбираться?

— Нет, не хочу, — задрожала Лиза.

— Ты, конечно же, попробуешь ему помочь. Но в нынешнем доме ты ничего не сможешь. Ничего. Ты такая же игрушка в чужих руках, как и он, тебе просто не позволят. Тебя тоже ничего хорошего не ждет. Вернуться к родителю? Или попасть в бордель? Побираться, голодая? И до конца дней ненавидеть себя за то, что отказалась, что упустила шанс; за то, что сломанный себя убьет, что я отправлюсь в личный, бесконечный ад, что лекарь погаснет на твоих глазах. Ты не смогла бы отказаться. Ты любишь нас.

Котенок замолчал и, словно издеваясь, как будто ничего такого не сказал, начал умыться. Тер лапкой ухо, вылизывал ее и тер опять; а Лиза смотрела на него и думала: согласилась бы она? Пошла бы на такое? И понимала, что да. Что сделала бы все, что угодно, потому что сердце щемило от одной только мысли, что кто-то может прикоснуться к Рону. Она не могла думать о себе, на Грэгора и на Кота сейчас ей было наплевать, но Рональд, вечная игрушка, маленькое Солнце, чья рука сейчас перебирала ее волосы снаружи;

синеглазое чудо, единственное в мире, любимый до одури — его ни в коем случае нельзя ломать! Глаза застлала пелена, Лиза всеми силами держалась, чтобы не закричать.

Воспоминания хлынули, из детства: гадкий младший брат, самодовольный и высокомерный; недоумение, почему для брата — все, а ее дорога — в чужой дом и замуж. И та же горечь, то же чувство острой несправедливости, которые преследовали ее всегда, сейчас разгорелись тысячекратно: ведь призрачный шанс начать все заново, в заведомо лучшем положении, возможность беречь Рона от дикой жизни до конца, устроить ему самый лучший в мире Рай — был перед самым носом, бери, хватай, живи как хочешь, но... нечего хватать. И Лиза чувствовала себя путником в пустыне, и вот она ползет, ползет, от жажды умирает; видит стакан воды перед собой, тянет к нему руку и понимает, что никакого стакана нет. Мираж. Вокруг пески, везде, весь мир — сплошной песок; солнце жарит тело, не выбраться. Можно ползти. Можно лежать. Итог будет один — тело начнет медленно, мучительно высыхать.

— Так нечестно, — всхлипнула она. — Рай ненастоящий. Временный. Мнимый и злой.

— Ну а что я могу с этим поделать? Ваш мир такой, — вздохнул котенок.

— Но это же все по твоей вине. Ты все испортил. Ты сделал плохо всем. Из-за тебя мы страдаем. И мы, и ты.

— Я сделал плохо всем? — котенок исчез. На его месте появился Ярый. — А что плохого я вам сделал?

— Как это, что? Ты собрал нас здесь. И прочно привязал друг к другу. Ты ждал, когда я в Рональда влюблюсь. Ты направлял меня. Сокращал сроки. А что в итоге? Ничего! Четыре сломанные жизни!

— Ты все еще думать не умеешь, — он холодно посмотрел в глаза. Сверху сгустились тучи. — Как думаешь, что лучше — спиться и умереть в своей же рвоте или жить и продлевать жизнь другим? Если бы не я, лекарь давно бы умер. Что лучше — быть игрушкой, не чувствовать ничего, терпеть побои, унижения, думать, что это все — нормально, или жить счастливой жизнью, чувствовать, любить? Если бы не я, от сломанного осталась бы только тень, без чувств, без мыслей, без эмоций. Такого ты хочешь для него? Быть вроде бы живым, но мертвым? А ты? Ты помнишь? Что было бы с тобой? Так что плохого я вам сделал? Скажи мне. Объясни. Я искренне не понимаю. Что?!

— Ничего, — девушка отвернулась. Горячие слезы жгли лицо.

— Ш-ш-ш, девочка, не плачь. Мне так трудно удерживать тебя.

— Я не могу. Я не могу не плакать. Как ты себе это представляешь?

— Не надо. Девочка. Все. Хватит, — Ярый взял себя в руки, сел позади Лизы и прижал ее к себе. — Я забываю. Что ты совсем юна. И слишком много хочешь. Это неправильно. Мне жаль, что так все вышло. Поверь, я очень сожалею. Мне грустно будет без тебя. Вы все во мне видите почти что божество, а я не бог, я обычная живая тварь, которая мечтает сдохнуть, только и всего. Я тороплюсь. Упускаю важные моменты. Гоню события вперед, теряю бдительность. Да, я виноват. Я очень часто ошибаюсь. Возможно, что-то упустил опять. Не знаю. Я ничего уже не знаю. И просчитывать иные варианты не вижу смысла, да и не хочу. Быть можешь, ты найдешь выход и будет все не так плохо, как я тебе сказал.

— Не будет. Наш мир... да ты и сам ведь понимаешь, — вздохнула Лиза и откинула голову назад, на его плечо. — Лекарь берет все на себя. Он стар. Мы все зависим от него. Он наша связь с внешним миром. Я в теле женщины игрушка. Рональд там полное ничто. Ты умираешь, тебя боятся все и никто больше не поможет. Всё плохо. Плохо, очень.

— Увы, но так.

Лиза крепко сомкнула веки. Гнетущее чувство безысходности сковало девушку, ей больше всего на свете хотелось сказать «Я хочу выйти» — в первый раз отсюда, и второй раз — из того мира, который начинался снаружи, чтобы попасть в другое место.

Хорошее.

Которого, увы, не существовало.

Глава 21. Он не может — я могу

Открыть глаза. Подняться. Встать.

Не смотреть на Ярого. Ни в коем случае. Нельзя смотреть.

— Лиза, с тобой все хорошо? — сдал руку Рональд, поднимаясь следом за ней.

— Все хорошо, — улыбнуться. Не поворачиваться к Котику. Идти к двери. Там яркий свет.

— Точно?

— Рональд, идем. Идем, быстрее.

Лиза быстро выбралась наружу и торопливо пошла вперед. Если бы она хоть мельком посмотрела на Кота, то не смогла бы продолжить делать вид, что с ней все хорошо. Горький ком стоял у горла.

Не разреваться. Не смотреть. Уйти, подальше.

— Он что-то сделал? Лиза, что с тобой?

— Все хорошо. Я же сказала. Не спрашивай, не надо, — стараясь говорить нормально, бесцветно попросила Лиза.

— Нет, Лиза. Нет, не хорошо, — Рональд остановился. Девушка была вынуждена обернуться. Позади виднелся лесной дом.

Там он. Но думать о нем пока нельзя. Надо успокоиться. Собраться. Понять, что жизнь в который раз взяла крутой вираж и никогда не будет прежней; девушка до сих пор не могла этого принять.

— Лиза!

— А? — всмотрелась в синие, обеспокоенные глаза. Чуть-чуть пришла в себя. Услышала шелест листвы и крики птиц. Заметила зеленые деревья. И Рона. Целого.

Которого пока еще никто обратно не ломал.

Который мог быть собой и делать то, что хочет. Без разрешения, не по приказу. Выращивать прекрасные цветы, заботиться о Грэгоре, о ней, чесать рога у Биззи, играть в карты, радоваться, срываться, плакать и не бояться, что его не так поймут или поднимут на смех.

Волосы зачесаны назад, шевелятся от ветра. Он нервничал, наверно, пока она спала, и по привычке пропускал пряди через пальцы. Нереальные глаза со звездочкой вокруг зрачка смотрели на девушку и не моргали. Щека, гладкая, он же вчера побрился, старался, для нее. Брови. Темнее волос на голове, густые, ровные. Красивое, прекрасное, любимое лицо. Покрытое ровным загаром. Небольшой нос, с широкими ноздрями. Рот, с прикушенной нижней губой.

Когда он волновался, то всегда ее кусал. И... Конечно. Как раньше можно было не заметить?!

— Рон... Рональд, что с тобой? — у Лизы расширились глаза. Она сомкнула веки, распахнула, всмотрелась в Рональда опять.

— Нет, Лиза. Что с тобой? — переспросил, тоном выделяя последнее слово.

Девушка протянула к нему руку. Провела пальцем, с нажимом, по щеке. Невероятно, но... метка исчезла. Осталось чистое лицо.

«Я хочу смотреть глазами», — посмотрела на Рональда опять. Хищная паутина, как

прежде, тянула нити от виска и захватывала в плен владельца.

«Нет, не хочу. Хочу видеть душой», — метка исчезла.

— Лиза, да скажи хоть что-нибудь!

— А? Нет, Солнце, все в порядке. В порядке. Правда. Просто... я же ни разу тебе еще не говорила. А я тебя люблю. Ужасно. Очень сильно. Ты постоянно мне об этом говоришь, а я ни разу, но я хочу, чтобы ты знал — ты самый лучший на земле, и я тебя люблю сильнее всех на свете, — потоком хлынули слова. — Солнце, скорее, обними меня.

— Я знаю, я же вижу все, — он незамедлительно исполнил просьбу. Обнял. Глупая птица вылетела из-под куста и, каркая, шумно взлетела; Лиза не видела ее, предательские слезы сочились сквозь ресницы, стекали, падали на рукав Рона и впитывались, оставляя мокрые следы. Как можно рассказать ему всю правду? «Рон, Солнышко мое, мы все обречены?!».

— И я тебя люблю, — продолжил Рональд. — Ведь ты же тоже знаешь? Пожалуйста, не плачь. Скажи, что надо сделать? Как сделать так, чтобы та тварь отстала от тебя, оставила в покое, Лиза, я больше не могу. Что ему нужно?

— Нет, все в порядке. В порядке. Идем, скорей, — отпрянула она и потянула Рона к дому.

Смахнула слезы. Шла молча, пока вдали не показался дом, и девушка замедлила шаги.

— Рональд, а три-четыре года — это много?

— К чему такой вопрос?

— Да просто так. Рональд, а если, предположим, это не значит, что будет так, а просто, если вдруг я, например, вдруг не смогу ходить, ну просто так случится, заболēju, например, стану беспомощной, ты...

— Да я тогда тебя возьму и сам буду на руках носить. Лиза, пожалуйста. Не надо. Скажи мне прямо. Что там произошло?

— А когда Грэгор умрет, то что ты будешь делать? — не слушая его, спросила Лиза.

— Не говори так, — Рональд резко развернул девушку на себя, моргая быстро-быстро. — Прости. Не знаю. Я не знаю. Что я могу сделать? Ничего. Вместе с именем отойду его дальней родне в наследство. Все будет плохо. Ты вместе с Ярым вряд ли им нужна. Нас разлучат, а если все сплывет, то меня жестоко покарают, а на тебе ляжет клеймо. Я пропаду, и так, и так. Ты тоже это знаешь. Я без него никто. Я понимаю, что тебя это волнует. Ты думаешь о том, что будет дальше? Я тоже часто думаю. У тебя нет будущего со мной. Я тоже это знаю.

— Да нет же, Солнышко мое, я не про это, я, просто... прости. Идем скорей домой.

— Нет, Лиза, — не тронулся Рон с места. — Скажи все сразу. Я больше не могу. К чему вопрос про три-четыре года? Грэгор потом умрет? Что значит, «если не смогу ходить»? Что ему надо? Что? Он хочет забрать твои ноги или все тело? Глаза? Оздоровить себя за счет тебя? Вот так он живет вечно, за счет других? Я этого не допущу. Идем к нему. Я знаю, что не смогу его убить. Что он не даст с собой хоть что-то сделать. Но его ведь можно попросить? Обычными словами? Он хочет что-то сотворить с тобой? Я предложу ему себя. Зачем-то же он меня выбрал. Для чего-то же привел сюда. А вдруг для этого? Вдруг он специально тебя доводит, чтобы я захотел тебе помочь? Ему ведь надо, чтобы все происходило добровольно? Так я готов. Хочу. Пусть делает со мной все, что захочет, мне все равно уже, мне больно на тебя смотреть, я больше не могу так, Лиза. Я не могу обещать тебе уверенного будущего со мной, оно не продлится долго и мы оба это знаем, но я хочу помочь

тебе, пока еще могу. У меня нет ничего, нет, не было и не будет, есть только я, вот пусть меня и забирает. Так будет лучше всем. Идем. Я у него спрошу. Ну вдруг он согласится?.. — Рональд умолк, отвел глаза, но девушка успела заметить его слёзы.

— Солнце, — оторопела Лиза и замолчала, не зная, что сказать. Потому что видела и понимала, что он на самом деле был готов. Боялся, но хотел немедленно идти, думая, что ему придется отдать собственные ноги — ноги! — или целиком себя, на растерзание, ну как ему могло такое в голову прийти?! Да разве бы она его пустила?!

Мысли вскружили хороводом, сердце разошлось в груди. Обзор сузился до точки, в ушах отдался гулкий пульс. Фрагменты фраз, обрывки предложений, образы котов и лис, болотная вина и слово «думай», события последних дней — все разом хлынуло потоком, путая, сбивая с толку.

«Наша козырная карта»;

«Вдруг он для этого меня привел?»;

«Думай, девочка. Ду-май»;

«Как сделать так, чтобы мне не стало плохо?»;

«Его ведь можно попросить?».

Пазл складывался. Но как решиться на самый сложный в жизни шаг? Здесь и сейчас? Вот как?!

— Лиза, не думай даже. Если так можно сделать, то идем, — потянул за руку Рональд, вытаскивая девушку в реальность. Где пели птицы и где рядом стоял он.

Всего лишь тело. Просто дом. Да, риск. А кто-то больше сотни лет рискует!

Лиза выдохнула, вдохнула, стиснула ладонь Рона, понимая, что он бы — смог. А она? Она чем хуже?

— Да нет же, Солнце, ты не так все понял, — сбивчиво заговорила Лиза. — Ему не нужен ты. Но мне надо знать наверняка и точно. Рональд, ты точно меня любишь? Меня, именно меня? Я могу себя тебе доверить? Не на день, и не на год, а навсегда? Ты справишься? Ты сможешь? Не уточняй, не задавай лишних вопросов, просто скажи — нет или да?

— Лиза, да что с тобой такое?!

— Нет или да?

— Лиза...

— Рональд! Да или нет?!

— Конечно, да, — ответил Рон без колебаний. — Но...

— Прочее неважно, — поспешно перебила Лиза. — Тогда — идем. Идем, скорее, — она развернулась и уверенно пошла назад. — Он мне не может предложить. А я могу! Я попрошу его, сама. А вдруг он согласится? — недавними словами Рона заговорила девушка, прибавляя ход. Книголюб.нет

— О чем попросишь? Что он не может предложить?! Да хватит уже, Лиза!.

— Потом скажу, — девушка уже бежала, быстро, боясь, что может опоздать и не успеть. Тропинка, обычно короткая, сейчас как будто удлинилась, вытянулась, и девушке казалось, что до вожаемой цели добираться целый век; но вот увидела тот дом, порог, распахнутую дверь — она схватилась за косяк, остановилась и перегородила собой путь, не впуская вовнутрь Рона. — Подожди меня снаружи. Пожалуйста, не заходи. Я быстро. Честно. Рональд, я люблю тебя. Все будет хорошо. Теперь я знаю точно.

— Лиза! Не надо! — схватил плечо. Она отстранила его руку.

— Жди, — захлопнула дверь перед носом Рона и, чувствуя, как сердце разрывается в груди от бешеного ритма, повернулась к Ярому-Коту. Он сидел, навалившись на стену, и на нее смотрел. Не шевелился. Выжидал.

— Ты хитрый, Котик, — волнуясь, подошла к нему. Села на корточки. Прикрыла глаза — огненные нити, объявшие его тело с ног до головы, в темноте горели слишком ярко. Заработала руками, подхватывая их и отбрасывая прочь, они таяли и исчезали. — Сейчас, скоро, подожди, — уже ладонью, а потом и двумя, с нажимом, проводила по рукам и по ногам, по животу, по голове, спине и по бокам — так нитей к руке цеплялось больше — и нервно стряхивала их.

Лизе никто не говорил, но она точно знала, что именно так и выглядит физическая боль. Как тонкая, колышущаяся, красная полоска, жгучая, буравящая владельца насквозь, и чем она ярче, чем длиннее, тем сильнее боль. Что убрать ее может только кто-то другой, самому себе нельзя, все по законам правильного мира, откуда вышел Ярый.

— Ты очень хитрый. Ты все просчитал, и подстелил соломку. Ты ведь подслушал нас ушами Рона? Знаешь, зачем я пришла? Да что же их так много... — собрала огненный пучок в районе живота и разом вырвала. — Ты абсолютно прав. Я думать не умею. Ведь ты же сразу мне сказал, что все в моих руках. Дал наводку, намекнул. Я не умею слушать. Ты никуда сегодня не пойдешь. Мне еще многому надо научиться, я не хочу бросать на пол пути. Последняя, — и потянула ниточку из правого плеча. — Я завтра их опять подчищу. Кот. Котик... — только теперь осмелилась взглянуть в его глаза. Лицо напротив не смотрелось маской. Ожило. Веки моргали, на лбу собрались складки, ходили желваки. Он то щурился, то слишком расширял глаза. Лиза в первый раз увидела, как Ярый полностью вышел из себя и стал выглядеть почти нормально.

Голос ее чуть было не задрожал, она прокашлялась и сказала, уверенно и твердо:

— Ярый. Пожалуйста. Я очень тебя прошу. Прими в подарок мое тело. Делай с ним все, что захочешь. Мне все равно. Я так хочу. Возьми.

Кот резко наклонился к ней. Шелковые волосы коснулись плеч Лизы, ноздри втянули ее запах. Хищный взгляд пробежался с головы до пят.

Уголки губ медленно поднялись, обнажая острые и белые клыки. Девушка непроизвольно сжалась, от напряжения в ушах раздался звон — а вдруг откажется? Вдруг не пойдет на сделку? И что тогда?!

— Согласен, — промурлыкал он.

Глава 22. Последние задания

Лиза быстро научилась входить в себя. Когда вошла в первый раз, то... испугалась. Как же там было грязно, серо, сколько ограждений построено, границ, и сверху, и снизу, и по краям; а уж сколько хранилось абсолютно бессмысленных вещей! Старые обиды перекатывались по пространству, большие, раздутые, но полые внутри; толстый слой плесневелых сомнений, кишаций червями, покрывал стены; липкая зависть с неприятным запахом сочилась из щелей; огонь вспыльчивости разгорался то тут, то там; в воздухе застыл ядовитый туман накопленной злобы, а ноги засасывала трясина подозрительности. Многочисленные призраки сновали туда-сюда, и в одних она узнала отца, в других — мать, в нескольких признала Тима. Были и другие люди, некоторых она уже и вспомнить не могла. Они бессовестно бродили по душе, оставляя за собой грязные следы, которые едва начинали исчезать, как их месте тут же появлялись новые.

Недели две они с Ярым охотились на призраков и уничтожали их, разрушали преграды, оттирали сомнения, сжигали обиды, высушивали подозрительность, выветривали прочно въевшуюся озлобленность, и после многодневных трудов остался последний червячок сомнения, мечущийся по ослепительно-белому пространству — Лиза наступила на него ногой, и он с хлопком исчез.

И с этого момента в душе поселилась небывалая легкость, умиротворение и счастье.

— Лиза, ты ведь можешь отказаться. В любой момент. Это рискованно. Опасно, — в который раз подумал Рон, глядя на рыжую лисицу. Ему нравилось, что можно обращаться к Лизе молча — это будоражило его.

— Нет, Солнце. Могу, но не хочу. Смотри, красиво получилось?

Рональд вздохнул. Он выглядел прекрасно. Раздет по пояс. Взрослее, лет на пять. Возмужалый. Не бегаящий, серьезный взгляд. Его хотелось трогать и никогда не выпускать. И сегодня от него душу кололо не так сильно, как, например, вчера. И не жгло яростью, как в первый раз, когда она, собравшись с духом, все рассказала, от и до. Он разозлился не на нее. Не на то, что обречен на роль пожизненной сиделки. На Ярого. На всю жизнь в целом. На несправедливый мир. Его трясло от злости. Но время шло. Он успокаивался. Смирался. Теперь на смену гневу пришли сомнения — а справится ли он с возложенной задачей? А сможет ли сделать так, чтобы ей было хорошо? Лизу смущали его мысли. От них она влюблялась в Рональда сильнее. Она просила их закрыть — его же просьба возмущала, он искренне считал, что не имеет права что-то от нее скрывать.

Рон вытянулся на траве, погладил сочный стебель солнечной герберы. Лиза еще не научилась тщательно продумывать миры, и трава внутри нее была похожа на ковер, такой же мягкой и пушистой, а небо было без облаков, просто голубое.

— Красиво, да. Как та гербера из первого букета.

— Она не простая. Спроси ее о чем-нибудь.

— Ну, хорошо. Привет, — колкость совсем прошла. Рональд отвлекся, сосредоточившись на тщательно продуманной гербере.

— Привет, — мелодично пропел в ответ цветок.

— Ах... — потерял дар речи Рон. Лиза сидела рядом и сияла от его восторга. От вида

округленных синих глаз. Она три дня смотрела на цветы в саду, трогала их и запоминала, тренировалась, сделала отличный образ и научила говорить, и, глядя на реакцию Рональда, радовалась, что не зря старалась. — Ах-ха!.. Не может быть! Я так всегда хотел, чтобы цветы мне отвечали, — счастливо улыбнулся он. Сел, переложил лисицу на колени, погладил огненную шерсть. — Спасибо. Это так волшебно.

— Хочешь тоже что-нибудь создать?

— А можно?

— Можно. Только я не пробовала ни разу. Давай, ты думай, а я на тебя настроюсь.

— А о чем думать?

— Лучше всего получается то, что ты очень хорошо знаешь. Детально. Тогда образ получится настоящим.

— Хм... ну, хорошо.

Он пересадил лисицу на траву, сам выпрямился, сел в позу лотоса и закрыл глаза. Лиза настроилась на поток мыслей и, начиная с низу, воссоздала образ. Сперва новые блестящие туфельки, она их помнила — в них так неудобно было бежать, они скользили подошвой по влажной гальке; потом подол зеленого платья, которое она больше никогда не надевала, забросив в дальний угол шкафа; маленький живот, тогда еще едва заметный; декольте, украшенное атласной лентой салатного цвета; золотые волосы, спутанные, потому что она не спала всю ночь и не могла их расчесать; испуганные глаза, как два огромных изумруда; щека, с багровым синяком — но он почти не выделялся на фоне ослепительно яркого цвета. Прекрасный образ, продуманный до последних мелочей, до каждой волосинки, реальный, настоящий, так тщательно можно запомнить только то, что произвело огромное впечатление, что для запомнившего очень много значит. Она сама. В тот самый день, когда впервые увидела Рона.

Лиза только сейчас заметила, что плачет.

— Дом созреет к двум-трем годам. Ваши оболочки рождаются слишком незрелыми. Тогда ты сможешь полностью прийти в себя. Держи, — Кот дал в руки стопку книг, прихваченных с собой.

— Что это?

— Знания. Мне они больше ни к чему. Здесь все о свойствах предметов и живых существ. Они тебе помогут четче представить реальный мир. На их основе легче придумывать свое. И вот это возьми, — еще одна книга легла на стопку. — Тут все, что я успел узнать о вашем мире. И вот это заberi. Тут сила воли и терпение. Вот еще, — подмышку втиснулся тонкий сверток. — Управление временем. Вынес отдельно. Отсчитывай секунды как минуты, потом как часы, потом как дни. Пока дом не созреет.

— Да-да. Я помню тот урок.

— И вот. Настойчивость. Удержишь?

— Удержу, — Лиза не чувствовала веса стопки, хотя она получилась высокой и большой.

— Тогда возьми еще талант. У меня один. Актерский. Но очень развитый.

— Спасибо.

На вершину стопки легла кукла-марионетка. Прижимая подарки к груди, Лиза посмотрела на Ярого. На сердце было тяжело.

Неловкая пауза затянулась.

— Ярый... там, схватки. Усиливаются.

— Да. Надо торопиться.

И никто не сдвинулся с места.

— Котик...

— Нет, девочка. Не надо. Я не люблю прощаться.

— Я буду по тебе скучать.

— Я тоже буду.

— А еще... еще, хочу, чтобы ты знал, хотя ты и так все знаешь, но мне надо проговорить словами вслух. Ярый, ты был прекрасным мужем, и я тебя люблю. Не так, как Рона, а как-то по-другому, но люблю. Мне так не хочется, чтобы ты уходил.

— А я хочу уйти.

— Я знаю, — задрожала девушка. Стопка накренилась в руках. Он шагнул вперед и выпрямил ее; убавил рост до роста Лизы. Лицо напротив разгладилось, помолодело. Теплый взгляд вводил в приятный транс.

Подчиняясь его воле, девушка заворожилась. Он светился от счастья, и никогда еще не был настолько красивым.

— Тебе пора.

— Прощай, — прошелестела Лиза, чувствуя, что пропадает. Пространство померкло и исчезло, ее затягивало в другой дом — но, уже на грани перехода, она расслышала его последние слова:

— И, девочка. Лиса. Спасибо.

Рональду иногда казалось, что она умерла. Что Ярый обманул их, обвел вокруг пальца, получил то, что хотел, нагло подставил Лизу, убил ее и убрался восвояси. А они остались. Вдвоем. С чужим ребенком.

Но потом гнал прочь плохие мысли и возвращался в реальность. Привязывал ребенка к себе и шел в сад, где настроение все так же повышалось, как и много лет назад. Он показывал Лисенку герберы, желтые, много-много маленьких подсолнухов и больших ромашек. Ребенок тянул к цветам руки и что-то лепетал. А Рональд смотрел на него и не мог поверить, что где-то там, глубоко внутри, находится она.

Он любил разговаривать с Лисом. Не с ним, а с ней. Односторонний монолог, Рональд точно так же разговаривал когда-то с цветами. Теперь молчаливые цветы заменяла не менее безмолвная Лиза. С глазами совсем другого цвета, карими. Но как же ему не хватало именно тех самых глаз!

Ей... ему... ребенку исполнилось почти два года. Он очень плохо развивался. Почти не рос. Только-только научился самостоятельно сидеть. Лис узнавал в лицо одного Рона, и радостно тянул к нему худые ручки. Рональд его купал, кормил, укладывал спать, менял пеленки, подрезал волосы и ногти, не спал с ним ночью и везде носил с собой. Передавал Грэгору только в случае острой нужды и вечером, когда доктор приходил с работы. За два года Рон выспался, наверное, три или четыре раза. Ребенок плохо спал. Он плохо ел. Часто кричал. Часто болел. Обычно ночью Рональд дремал в нелепой позе в кресле, с Лисом на руках — только так ребенок успокаивался и ненадолго затихал.

А первые месяцы Рональд почти не помнил. Все было, как в тумане, как в плохом, кошмарном сне. Лисенок балансировал на грани, они с Грэгором по очереди дежурили у стола, днем и ночью спасая ему жизнь. Спирт, запах лекарств и трав, желание все бросить, упасть и просто отключиться — и только понимание того, что там, внутри, она, придавало сил, и он настойчиво боролся дальше. Тело ребенка укрепили. Лис перебрался со стола в кровать. Дышать стал сам. Есть — тоже. И настало время переезжать туда, где бы о них никто не знал, начать жизнь с чистого листа. А Рональд больше всего на свете не хотел переезжать, сел в гостиной на диване, прижал к себе Лисенка, и словно сам стал маленьким ребенком: расплакался и все твердил, что не поедет никуда. Что это место — Рай, что он не сможет без него, что только здесь было и будет хорошо, что Лиза должна очнуться здесь, а не в чужом и незнакомом доме.

Грэгор сел рядом, обнял его. Сказал, что сильно любит. Что надо уезжать. Что это место стало Раем лишь потому, что они его сделали таким. Что Рай — это не место. Рай — это Рональд, Грэгор, Лиза. Люди.

И новый дом действительно не оказался страшным. На окраине города у моря, аккуратный, небольшой. Рональд как обычно засадил цветами двор. Грэгор по-прежнему лечил. То же солнце светило в окна по утрам. Такой же ветер дул под вечер.

Он часто ходил гулять на побережье. С привязанным ребенком за спиной. Внимательно смотрел на плещущиеся волны, на синеву у горизонта, на рассыпчатый песок и разноцветные камни под водой. А вдруг именно сейчас она смотрит на мир его глазами? И Рон старался чаще ходить туда, где было красиво, разглядывать рассветы и закаты, цветы, бабочек,

богатые дома и лица прохожих. И, специально для нее, каждый день в одно и то же время подходил к зеркалу и смотрел на себя. Представлял, что там, напротив, стоит она и тоже смотрит. Говорил, что очень скучает. Невыносимо. Что еле держится, но ждет. Упрашивал вернуться поскорее. Сейчас. Сегодня. Или завтра. И так — неделю за неделей. День за днем.

Лис, наверное, в шестой или в четвертый раз раскричался за ночь. Рональд встрепенулся, мигом раскрыл глаза, встал с кресла, покачал ребенка, успокоил. Не хотелось, чтобы Грэгор проснулся. В новом городе дела у него пошли в гору, и он работал допоздна. Уставал. Хотя виду старался не подавать, и всегда после работы отправлял Рона отдыхать, готовил на всех ужин, читал с ребенком на руках, занимался с ним. Рон в это время отсыпался. А ночью давал выспаться Грэгору.

В окна лился розовый рассвет. Глаза слипались. Зевая, Рональд сел в кресло. Поджал колени, прислонил к ним Лиса. Ребенок что-то залепетал, замахал руками, бессмысленным взглядом посмотрел вокруг. Спать малыш, увы, совсем не собирался.

Вздыхнув, Рональд вложил палец в крохотную ладонь — она сжалась рефлексивно и прочно его обхватила. Вложил палец в другую ладонь — ребенок вцепился и в него тоже. Рональд приподнял тощие ручки, опустил их. «Сейчас в рот возьмет», — подумал он, и Лисенок, точно прочитав мысли, подтянул палец ко рту и больно цапнул.

— Ай! — вскрикнул Рон и сердито посмотрел в глаза ребенку. С тех пор, как у него выросли зубы, он стал довольно больно кусаться. А сейчас прокусил палец до крови. — Нельзя так делать! — строго сказал ему в лицо, хотя и понимал, что Лис не поймет смысла сказанных слов, и встряхнул руки, пытаясь сбросить вцепившиеся детские ладони.

Не получилось.

Встряхнул сильнее — опять не вышло.

Перевел озадаченный взгляд на лицо ребенка.

А тот смотрел. На него.

Не бессмысленными пустыми глазами.

Не в никуда.

А конкретно на него.

Пронзительным, серьезным, взрослым взглядом.

Сердце больно кольнуло.

— Нет, — всхлипнул Рональд и сжал детские ладошки. — Этого не может быть!.. — крепко зажмурился.

«Мне показалось, мне показалось, мне просто кажется...» — и осторожно приоткрыл глаза.

Ребенок улыбался. И... ямочки на щеках.

Те самые.

Больше книг на сайте — Knigolub.net